

Основан
в 1967 году
Выходит
6 раз в год
Издательство
"Наука"
Москва

Научно-популярный журнал
Института русского языка
Академии наук СССР

Русская 2 речь

1986 МАРТ • АПРЕЛЬ

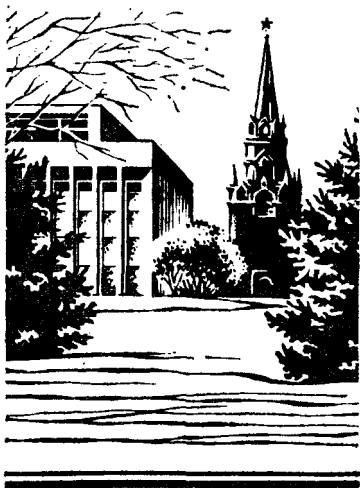
В НОМЕРЕ:

- ДЕЛО ПАРТИИ — ДЕЛО ВСЕГО НАРОДА
- 3 Программа роста материального и духовного потенциала народа
-
- ЯЗЫК ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА
- 7 *Л. И. Жигенева.* Приемы создания экспрессии в газетных текстах
- 13 *Б. И. Матвеев.* Разговорно-бытовые фразеологизмы в ленинской публицистике
-
- В ПОМОЩЬ ПРОПАГАНДИСТУ
- К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. М. КИРОВА
- 18 *Н. Н. Кохтев.* Оратор всепокоряющей силы
-
- ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
- 23 *В. М. Фонштейн.* «Богатырская повесть стихами» А. Н. Радищева
- 30 *В. П. Владимирцев.* Кто такие «адмирал Чаинский» и «кулики» у Ф. М. Достоевского
- 35 *Б. Н. Тихомиров.* Почему *Родион Раскольников*?
- 40 *С. В. Тарасенко.* Ленинское слово в поэмах В. Федорова
- К УРОКУ ЛИТЕРАТУРЫ
- 45 *Л. И. Балахонова.* О языке поэмы «Хорошо!» В. Маяковского
-
- КУЛЬТУРА РЕЧИ
- 54 *И. Б. Голуб.* Источники выразительности художественной речи
- 60 *Л. А. Шкатова.* Речевой этикет: если вы покупатель...
-
- ОТВЕЧАЕТ СЛУЖБА ЯЗЫКА
- 64 *Е. М. Лазуткина.* Акт [на что-либо, чего-либо, о чем-либо, по чему-либо]
-
- ТЕРМИНОЛОГИЯ
- 66 *Н. П. Волкова.* Как назвать изделие?
-

-
- 72 СТРАНИЦА НОВЫХ СЛОВ**
-
- СРЕДИ КНИГ**
- 74 Л. П. Калакуцкая. Склонение фамилий и личных имен в русском литературном языке
- 76 А. И. Федоров. Образная речь
-
- РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**
- 78 В. А. Макаренко. Русский язык в Республике Филиппины
- 82 Международный симпозиум МАПРЯЛ
-
- ДЕЯТЕЛИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
К 300-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ**
- 84 Василий Никитич Татищев (1686—1750)
-
- ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ**
- 91 В. П. Козлов. Источник первых комментариев «Слова о полку Игореве»
- 100 В. В. Калугин. Байса́ и басма́
- 106 Т. А. Заказчикова. Формы древнерусского имени в десятиях
- 110 Л. Г. Смирнова. «И исполчишася Русь, и бысть сеча велика...»
-
- ПОЭТ И ФОЛЬКЛОР**
- 117 В. Д. Бояркин, Л. И. Степанова. Масленица в Ростов поехала
-
- ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ**
- 120 У. Д. Эсанов. Брульон и черновик
- 124 А. К. Бирих, В. М. Мокиенко. Носить усы, бороду
- 130 Е. С. Огин. «Меденколия, которая болезнь называ-
етца хипохондриа»
- 136 М. А. Шелякин. Выходить замуж, жениться на...
- 139 Н. Д. Насилова. От мала до велика
-
- ОНОМАСТИКА**
- 144 В. А. Никонов. О русских фамилиях (ответы читателям)
-
- ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»**
- 150 Пирафен
- 151 Еще раз о слове *аншлаг*
- 154 Как-то — однажды
- 156 «У нас в Рязани...»
- 157 Обустроить — обустраивать
-
- 148 КРОССВОРД
-

Обложка выполнена А. М. Юликовым

Программа роста материального и духовного потенциала народа

Весь советский народ, переживая ответственную пору своего исторического бытия, с чувством особого политического и трудового подъема воспринимает программные документы нашей партии, отражающие планы экономического и социального развития страны на 12-ю пятилетку и до 2000 года. Они являются целостной научной концепцией ускорения.

В них нашел концентрированное выражение новаторский дух Великого Октября, весь опыт социали-

стического строительства.

Великая Октябрьская социалистическая революция — это революция социальной справедливости. Воплотив в жизнь сокровенные чаяния людей труда, она навсегда покончила с эксплуатацией, социальным и национальным бесправием, безработицей и неграмотностью. Наша страна в исторически короткие сроки поднялась от вековой отсталости к высотам общественного прогресса, добилась выдающихся успехов во всех сферах жизни. Трудом ряда поколений советских людей создан мощный экономический, научно-технический и культурный потенциал. Итогом самоотверженного труда советского народа явилось рождение могучего социалистического государства, фор-

мирование основ цивилизации исторически нового типа. Социализм, учит партия, это общество, в котором народные массы приобщены ко всем источникам знания, создана передовая культура, вбирающая в себя все лучшее из культуры общемировой.

Программа нашего развития на перспективу — это программа планомерного и всестороннего совершенствования социализма, дальнейшего продвижения советского общества к коммунизму на основе ускорения социально-экономического развития страны. Ускорение — настоятельное требование нашего времени. С ускорением социально-экономического прогресса связаны установки партии в области идейно-воспитательной работы, образования, науки и культуры. Цель партии — дальнейшее упрочение в сознании советских людей социалистической идеологии, приобщение самых широких масс населения к достижениям науки, ценностям культуры, формирование общественно активной, всесторонне развитой личности.

В области народного образования партия ставит программную задачу воспитания и подготовки сознательных и высокообразованных людей, способных как к физическому, так и к умственному труду, патриотов своей социалистической Родины.

В области науки предусматривается динамический прогресс всех отраслей знания, в особенности наиболее перспективных направлений, призванных ускорять достижение намечаемых экономических и социальных целей, духовное развитие социалистического общества.

В области культурного строительства, литературы и искусства КПСС придает большое значение более полному и глубокому освоению трудящимися массами богатств духовной и материальной культуры, активному приобщению их к художественному творчеству. Советская культура — могучий фактор духовного прогресса человечества, прообраз грядущей культуры коммунистического общества. Художественная, эстетическая культура, культура человеческих отношений, а также высокая речевая культура — это одновременно и цель общества развитого социализма, и средство для достижения духовных вершин, достойных коммунистической цивилизованности. Характерная черта нашей социалистической культуры — ее демократизм, то есть доступность и ясность, основанные на глубинной народной эстетике, на всем передовом и

лучшем, что создано в веках различными народами и цивилизациями.

В области национальных отношений КПСС ставит задачей дальнейшее укрепление братской дружбы всех наций и народностей Советского Союза, наращивание материального и духовного потенциала каждой республики, его максимальное использование в рамках единого народного хозяйства. Велика в связи с этим цементирующая роль русского языка в развитии социалистической по содержанию, многообразной по национальным формам, интернационалистской по духу единой культуры советского народа. Овладение, наряду с языком своей национальности, русским языком, добровольно принятым советскими людьми в качестве средства межнационального общения, расширяет доступ к достижениям науки, техники, отечественной и мировой культуры.

Возрастает роль русского языка и в межгосударственном общении, прежде всего в содружестве братских социалистических стран. Эти страны в условиях равноправия и взаимного уважения национальных интересов идут по пути все большего взаимопонимания и сближения. Активизация коллективной мысли, постоянное расширение обмена духовными ценностями, сотрудничества в области науки и культуры служат дальнейшему углублению дружбы между социалистическими странами.

«В нашей программе,— отмечал В. И. Ленин,— каждый параграф есть то, что должен знать, усвоить и понимать всякий трудящийся» (Полн. собр. соч. Т. 38, с. 179). Важнейшие политические документы партии полностью отвечают этому ленинскому требованию. В ходе их предсъездовского обсуждения они стали достоянием масс, а значит, превратились в могучую силу ускорения социально-экономического развития страны.

Каждым своим положением созидательные планы партии нацелены на активизацию человеческого фактора — решающего условия всех позитивных перемен, происходящих в стране. Деятели литературы и искусства, представители общественных наук чувствуют повышенную ответственность за укрепление нравственного здоровья нашего общества, уверенно смотрящего в завтрашний день. Для ученых-языковедов, педагогов и журналистов подъем речевой культуры неотделим от общего подъема культуры народа, от задач приумножения национальных

духовных богатств, задач патриотического, нравственного воспитания.

Велика роль русского языка в совершенствовании идеологической деятельности в условиях возрастания духовных запросов трудящихся, в дальнейшем улучшении работы средств массовой информации. Печать, телевидение и радиовещание, подчеркивается в требованиях партии, призваны убеждать людей политической ясностью и целеустремленностью, глубиной содержания, оперативностью, информационной насыщенностью, яркостью и доступностью своих выступлений.

Подлинная демократизация культуры, происходящая в нашей стране, выравнивание материального и образовательного уровней различных групп населения в условиях зрелого социалистического общества, развитие массового обмена информацией и знаниями на базе общелитературного языка приводит к усилению в сознании говорящих и пишущих роли и авторитета литературных норм, речевой культуры в целом. В обществе развитого социализма требование высокой культуры речи осознается как общекультурное требование к личности строителя коммунизма, расценивается как показатель его гражданской зрелости, общественного самосознания, производственной компетентности и социалистической цивилизованности.

Сложные и многогранные задачи, стоящие ныне перед социалистическим обществом, требуют приведения в действие всех внутренних движущих сил социалистического строя при неременной активизации личностного, человеческого фактора. Партия ждет от ученых, от всей советской интеллигенции весомого вклада в ускорение научно-технического прогресса, в обогащение духовного потенциала страны.

Приемы создания экспрессии в газетных текстах

Л. И. ЖИТЕНЕВА,
доцент Ленинградского университета

Газетные публикации В. И. Ленина обладают огромной силой воздействия на читателя. Это связано не только с отчетливо выраженной в них партийной позицией автора, с убедительной аргументацией, но и с особой организацией речи, с умелым использованием самых разнообразных ресурсов языка.

Газетной публицистике Ленина свойственна прежде всего определенная система в употреблении лексики. Естественно, что выбор слов, несущих ключевую информацию, определяется идейно-тематической основой текста и рассчитан главным образом на информативную функцию. Но даже нейтральная лексика в статьях, написанных в период чрезвычайных исторических событий, часто выражала волевою и полемическую настроенность, воплощенную в лозунгах, призывах, обращениях. Такой характер имеют, например, слова в лозунге «Вся власть Советам!». Экспрессивность значительно усиливалась, если в призывы были включены прямые обращения к определенным группам или лицам: «Граждане! Поймите, в чем состоят приемы капиталистов всех стран!» (Полн. собр. соч. Т. 31, с. 231).

Такие обращения определяют общую тональность многих газетных материалов В. И. Ленина, прежде всего тех, которые были написаны в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической рево-

люции. Выразительность ленинских текстов связана и с полемическими приемами изложения, сопровождающими цитирование высказываний представителей различных партий, групп и отдельных лиц. Можно видеть четкое разграничение способов ведения полемики с явными классовыми врагами и заблуждающимися, ошибающимися людьми. В статье «Один из коренных вопросов», имеющей подзаголовок «Как рассуждают социалисты, перешедшие на сторону буржуазии», В. И. Ленин цитирует «первомайское» письмо Плеханова к «артели социалистического студенчества». Объективных условий для захвата политической власти еще нет, говорится в письме, нужно вести «долгую просветительную и организационную работу в недрах рабочего класса», а пока «дружно поддерживать» Временное правительство (т. 31, с. 300). Это ошибочное мнение Плеханова подвергается детальному рассмотрению и резкому осуждению. В. И. Ленин сопровождает свои мысли эмоционально-оценочными замечаниями: «Дальше в лес, больше дров. Каждый шаг анализа показывает новые бездны путаницы г-на Плеханова»; «Г-н Плеханов слышал звон, да не понял, откуда он...» (т. 31, с. 301, 302).

Несколько иной план повествования, иные языковые приемы в статье «Печальный документ», где цитируется воззвание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов к армии. В. И. Ленин настойчиво и терпеливо показывает его непоследовательность по отношению к войне и революции, спокойно разъясняет ошибочные положения, несвоевременность. «Сбивчивость мысли в этом возвании, — пишет В. И. Ленин, — прямо поразительная ... „...Война не нужна была трудовому народу. Не он ее начал...“ Правильно. Вот это так. И когда воззвание „зовет к восстанию, к революции рабочих и крестьян Германии и Австро-Венгрии“, мы это тоже от всей души приветствуем, ибо это правильный лозунг. Но как же можно, рядом с этой несомненной правдой, говорить... *вопиющую неправду...*» (т. 32, с. 14).

Главным источником экспрессивности ленинских текстов являются стилистические средства языка, выбор которых связан с их оценочностью. К такой лексике относятся различные группы слов, в частности те, которые могут вступать в антонимические отношения: *тайный* — *явный*, *свободный* — *порабощенный*.

Как показывает анализ, именам прилагательным в вы-

ражении авторской позиции, в создании определенного стилистического эффекта принадлежит особая роль. Выступая в качестве определений к самым разнообразным предметам, явлениям, лицам, они открывают широчайшие возможности для воздействия на читателя. Именно на определения падает большая логическая и экспрессивная нагрузка, за ними подчас своеобразно скрывается понимание автором сущности того или иного факта. Меткое, точное определение является, пожалуй, самым существенным элементом повествования. Этому способствует и процесс развития у относительных прилагательных (*царский, полицейский, алтынный, придворный* и т. п.) переносных (часто — оценочных) значений: *алтынный либерализм, полицейские рогаки, бешеный империализм, придворные прихвостни, лакейские души*.

Выбор определения обусловлен разным соотношением между экспрессией фактов и слов: положительные с точки зрения публициста факты определяются позитивно окрашенной лексикой, отрицательные — негативно окрашенной. Экспрессия фактов и слов в таких контекстах совпадает. Прилагательное *справедливый*, содержащееся в заголовке «Есть ли путь к справедливому миру?» (т. 32, с. 304—305), является и содержательным и структурным центром статьи, передает ленинское понимание всеобщего мира между народами, сообщает тексту положительную экспрессию. И совсем другую окраску придает статье «По стопам „Русской Воли“» слово *грабительский*, употребляемое по отношению к империалистической войне и империалистической политике (т. 31, с. 214—216).

Особенно актуальны индивидуально-авторские определения, поражающие своей необычностью: капитализм назван *гигантски-крупным*, война — *неслыханно-зверской схваткой* (т. 32, с. 89). Некоторые из них связаны с конкретными лицами, поэтому усиливают эмоциональное впечатление: «Что родзянковские „хотения“ — не пустышка, это доказано опытом» (т. 34, с. 404).

Если экспрессия фактов не совпадает с экспрессией выбранных для их характеристики слов, то возникают иронические контексты. Это очень распространенный способ выражения авторской оценки в ленинских текстах. В сочетаниях «любезнейшие сограждане» (т. 32, с. 120), «Великий отход» (т. 32, с. 310), «замечательные рассуждения» (т. 34, с. 79), «догадливые люди», «умные это люди»

(т. 32, с. 213), «Премудрая „Рабочая Газета“» (т. 31, с. 465), «О, великолепный „марксист“ Каутский! О, бесподобный „теоретик“ ренегатства!» (т. 37, с. 105) определения содержат иронический смысл, обратный их прямому значению. Такие употребления обращают на себя внимание читателя, настраивают на восприятие, соответствующее авторскому замыслу.

Часто те или иные явления характеризуются не одним, а целой группой близких по смыслу определений. Этот прием функционально очень разнообразен: с его помощью можно усиливать положительную или отрицательную оценку путем нагнетания соответствующих признаков. Условия мира и инициативу масс Ленин определяет позитивным синонимическим рядом: «Рабочий класс, когда он завоюет власть, ...предложит *всем* народам открытые, точные, ясные, *справедливые* условия мира» (т. 34, с. 148); «...инициатива революционных масс начала проявлять себя как нечто величественное, могучее, непреоборимое» (т. 34, с. 204).

Напротив, негативно окрашенные синонимы передают отрицательное отношение автора к правительству, к буржуазной прессе, к партиям эсеров и меньшевиков: «Царское правительство *начало и вело* данную, настоящую, войну как *империалистскую, грабительскую, разбойничью войну...*» (т. 31, с. 49); «Именно потому, что слабы, нерешительны, бездеятельны правящие партии эсеров и меньшевиков...» (т. 34, с. 209).

С помощью определений (если они состоят из нейтральной лексики, которая и в публицистическом контексте может не приобретать оценочности) уточняются характеристики, подчеркивается нарастание каких-то признаков. Например: «*Все* силы нашей партии, *все* усилия сознательных рабочих должны быть направлены на упорную, настойчивую, всестороннюю борьбу с этими предрассудками» (т. 31, с. 49).

Особая острота высказывания достигается за счет самых разнообразных противопоставлений. Смена синонимических рядов различной эмоциональной окраски усиливает положительные характеристики одних явлений и отрицательные — других: «Помнится „Рабочая Газета“ сболтнула однажды, что Учредительное собрание будет конвентом. Это — один из образцов пустой, жалкой, презренной похвалы наших меньшевистских лакеев контр-

революционной буржуазии». И далее: «...чтобы быть конвентом, для этого надо сметь, уметь, иметь силу наносить беспощадные удары контрреволюции, а не соглашаться с нею. Для этого надо, чтобы власть была в руках самого передового, самого решительного, самого революционного для данной эпохи класса» (т. 34, с. 37).

Особый стилистический эффект достигается в контекстах, где противопоставляются ряды определений, разных в оценочном отношении: «На словах — народное, демократическое, революционное правительство, на деле — противонародное, антидемократическое, контрреволюционное, буржуазное, вот то противоречие, которое существовало до сих пор...» (т. 34, с. 201). Такой же эффект достигается при расчленении синонимического ряда и включении в него противоположных по смыслу определений: «Если „революционная демократия“ добровольно уступила влияние, значит, это была не революционная, а мещански-подлая, трусливая, не избавившаяся от холопства демократия...» (т. 34, с. 126). Противопоставление «не революционная, а мещански-подлая...» делает характеристику «демократии» более эмоциональной.

Столкновение прямых и переносных значений слов помогает читателю усвоить логическое содержание публицистического высказывания: «Кто „допускает“ революцию пролетариата лишь „под условием“, чтобы... дорога революции была широка, свободна, пряма, чтобы не приходилось временами, идя к победе, нести самые тяжелые жертвы, „отсиживаться в осажденной крепости“ или пробираться по самым узким, непроходимым, извилистым и опасным горным тропинкам, — тот не революционер...» (т. 37, с. 57).

В ленинских работах используется и такой прием, когда «ударное» определение многократно повторяется в пределах одной фразы: «Вот это — *реальный шаг* по пути *реальных гарантий* и против царизма, и против монархии...» (т. 31, с. 32); «...открыли особенно трагическую страницу в кровавой истории кровавого империализма...» (т. 37, с. 48); «Тайные сделки с корниловцами, тайное кумовство... с империалистами „союзными“, тайные оттяжки и саботирование Учредительного собрания, тайные обманы крестьян... — вот чем занимается Керенский *на деле*» (т. 34, с. 250). Повторяемые слова важны для автора и не могут не обратить на себя внимания.

Особый смысл вкладывает Ленин в гиперболизированное определение *гигантский*, которое встречается и в позитивных и в негативных контекстах, сообщая тем и другим дополнительную экспрессию: «...у нее растут гигантские союзники...» (т. 32, с. 288), «...гигантскими запасами руды...», «...гигантскими богатствами леса...» (т. 36, с. 188); «Апрель сразу дает *гигантский* подъем...» (т. 21, с. 430).

В выражении авторского замысла принимают активное участие слова, являющиеся оценочными по своей природе, и слова, окрашивающиеся положительно или отрицательно в контексте. Слова *грызня*, *бойня*, *лицемеры* имеют обычно вторичные значения, основанные на различных ассоциативных связях, и сообщают публицистическому тексту необходимую экспрессию. Ленин часто выбирает глаголы, которые не только называют конкретные действия, но и характеризуют их, давая тем самым косвенную оценку не только самим действиям, но и лицу, их производящему: *душить*, *разжигать*, *кормить*, *отуплять*, *убаюкивать*, *спать* и т. п.: «И русские капиталисты, говорящие речами „Речи“, с трудом сдерживают злобу, выбалтывают тайны внешней политики, шипят и беснуются, говоря колкости английским капиталистам...» (т. 32, с. 56); «Припомните, как великолепно *правила* она [буржуазия.— Л. Ж.] в прессе *ее* классовых врагов...» (т. 37, с. 90); «...протащен был новый закон...» (т. 22, с. 271).

Конечно, в пределах небольшой статьи невозможно даже перечислить все способы создания экспрессии в газетных выступлениях В. И. Ленина, но и рассмотренные позволяют говорить о том, что экспрессивность помогает автору наиболее точно и образно выразить идейно-тематическое содержание. Газетные материалы В. И. Ленина могут служить прекрасным подтверждением его высказывания о том, что писать надо страстно, эмоционально, так как «без „человеческих эмоций“ никогда не бывало, нет и быть не может человеческого *искания истины*» (т. 25, с. 112).

Разговорно-бытовые фразеологизмы в ленинской публицистике

Б.И. МАТВЕЕВ,

доцент Академии общественных наук при ЦК КПСС

До В. И. Ленина, пожалуй, никто не решался так широко вводить в публицистические выступления слова и обороты живой народной речи. Даже в его трудах, посвященных проблемам политэкономии и философии, разговорная лексика занимает далеко не последнее место. Так, например, в «Материализме и эмпириокритицизме» наряду со специальной философской лексикой немало чисто разговорных слов и выражений: существительных с суффиксами эмоциональной оценки, пословиц и поговорок, крылатых выражений и т. д.

Как правило, фразеологизмы обладают большими экспрессивными возможностями. Это обстоятельство определило их широкое использование в работах В. И. Ленина, всегда стремившегося к максимальной простоте и образности своей речи. При характеристике врагов марксизма и революции В. И. Ленин отбирал прежде всего такие фразеологизмы, в которых подчеркиваются отрицательные черты в поведении людей — пустозвонство, хитрость, лицемерие: *бросать слова на ветер; водить за нос; валить с больной головы на здоровую; заметать следы; играть в прятки*. Например: меньшевики «бросают палки под колеса левому блоку» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 14, с. 389); «...много раз буржуазные предатели народной свободы... водили за нос простодушных людей, доверявшихся всяким „первым представительным собраниям“» (т. 12, с. 311).

При обращении к трудящимся, к простым людям В. И. Ленин обычно употреблял фразеологизмы, говорящие о свойственной народу решительности, сметке, наблюдательности, рачительности: *бороться не на живот (не на жизнь), а на смерть; брать быка за рога; не в бровь, а в*

глаз; беречь как зеницу ока. «За полную свободу, за демократическую республику способны бороться во главе народа только рабочие, и они будут бороться за нее не на жизнь, а на смерть» (т. 10, с. 314); «Берегите, храните, как зеницу ока, землю, хлеб, фабрики, орудия, продукты, транспорт — все это отныне будет *всецело* вашим, общенародным достоянием» (т. 35, с. 67); «А представитель угнетенного класса... берет прямо быка за рога, с той удивительной простотой и прямоотой, с той твердой решительностью, с той поразительной ясностью взгляда, до которой нашему брату интеллигенту, как до звезды небесной, далеко» (т. 34, с. 322—323).

Интересно употребление фразеологизма *сводить концы с концами*. Применительно к народной жизни в ленинских работах он обозначает — «кое-как справляться с материальными трудностями»: «...,средний“ русский крестьянин в самый хороший год едва-едва сводит концы с концами...» (т. 3, с. 136), а в полемике с идейными противниками — «согласовать, привести в соответствие между собой различные части, стороны какого-либо дела или справиться с каким-либо делом...»: «Автор буквально не сводит концов с концами *ни в одном* своем политическом рассуждении!» (т. 30, с. 116); «Отсутствие у меньшевиков этого вывода приводит к тому, что у них совершенно не сходятся концы с концами» (т. 15, с. 95).

Слова, входящие во фразеологический оборот, претерпевают морфологические изменения. Довольно часто глагол употребляется в форме причастия или деепричастия. «Только умышленно говорящие неправду либералы или неосторожно на ветер бросающие слова оппортунисты могут сомневаться теперь в *массовом пролетарском характере* социал-демократии в России» (т. 14, с. 342); «Судьба таких людей быть вечно водимыми за нос» (т. 48, с. 22); «Раздробленные семьи меццан, ремесленников, рабочих, служащих, мелких чиновников бедствуют невыразимо, с трудом сводя концы с концами в *лучшие* времена» (т. 23, с. 136).

Фразеологизм в форме деепричастного оборота служит не только для уточнения высказываемой мысли. Одновременно он оживляет предложение, повышает его эмоциональное воздействие на читателя: «И свое недовольство, естественно явившееся от этой бестолковщины и от разоблачения массами всей дрянности либерализма, либерал

переносит на *массы*, валя с больной головы на здоровую» (т. 22, с. 86); «Непонимание этих основ новой фракцией является также источником того, что она схватилась за старое прикрытие, заматывая следы, отрицая *неразрывную* связь с отзовизмом и т. д.» (т. 19, с. 98).

Иногда автор обновляет структуру устойчивого словосочетания, распространяя его членами предложения, относящимися к тому или иному слову. В результате повышаются экспрессивные возможности фразеологизма. В сочетании *бросать слова на ветер* прямое дополнение употребляется с определениями: «Но диктатура есть большое слово. А больших слов нельзя бросать на ветер» (т. 36, с. 196). Таким же способом изменяется фразеологизм *игра в прятки*: «Но это же смешная игра в прятки!» (т. 17, с. 256); «...*нельзя* уже продолжать старой лицемерной игры в прятки» (т. 20, с. 33).

Введение новых слов (в данном случае согласованных определений) позволяет конкретизировать обобщенное значение фразеологизма, применить его к вполне определенной ситуации. Заменяв один из компонентов другим, близким по значению, автор добивается еще большей выразительности оборота. «Кто борется действительно с аннексиями и т. п., — тот ли, кто бросает на ветер прекраснодушные фразы, объективное значение которых совершенно равносильно христианской святой водице, окропляющей коронованных и капиталистических разбойников, или тот, кто разъясняет рабочим невозможность прекращения аннексий и финансового удушения без свержения империалистской буржуазии и ее правительств?» (т. 30, с. 247) — вместо слова употреблено сочетание *прекраснодушные фразы*. Полемизируя с меньшевиком Потресовым, В. И. Ленин писал: «Если бы сей независимец не бросал на ветер вымученных фраз, а действительно думал над тем, что он говорит, то он увидел бы весьма простую вещь» (т. 19, с. 282).

Обновлению подвергаются и глаголы: «роняет (вместо *бросает*) слова на ветер» (т. 16, с. 102); слова «кидать на ветер» (т. 36, с. 115); «А Милюковы и Гучковы чем меньше знают, тем больше болтают на ветер» (т. 30, с. 189). Клеймя саботаж старых специалистов, пытавшихся сорвать социалистическое строительство, В. И. Ленин изменяет сочетание *бросать палки под колеса*, обозначающее «препятствовать, мешать чему-либо», на бро-

сать камни под колеса: «Эти люди ставили задачей использовать науку для того, чтобы бросать камни под колеса, мешать рабочим, наименее подготовленным к этому делу, которые брались за дело управления...» (т. 37, с. 140). Эта замена делает высказанную мысль более точной по содержанию. Вместо *лезть из кожи*, то есть «стараться изо всех сил», — *вылезти из своей шкуры*: «Но эти господа, господа кушцы-капиталисты из своей шкуры вылезти не могут. Это дело понятное. Иначе, как по-купечески, они рассуждать не могут...» (т. 41, с. 140). Эмоционально окрашенный синоним *вылезти* вместо нейтрально-го слова *лезть* позволяет автору показать свое отношение к капиталистам.

Излюбленный прием В. И. Ленина — так называемая градация — расположение слов или словосочетаний, при котором каждое последующее заключает в себе усиливающееся смысловое или эмоционально-экспрессивное значение. В этот ряд синонимов вводятся фразеологизмы, сообщающие градации особую экспрессию: «Если мы не поднимемся еще ступенью выше, если мы не осилим задачи самостоятельного наступления, если мы не сломим силы царизма, не разрушим его фактической власти, — тогда революция будет половинчатая, тогда *буржуазия за нос проведет рабочих*» (т. 12, с. 5); «...у заграничной компании „Рабочего Дела“ преобладало специфическое интриганство, заметание следов, игра в прятки, обманывание публики» (т. 19, с. 86).

Прекрасный знаток русских пословиц и поговорок, В. И. Ленин использовал их экспрессию при зарисовках врагов пролетариата. Таков портрет экономиста Надеждина, созданный на основе фразеологизма *играть на руку* «помогать кому-либо, способствовать чему-либо» и пословицы *не плюй в колодец, пригодится воды напиться*: «И Надеждин... не замечает того, что он играет своими доводами на руку возмущающей его узости, что он пьет из самого что ни на есть проплеванного колодца!» (т. 6, с. 166) — пословица здесь не приводится, а служит лишь материалом для создания очень яркой картины.

Передко В. И. Ленин прибегает и к такому способу, как противопоставление двух антонимических словосочетаний: «Но в программу вносить чрезмерную детализацию преждевременно и может даже повредить, связав нам руки в частностях. А руки надо иметь свободными, чтобы

сильнее творить новое, когда мы вступим вполне на новый путь» (т. 34, с. 376). *Связать руки* обозначает «лишить возможности действовать свободно»; противопоставление его выражению *свободные руки* придает предложению динамичность и уточняет содержание. В статье «Маевка революционного пролетариата» В. И. Ленин пишет: «Уже за несколько недель до первого мая правительство точно потеряло голову, а господа фабриканты вели себя как совсем безголовые люди» (т. 23, с. 296) — словосочетание *потерять голову* сопоставлено с прилагательным *безголовый*.

Фразеологизмы в работах В. И. Ленина являются также выразительным средством публицистики. Иногда они служат поводом для создания живописной картины, зло высмеивающей врагов пролетариата. Так, например, сказав, что Михайловский, отправившийся в поход против Маркса, сел в лужу, В. И. Ленин продолжает: «И он прекрасно, по-видимому, чувствует себя в этой, не особенно чистой, позиции: сидит себе, охорашивается и брызжет кругом грязью» (т. 1, с. 154). Просторечное выражение *сесть в лужу*, обычно употребляющееся в переносном смысле — «оказаться в глупом, неловком положении», переведено в конкретно-зримый план. Возникает комический эффект, получилась словесная карикатура на Михайловского.

Многообразны приемы использования В. И. Лениным разговорно-бытовых фразеологизмов. Как и другие лексические средства языка, они выполняют в его трудах смысловую и эмоциональную функцию. Из огромной сокровищницы великого русского языка Ленин выбирал необходимые слова и устойчивые сочетания, с их помощью добиваясь точной и образной речи.

Оратор всепокоряющей силы

Н.Н. КОХТЕВ,
кандидат филологических наук

Сергей Миронович Киров (1886—1934) — выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства — часто выступал с речами на конференциях и совещаниях, торжественных заседаниях и собраниях. Его выступления были насыщены глубоким содержанием, отличались яркой формой и оставляли неизгладимый след в сознании слушателей. А. М. Дурмашкин, работавший с Кировым, вспоминает: «Киров был оратором всепокоряющей силы. Порой он создавал такой накал революционных чувств, что верилось — позови он на смертный бой, и все ринулись бы за ним прямо из зала... Его речь была простой, ясной, он любил приводить живые примеры, близкие слушателям, образные сравнения, шутки» (сб. Наш Мироньч. Воспоминания о жизни и деятельности С. М. Кирова в Ленинграде. Л., 1969, с. 80).

С. М. Киров горячо верил в то, что говорил, и эта страстная вера неминуемо передавалась слушателям. Убедительность речи усиливалась различными риторическими приемами. Взять хотя бы синтаксический параллелизм (повтор), к которому он часто прибегал: однородное построение двух или более предложений (а также их частей) обостряет восприятие речи, направляет внимание слушателей на основное слово, психологически подготавливает их к осмыслению главной идеи. Например: «Нам нужно сделать все для того, чтобы мы этот бой встретили во всеоружии. Нам нужно сделать все для того, чтобы на всех фронтах и на все сто процентов мы были подготовлены к этой последней и решительной схватке» (Киров С. М. Избранные статьи и речи. 1912—1934. М., 1957, с. 320).

Лексические повторы разного типа подчеркивают удар-

ное слово, служат как бы вехами для восприятия всего рассуждения. Вот пример из речи на торжественном заседании Ленсовета, посвященном десятилетью Великой Октябрьской социалистической революции (6 ноября 1927 г.): «Товарищи, вы знаете, что и до *Октября* в истории человечества было много революций. Вы знаете, что эти революции потрясали до самого основания органи-

зированные, исторически сложившиеся государства, но ни одна революция в мире не имела такого исключительного значения, какое имела наша Октябрьская революция...

Вы знаете, что трудящиеся не раз выходили в бой против своих угнетателей, свержали троны, разрушали устои власти господствующих классов, но все же ни одна революция не сделала того, что сделала Октябрьская революция...

И только после Великого Октября, после революции, совершенной нами десять лет тому назад, мы действительно сумели до основания разрушить все то, на чем покоилась власть угнетателей» (там же, с. 451—452; курсив мой.— Н. К.). Выделенные слова являются ключевыми для понимания смысла высказывания.

Выступления иногда имели острый полемический характер: С. М. Киров критиковал недостатки в работе, говорил об их устранении. Но в каждом конкретном случае у него были свои излюбленные приемы. Оратор при этом часто пользовался развернутой антитезой, сложным противопоставлением. Так, например, построена речь на пленуме Ленинградского городского комитета ВКП(б) 11 июля 1934 года: «Посмотрите на наши промышленные гиганты, созданные в последние годы. Они отличаются своей прочностью, фундаментальностью. Видно, что мы строили их, исходя не только из интересов сегодняшнего дня, но и учитывая перспективу, строили не на годы, а на десятилетия. А если вы войдете в рабочий дом, у вас может создаться впечатление, что он построен временно,— сегодня в него въездут, а послезавтра выедут» (там же, с. 701).

С. М. Киров умел глубоко раскрыть сложные проблемы, убедительно и образно изложить свою мысль, найти ключ к сердцам людей, увидеть и ярко показать значение той работы, которой был занят каждый человек, казалось бы, через незначительное рассказать о важном. С каким гневом, сарказмом говорил он о тех, кто плохо работает. Журналист С. Полесьев вспоминает:

«Прошли десятки лет, а не забыть мне речь Сергея Мироновича, в которой он говорил, в частности, о качестве изделий.

Киров начал с того, что отдал должное внешней отделке продукции музыкальной фабрики. Смотрите, какую красивую флейту пустили они в торговую сеть. Очень привлекательная по виду флейта. И как искусно, заметьте, отделана, отполирована. Приятно взять в руки. Ласкает глаз...

Мы слушаем эти похвалы, но по чуть заметной усмешке Кирова чувствуем: финал будет неожиданный. И впрямь, щедро одарив комплиментами руководителей музыкальной фабрики, Сергей Миронович заметил с сожалением, что все было бы великолепно, если бы не единственный недостаток этой флейты — она... не играет. В зале хохот. Первый отклик на кировские слова. Но, намеявшись вдоволь, люди задумались...

Киров сказал, что производителям молчащих флейт и хрипящих патефонов уподобляются и некоторые люди, далекие от музыкальной промышленности. Например, иные строители жилищ. А они приносят еще, пожалуй, более ощутимый вред, чем бракоделы с музыкальной фабрики. „Патефон должен быть хороший — это несомненно. Но, по совести говоря, лучше все-таки сидеть в хорошей квартире с плохим патефоном, чем в дырявой квартире с хорошим патефоном“» (Наш Мироныч. С. 409—411).

С. М. Киров любил обращаться к цифрам и фактам. Убедительность и неоспоримость количественных показателей, конкретные примеры убеждали слушателей. Известно, что данные, приведенные в процентах, не всегда могут вызвать необходимые ассоциации. Зная это, оратор стремился раскрыть содержание цифр: «Мы должны всячески снизить накладные расходы в работе торгового аппарата. Для того чтобы всем было понятно, какими цифрами выражаются эти накладные расходы, я приведу один

пример. Подсчитано, что 1% лишних накладных расходов к обороту по всей системе Центросоюза равен сумме не более и не менее как 250 млн. рублей.

Если бы я вам не привел этой цифры, то, я уверен, многие из вас сказали бы: „Ну, что такое 1%, пустяки, пускай кооперация его возьмет, ничего от этого не изменится“. Нет, товарищи, оказывается, очень крепко изменится, изменится в сторону 250 млн. советских рублей» (Избранные статьи и речи. С. 676).

Немало ярких, горячих речей произнес Сергей Миронович. И где бы он ни говорил, успех был неизменным. С. М. Киров блестяще знал и чувствовал аудиторию, и поэтому многие его речи отличались глубоким психологизмом.

«Мы зовем вас, товарищи женщины, на борьбу за светлую будущность» — так называется небольшой доклад на I общегородском делегатском собрании женщин-работниц 4 декабря 1919 года в Астрахани (там же, с. 89—90). Посмотрите, с какой теплотой Сергей Миронович обращается к слушательницам: «Если бы вы чаще приходили сюда и рассказывали свои печали и горести, которыми полны ваши женские терпеливые сердца, то мы лучше могли бы устранить все эти печали и горести». И далее: «Женщина погрязла в счетах, во всех хозяйственных расчетах: почем капуста, картошка и т. д. Вести счета — это все, что у нее осталось от школы. Женщине редко приходила мысль о такой несправедливости, что, рядом с капиталистом Беззубиковым в роскошных палатах, живут тысячи рабочих голодных и холодных».

Затем оратор подчеркнул: «То дело, которое мы ведем, тот момент, который мы переживаем, велик и торжественен как никогда, и мы гораздо ближе к победе, чем это вам кажется». И наконец, С. М. Киров переходит к объяснению положения на фронте. Страна переживает последний период гражданской войны, и сейчас, отмечает он, родине помогают женщины. Вся речь была пронизана оптимизмом, верой в будущее. И, конечно же, она имела огромное влияние на женскую аудиторию.

В речах употреблялись различные слова и сочетания, побуждающие слушателей к активному восприятию информации, делали их как бы участниками тех событий, о которых говорилось. Это могли быть личные местоимения и глаголы: *вы знаете, вы должны понять, мы долж-*

ны быть уверены, мы видим; обращения, побудительные предложения: товарищи, обратите внимание, запишите; так называемые декларативные глаголы: утверждаю, подчеркиваю, выделяю эту мысль. Все эти средства вызывали ответную реакцию слушателей, вносили в высказывание различные эмоциональные оттенки: «Товарищи, мы с вами вступили в такую полосу, когда не только рабочие нашего Советского Союза, но и трудящиеся всего мира видят наглядно результаты того великого, того огромного дела, которое мы здесь совершаем»; «Нам предстоит еще очень большая работа в деле переделки психологии колхозника. Вы должны понять, что в головах этих людей происходит целая революция, и эта революция еще не закончилась, старое борется с новым на каждом шагу» (там же, с. 449, 641).

Экспрессивность выступлений С. М. Кирова была основана на убедительных доказательствах и утверждениях. Он тщательно анализировал события, умело оперировал большим количеством фактов и цифр, аргументированно излагал свои мысли.

«Каждый, кто хоть раз слушал С. М. Кирова, и сейчас вспоминает его высокое ораторское искусство, доходчивость его ярких выступлений, способность увлечь аудиторию, — пишет бывший работник плановых органов Ленинграда М. Росляков. — Обычно подчеркивают, что Киров всегда выступал „без бумажки“, то есть на трибуне не читал своих докладов по заранее подготовленному тексту. Но наивно думать, что все свои речи, доклады он произносил как бы по наитию, без подготовки. Напротив, ораторское искусство Кирова опиралось на продуманную подготовку, в широком смысле слова, каждой речи... Киров часто повторял: главное — найти стержень речи, ясно представить себе, что хочешь сказать, чего ты добиваешься, а когда этот стержень найден — остальное легко приложится» (Наш Миронич. С. 87—88).

Анализ речей Сергея Мироновича позволяет нам проникнуть в тайны его языкового мастерства, увидеть все многообразие используемых им лингвистических средств, понять секреты воздействия на аудиторию. Его речи увлекали глубоким содержанием, ярким и выразительным слогом. Выступления С. М. Кирова вошли в золотой фонд ораторского искусства (см. также: Скворцов Л. И. Об ораторском искусстве С. М. Кирова. — Русская речь, 1980, № 4).

„Богатырская повесть
стихами”
А. Н. Радищева

В. М. ФОНШТЕЙН,
кандидат филологических наук

«Бову», «богатырскую повесть стихами», Радищев писал в последние годы жизни, по возвращении из сибирской ссылки. По свидетельству сыновей, он закончил 11 песен, начал 12-ю, но уничтожил написанное. До нас дошли «Вступление» и «Песнь первая». Несмотря на это, «Бова» во многих отношениях чрезвычайно интересна как для исследователей, так и для всех любителей русской словесности.

Прежде всего поэма свидетельствует о верности Радищева идеалам, нашедшим выражение в «Путешествии из Петербурга в Москву», о беспримерном мужестве писателя и гражданина, пережившего суровые испытания, но несломленного.

На основе популярной сказки о Бове-королевиче Радищев создает сатирическое произведение, наполняя его многочисленными ироническими замечаниями, остроумными критическими оценками, завуалированными политическими намеками. Так, отголосок дворцовых кровавых драм недавнего прошлого (убийства Петра III, Павла I, открывшие путь к престолу организаторам заговора — Екатерине II, Александру I) слышен в начале поэмы, в котором автор намечает сюжет дальнейшего повествования о годах

тех рыцарских преславных,
Где кулак тяжеловесный
Степень был ко громкой славе,
А нередко — ко престолу (...)

Иронический рассказ о горячем желании героя сказки царя Кирбита

Дать супруга Мелетресе
Храбра милого Гвидона;
Зане там, как прежде в Францы,
Скиптр не мог никак достаться
В руки, пряслицей что правят
Или швейною иголкой,

напоминал читателю о том, что в России фактическое отсутствие закона о престолонаследии приводило к дворцовым переворотам, в результате которых после Петра I на троне воцарялись представительницы женского пола.

Сатирический вынад против деспотического самодурства звучит в следующем отрывке:

...когда б властитель мира
Я Тиверий был иль Клавдий,
Тогда б всякий дерзновенный,
Кто подумать смел, что дважды
Два четыре, иль пять пальцев
Ему в каждую дал бог руку,
Тот бы пал под гневом нашим.

Глубоко убежден Радищев, что управлять народом «других паче всех довлеет» «спасителю народа». В традициях русской гражданской поэзии (ср. оду Ломоносова «На день восшествия на престол императрицы Елизаветы Петровны») он создает образ идеального властителя — Гвидона:

Правды, истины поборник,
Меч его победоносный
Никогда не обагрался
Кровью слабых — иль невинных.
Он защитник утесненных,
Разрешитель уз и плена,
Непорочности спаситель (...)

«Ложь, строптивость и насилье, угнетающих бессильных» наполняли его «гневом львиным». В отличие от основного тона поэмы — шутливое, ироническое, подчас язвительное — в характеристике Гвидона звучит глубоко лирическая интонация: у него «душа нежна, душа тиха», это «воин милый».

Безразличность Екатерины II и ее окружения, ничем не сдерживаемое стремление дворян к обогащению находят в Радищеве непримиримого врага: «смрадно злостяжанное богатство, хотя блещет лучезарно».

Душа Радищева по-прежнему, как и во времена написания

им знаменитого «Путешествия», «страданиями человечества уязвлена». Он дает горькую оценку неволе, рабству:

...злее самой смерти
 Во оковах срамных, тяжких
 Иль железныя неволи,
 Иль рабства насилья дерзка (...)

Глубокой симпатией окрашены строки, содержащие скрытый намек на Разина и Пугачева. С большим уважением вспоминает Радищев Ермака, о котором он, кстати, собирался написать поэму.

Авторы ряда исследований сопоставляют «Бову» с упомянутыми во Вступлении «Орлеанской девственницей» Вольтера и с поэмой С. Боброва «Таврида, или Мой летний день в Таврическом Херсонисе», указывают на связь радищевской поэмы с традициями русской сатирической литературы.

Однако Радищев в поэме выступает как новатор. Почему, например, поэт называет себя последователем С. Боброва, второрядного стихотворца? На этом подробно останавливается в своем исследовании М. П. Алексеев (К истолкованию поэмы А. Н. Радищева «Бова». — В кн.: Радищев. Статьи и материалы. Л., 1950). Он справедливо объясняет интерес Радищева к поэме Боброва не столько ярким опытом безрифмия и теоретическим обоснованием его, но прежде всего наличием в поэме двух планов — главного, содержательного, и второго — «для оживления» — повествовательных эпизодов.

Но сходство этим исчерпывается, поскольку различны мировоззрения авторов, идейная направленность их произведений. Бобров дает подробное историко-географическое описание края. Основу «Бовы» составляют гражданские мотивы, и главное для ее автора — выражение взглядов на государство, русскую историю, на мораль, на искусство.

Используя форму бурлеска, Радищев одним из первых в русской литературе говорит о необходимости реалистического отображения действительности. В начале поэмы он пародирует распространенную в искусстве ориентацию на развлекательную роль литературы:

Итак, только расскажу вам
 То, что льстить лишь будет слуху,
 Что гораздо слаще меда
 Для тщеславья и гордыни;
 А все то, что чуть не гладко,
 То скорее мы поставим
 В кладовую или в погреб.

Устами своего лирического героя Радищев иронически восклицает: «Обольщен я, но желаю/ Обольщен быть...»

Поэма Радищева полемически направлена против идейно-эстетических канонов карамзинской школы. Пародируя сентименталистов, поэт заявляет, что хочет писать «речью сладкой», он заставляет персонажей, в том числе и своего лирического героя, проливать реки слез. «Молоденький детинка» Бова «пел, стенал, бряцал и плакал, лил потоки слез горячих», у него «очи мокры от слез горьких». Жалобно-пародийный рассказ о злоключениях, с которыми Бова обращается к старухе, автор предваряет замечанием о том, что тот предусмотрительно

Вынимает из кармана
Платок белый, для запаса,
Чем утрет ее он слезы.

Герои поэмы чувствительны сверх меры, их эмоции бурно проявляются во всем. В их характеристике широко использован часто встречающийся у сентименталистов эпитет «нежный».

Один из приемов иронии — соединение контрастных образов. У Радищева соседствуют «перстоалая Зимцерла» (богиня зари) и «клячонки огнебурны».

Иногда Радищев рисует подчеркнуто «низкое», непоэтическое: Бова «отирает чело старо/ Своей нежныя подруги», потому что на нем «пот горохом/ В испугленьи показался». У возмущенной старухи слышен «во рту скрип зубных остатков». Трагикомической изображена попытка самоубийства Мелетрисы, которая с этой целью тщетно ищет хотя бы «ножик перочинный» или шило...

Автор ломает представление о традиционно поэтических образах, включая в их портреты отнюдь не лестные, непоэтические детали. Так, у Фортуны «затылок плешивый», у Славы, «богини лучезарной», тоже «затылок безволосый».

Характеристика приехавших на турнир рыцарей создается противоречиво-комическим сочетанием высокого пафоса и подчеркнуто прозаических деталей: «славны рыцари... не хуже/Славна в свете Дон Кихота», вооруженные «от темя

до пяты», оказывается, едут «позевать», или похвастать мнимой силой и храбростью, или просто сытно пообедать.

Используя прием алогизма, Радищев создает шуточный портрет своего наставника Петра Сумы, который

...человек был просвещенный,
Чесал волосы гребенкой,
В голове он не искался (...)

Табак нюхал и в картишки
Играть мастер; еще в чем же
Недостаток, чтобы в свете
Прослыть славным стихотворцем
Ироической поэмы
Или оды или драмы?

При изображении условного царства Кирбита автор нарочито смешивает временные пласты, локализует место действия, и читатель оказывается в современной поэту эпохе, когда «московская щеголиха» шла на любые ухищрения, лишь бы скрыть свое уродство. Радищев сталкивает мнимое и истинное, едко высмеивает ложную патетику. Он советует видеть вещи такими, какие они есть, и иронически замечает:

А как вóзришься в красотку,
То увидишь под личиной
Всех белил, румян и мушек
Обезьяну, или кошку.

Известно, что Радищев принадлежал к тем писателям, кото-

рые в своей речевой практике широко использовали церковнославянскую лексику. Однако в «Путешествии из Петербурга в Москву» славянизмы были призваны создать высокий гражданский пафос произведения. Здесь же, в поэме «Бова», их роль совсем иная. Многочисленны *зане* (потому что, так как), *ниже* (даже), *сей, тако*. Встречаем здесь *вежды* (веки, глаза), *длань, десница, рамена* (плечи), *дщерь, зреть, возмочь, вождаем* (руководим), *вещал, рек*, «мещет искры», «млеко жизни», «очи томны отверзает». Вот, например, как автор рисует портрет Дадона:

Рост и стан его и врачаность
 И осанка величава,
 Лицо смугло длинновато,
 Черны кудри по раменам,
 И густой браны начало;
 Длань широка, персты толсты (...)

В традициях XVIII века в поэме прилагательные-определения почти всегда употреблены в краткой форме. Многочисленны сложные прилагательные: *гусли златострунны, перстоаалая, клубомутная струя, огнебурны кони, злостяжанное богатство, легконога*.

Славянизмы в соседстве с живой народной речью при изображении подчеркнута низкого, прозаического поддерживают пародийно-шутливый тон поэмы.

Разговорная лексика использована не очень широко. Это *вскарабкаться, позевать, вселенна кувьрнулась, черна немочь, «завыв... царевна наша/ Распускает длинны космы»*. О рыцаре, собравшемся на турнире защищать честь дамы, автор шутливо замечает, что тот «снарядился/ На помол отдать все кости». Жанну Д'Арк он называет «Жанетой, девкой храброй», разъяренные богины «пощипались на Олимпе».

Представлена в поэме и народная фразеология: *ставить в строку; не дал нам бог власти,/ Как корове рог бодливой; стоять мизинца; дядькин Бова нового покроя; стать в пень; столько — что нет сметы; выла волком; было темно,/ Глаза выколи хоть оба; трубить в уши*.

Контрастные перебивы двух речевых пластов — высокой славянской лексики и живой разговорной, подчас просторечной — создают комические картины. Такова авторская характеристика Мелетрисы, одной из героинь поэмы:

Так завыв, царевна наша
 Распускает длинны космы
 По раменам обнаженным
 Она, вставши со постели
 В одной тоненькой рубашке.
 Ни юбочки, ни мантильи,
 Ни капота, ниже шали
 На себя не надевала (...)

Бова и старуха у Радищева

Не на ложе возлегают,
 Но на печку лезут греться,
 Заце холодно уж было.

Комический эффект достигается также столкновением иноязычной и разговорной лексики, например, в описании старухи, которая

Должность важну отправляла
Метр-д-отеля иль — страпухи.

Пародийная манера повествования, использование метких народных слов и выражений, нарочитое соединение разнородной лексики, язвительные характеристики, остроумные авторские замечания — все это богатство и разнообразие стилистических приемов имело целью несколько завуалировать обличительный пафос поэмы. Однако значение сохранившейся части поэмы «Бова» от этого не уменьшилось, даже на небольшом текстовом пространстве во всю мощь проявился новаторский талант Радищева, сделавшего следующий, после «Путешествия», шаг к утверждению в литературе нового, реалистического отношения к действительности.

Рисунки Ю. Панипартовой

Кто такие „адмирал Чаннский“ и „кулики“ у Ф. М. Достоевского

В. П. ВЛАДИМИРЦЕВ,
кандидат филологических наук

Близится к завершению «ленинградское» академическое Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского в тридцати томах. Издание по праву можно считать гордостью советской

историко-литературной и текстологической науки. Оно впервые объединяет все печатное и дошедшее до нас рукописное наследие самого «трудного» из русских классиков. Уникальный по богатству комментариев, которым снабжены произведения Достоевского, оказывает неоценимую помощь современному читателю, будь он рабочим, космонавтом или филологом.

Естествен вопрос: все ли возможно предусмотреть в комментарии, даже если он является совершенным? Ученые и не ставят перед собой такой, заведомо всеобъемлющей, всеразрешающей, задачи. Но в данном случае вот что оказалось неожиданно интересным и достойным внимания. Тексты Достоевского, рачительно собранные «под одной крышей» в стройном хронологическом и текстологическом порядке, по-новому высветили как раз те «словечки» (рабочий писательский термин автора «Братьев Карамазовых»), которые нуждаются в комментарии, но по каким-то причинам оставлены без него. Впрочем, так ли уж «по каким-то»? Есть причины, до очевидности объективные, не зависящие от воли комментаторов-исследователей.

Достоевский — величайший знаток и художник русского слова. В психологической палитре национальных языковых красок он искал и находил, казалось бы, вовсе неизведанные или забытые, выцветшие смысловые оттенки. Так, постоянно помещая наречие *вдруг* в бесчисленные «взрывные» контексты повестей и ро-

манов, писатель вернул ему первозданное значение таинственной, чуть ли не «мистической» внезапности, катастрофичности.

Но дело не только в психологии слова у Достоевского. Возьмитесь поближе рассмотреть вокабулярный героев писателя, и вы увидите, как много здесь языкового материала, который изумляет. Чем? Да тем, в частности, что требует лингвостнографического объяснения-«перевода», но, увы, не поддается ему.

В «Униженных и оскорбленных» петербургский частный сыщик Филипп Филиппыч Маслобоев собирается в «ресторацию» и, предвкушая застольные блага, называет среди прочих спиртных напитков один весьма загадочный и не известную нам процедуру его приготовления или потребления: «успею вздушить адмирала Чаинского» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30-ти тт. Т. 3, с. 262). Ни в существующих словарях русского языка, включая диалектные и жаргонные, ни в Большой картотеке Словарного сектора Института языкознания АН СССР (Ленинград), ни в Картотеке Словаря русских народных говоров (Ленинград) не удалось обнаружить следов «адмирала Чаинского», «вздушить» который (которого) намеревался жуирующий герой Достоевского. Остается предположить, что гурман Маслобоев имел в виду порцию водки, полагавшуюся к «адмиральскому часу», т. е. полдню (см. статью «Адмирал» в «Толковом словаре» В. И. Даля), либо некий, говоря по-современному, коктейль, либо что-то другое, неведомое.

То же самое — гадательное и предположительное — мы вынуждены сказать о насмешливом присловье «бирюлина корова» в «Записках из Мертвого дома» и «Сибирской тетради» (4, 23, 238), о ругательстве «физик» в «Селе Степанчикове» (3, 25) и проч. Перед подобными «словечками» Достоевского обычный лингвистический комментарий попросту беспилен. Открывается знаменательный факт: в целом ряде случаев писатель знал живой язык эпохи полнее и точнее, чем лексикографы прошлого и настоящего. В этом тоже явлены свойства его художественного гения.

Обещанные в заглавии «кулики» принадлежат к группе «словечек», где-то подхваченных Достоевским у народа — на улице, возле праздничных балаганов или в казарме Омского острога. Вопреки ожиданиям, «кулики» не имеют касательства к орнитофауне. Чтобы быть правильно и до конца понятыми, эти необычные «существа» требуют пояснительной справки.

Напомним контекст «Бесов», где «словечко» *кулики* сфокусировало важное для Достоевского значение — народное, «почвенническое», всецело относящееся к этнографии русских обычаев и обрядов. Когда Иван Шатов, уже отделившись от своих бывших единомышленников — «бесов», «людей из бумажки», начинает

рвать с ними, они исподтишка грозят ему. Ответ острого на язык Шатова краток и хлесток: «Кулики!» (10, 110). Если бы здесь подразумевалось сравнение с голенастыми болотными птицами, оно было бы не по-шатовски надуманным и «бумажным», далеким от жизни, наконец — просто плоским. Нет, герой Достоевского не пускался в сомнительные речевые изыски. Шатушка, как ласково зовет его Марья Лебядкина (угадывается традиционный ряд «Иван да Марья»), тесно связан с народно-культурной жизнью и говорит с «бесами» как бы от ее имени и ее языком. Экспрессивное «Кулики!» в устах Ивана Шатова — это ряженные, закрывшие лица платком-маской (Словарь русских народных говоров, вып. 16, Л., 1980, с. 66, запись 1854 г., на Новгородчине; статья «Кулик» в «Толковом словаре» В. И. Даля, с такой же территориальной пометой). А применительно к персонажам романа — Петруша Верховенский с компанией. Но почему именно ряженные, «кулики»? Быть может, Достоевский включил диалектизм в художественно-речевую систему романа без особой на то необходимости?

Из подготовительных материалов к роману «Бесы» видно, что писатель не сразу пришел к «куликам». Были варианты, творческий поиск. Вначале Шатов именовал «верховенцев» иначе: «Шуты!» (11, 213),

«Шуты, шуты!» (12, 39), «суслики какие-то» (11, 76). Однако в окончательный текст вошла не отмеченная в черновиках реплика «Кулики!». Достоевский отказался от нетенденциозной неопределенности стилистически размытых оценок «бесовства»: «шуты», «суслики». Другое дело — «кулики». Взятое из народного быта русского северо-запада, это «словечко» — в силу нарочитой характерности — стало ключевым. «Кулики» понадобились Достоевскому — Шатову для того, чтобы языком народных культурно-бытовых понятий и представлений, с позиций «почвенничества» (хотя и наивно, по-лубочному), осудить «бесов» и присных: лжереволюционеров, экстремистов, сверхчеловеков, анархистов, демагогически маскирующихся под «благодетелей человечества».

Этнография утверждает, что главная социально-бытовая функция масок и ряжений — запугивание (Токарев С. А. Маски и ряжение. — В кн.: Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. М., 1983, с. 190—191). Поражаешься, насколько безошибочным был лингвотнографический выбор Достоевского. «Кулики!» — эта оценка была не в бровь, а в глаз «бесов», наго-

павших страх на людей, с нечистоплотной целью усилить и закрепить свою «дьявольскую» власть над ними. В прямом и скрытом контекстах романа шатовская гневно-ироническая метафора «кулики» клеймит тех, кто претенциозно рядит себя в обманные социальные «одежды» и таким образом устрашает и морочит добрых людей. Ряженье — по Достоевскому — мошенническая подделка под натуру, фальсификация и наихудшая, извращенная форма двойничества. И одновременно, в соответствии с народными понятиями, что-то «нечистое».

«Словечко» *кулики* встречается в творчестве Достоевского несколько раз, имея, так сказать, своеобразную лексикографическую историю. В письме к А. Н. Майкову 25 февраля 1871 года, среди разгара работы над «Бесами», писатель употребил его в том значении, которое очень близко к установленному: «Кулики! Задолбили по-писанному. Нет, видно, всего труднее на свете самим собою стать» (т. е. не рядиться, презирать и отвергать социальную мимикрию. — В. В.). Правда, в данном случае Достоевский воспользовался и многозначностью диалектного слова, прилагавшегося также к глупым людям. Зато в «Братьях Карамазовых» он сосредоточился на этом — втором, по нашему счету, — значении народного «словечка». Как явствует из записи 1852 года в Курской губернии, кулик — глупый, недогадливый человек (Словарь русских народных говоров, вып. 16, с. 65). Нельзя сомневаться, что Достоевский хорошо знал основные смысловые значения этого диалектизма. Ему была известна и пословица «Далеко кулику до Петрова дня» [буквально: до красного лета, Петрова дня по народному месяцеслову. Ср.: шелудивый поросенок и в Петровки забьет. Смысл пословицы о кулике ироничен (приблизительно: будут ли достигнуты счастливые времена и блага — проблематично)].

Поэтически любопытную контаминацию того и другого писатель предложил в романе о Карамазовых. В зале, где идет суд над Митей, среди публики слышен такой обмен репликами: «— Далеко куликам? — Каким куликам? Почему далеко?» (15, 152). Речь между собеседниками шла о выступлении прокурора и попутно о премьер-министре Англии, который в 1876 году провокационно призывал парламент к вмешательству в дела России (см. об этом: «Дневник писателя за 1876 год», сентябрь, гл. I, § I). Вся соль фрагмента — в поэтико-языковых деталях насмешки над незадачливыми и самоуверенно-глупыми участниками диалога. Второй собеседник (как выявляется, тоже истинный «кулик») не может взять в толк, какую связь с «куликами» имеют прокурор Ипполит Кириллович и член английского парламента. В этом тупо-

ватом непонимании, переспрашивании — юмористический эффект шутовской, почти балаганной сценки.

Есть все основания думать, что Достоевский знал еще одно диалектное значение слова «кулик» — барышник, т. е. скупщик и перекупщик, в особенности краденых лошадей; торговец лошадьми (см.: Словарь русских народных говоров, вып. 16 с. 66, записано в Рязанской губернии; статья «Барыш» в Словаре В. И. Даля). В детстве старшие братья Достоевские Михаил, Федор и Андрей играли в барышников и в лошадки: «наглядевшись в г. Зарайске, куда часто ездили на ярмарки и большие базары, как барышники продавали своих лошадей, устраивали и у себя продажу и мену их со всеми приемами барышников, т. е. смотрели воображаемым лошадям в зубы, поднимали ноги и рассматривали воображаемые копыта, и т. д.» (Достоевский А. М. Воспоминания. Л., 1930, с. 57). Весьма вероятно, что уже тогда будущий писатель познакомился с народным прозвищем барышников — кулики. В «Записках из Мертвого дома» один из каторжных — «конокрад и барышник» (4, 186) — неспроста наделен фамилией *Куликов*: она, бесспорно, подсказана и мотивирована русской этнографией. Судя по статейным спискам арестантов Омского острога, прототип Куликова значился под иной фамилией — Кулишов (4, 286). Достоевский заменил подлинное имя своего сокаторжника вымышленным, опираясь на культурно-речевые традиции крестьянства. Следовательно, Куликов в «Записках из Мертвого дома» — отнюдь не «птичья», а «этнографическая» фамилия, точный социальный знак персонажа.

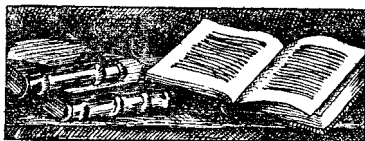
Народные «словечки» у Достоевского... Это правдивые свидетели пламенной и неизбывной любви писателя к живому слову.

Иркутск

Рисунки Ю. Панипартовой

Почему Родион Раскольников?

Б.Н. ТИХОМИРОВ

Исследователи давно обратили внимание на то, что у Достоевского имена, отчества и фамилии героев не случайны, и, как правило, полны глубокого смысла. Истолкованию имен

героев Достоевского посвящена даже специальная книга М. С. Альтмана «Достоевский. По векам имен»; есть в ней и статья о Родионе Раскольнике. Вернее, просто о Раскольнике: М. С. Альтман рассматривает фамилию героя изолированно, не соотнося ее с именем. Однако в случае Родиона Раскольникова именно при соотношении имени и фамилии открывается очень глубокий смысл.

Поэтическая ономастика Достоевского некоторыми своими чертами восходит к традициям творчества Гоголя, на это указал еще Ю. Н. Тынянов. Подробно о близости ономастических приемов Гоголя и Достоевского пишет в уже названной работе М. С. Альтман.

В этой связи нельзя не вспомнить здесь книгу Г. А. Гукковского «Реализм Гоголя», в которой содержится замечательная по глубине интерпретация столкновения «двух стихий» в имени гоголевского персонажа Хома Брута из повести «Вий»: «Хома Брут — это ведь как бы лексический парадокс, сталкивающий противоположное: с одной стороны, бытовое, весьма «прозаическое» Хома... — и Брут — высокогероическое имя — символ подвига свободы, возвышенной легенды». Исследователь находит здесь «трагическое в самой своей глубокой сути столкновение высокого назначения человека и его «земности», задавившей в нем высокое», «борение двух миров, или, точнее, двух аспектов мира — красоты, мощи, величия, борьбы добра со злом, — и обыденной пошлости». Причем «оба борющихся у Гоголя аспекта бытия, и поэтический, и презренно-обыденный, борются внутри Хома Брута; оба они — это ведь аспекты сущности самого

Хомы Брута», в имени которого,— подытоживает Г. А. Гуковский,— «сведены в единстве и столкновении обе стихии, образующие повесть» (слово «обе» выделено Г. А. Гуковским).

А отсюда, если опять вернуться к тезису М. С. Альтмана о близости ономастических приемов Гоголя и Достоевского, прямой путь к имени главного героя романа «Преступление и наказание» — Родиона Раскольникова, ибо, как и у Гоголя, у Достоевского (об этом речь ниже) «ономастический прием» состоит в том, что семантическая конфликтность имени и фамилии персонажа выражает столкновение, борьбу противоположных начал внутри героя.

В своем «Комментарии» к роману «Преступление и наказание» С. В. Белов настаивает на том, что Достоевский, давая символические имена своим героям, исходил из тех «значений» имен, которые приводились в списках святых православных церковных календарей. В соответствии с этим тезисом в «Комментарии» толкуются имена Катерины Ивановны, Настасьи, Пульхерии Александровны, Сонечки, Никодима Фомича, Порфирия Петровича, отчество Мармеладова (Захарович) и т. д. Однако существует и другая точка зрения. Так, А. Л. Бем в работе «Личные имена у Достоевского» писал: «Попытки объяснить символически имена Достоевского, исходя из их греческого корня, мне представляются мало убедительными... Я думаю, ему была чужда такая манера использования имени». (Однако для Сонечки А. Л. Бем делает исключение: «Разве только имя Соня Мармеладова дает законное право, в связи с мотивами священного писания, сопоставлять его с Софией — высшей мудростью божьей и любовью».) Замечу от себя, что Достоевский часто дает своим героям не календарные имена, а (по возможности) их народные варианты: Авдотья (а не Евдокия), Настасья (Анастасия), Лизавета (Елизавета), Катерина (Екатерина), Алена (Елена), Митрей — красильщик, напарник Миколки (однако Разумихин — Дмитрий), наконец, сам Миколка, которого, впрочем, несколько раз в романе называют Николаем. Например, в «Братьях Карамазовых» Грушенька яростно протестует против своего календарного имени, воспринимая его как нерусское: «— Пани Агриппина... — Я Аграфена, я Грушенька, говори по-русски, или слушать не хочу!» Совершенно очевидно, что употребление народных вариантов имен отнюдь не способствует актуализации в сознании читателя их греческого или латинского корня.

Имя главного героя романа — Родион Раскольников — также не допускает подобного истолкования: в православных календарях имя Родион объясняется как «розовый» или даже «розы

покупающий» (?). Кажется, еще никто из комментаторов не рисковал здесь искать его разгадку. Но дело в том, что до сих пор не предложено и иной, более или менее приемлемой интерпретации. А вместе с тем очевидно, что имя главного героя далеко не случайно. Достоевский не сразу назвал его Родионом: в ранних редакциях он — Василий, Вася, Васюк. Налицо поиск имени для героя.

Впервые имя главного героя читатель узнает в третьей главе первой части романа из письма матери Раскольниково. «Милый мой Родя...», — так начинает свое письмо Пульхерия Александровна. Именно в этой уменьшительно-ласкательной форме имя героя главным образом и употребляется в романе. Не только для матери, но и для Дунечки, и для Разумихина он Родя, Роденька, Родька. В такой уменьшительно-ласкательной форме имя героя употребляется в романе более 120 раз.

«Незнание внутреннего смысла заимствованных имен приводило к своеобразному их осмысливанию русским народом, к так называемой народной этимологии, — пишет современный специалист по ономастике А. А. Угрюмов. — Народное осмысливание строилось на звуковых аналогиях» (Русские имена. Вологда, 1970). Именно в результате названной закономерности в живом, разговорном русском языке, особенно благодаря кратким формам *Родя*, *Роденька*, происходит переосмысление этого имени, устанавливается новая смысловая связь: Родион, Родя — «родной», «родимый». Этому переосмыслению должно было способствовать и то обстоятельство, что уменьшительная форма *Родя* и именно с семантикой родства могла восходить не только к имени *Родион*, но и к дохристианским русским именам *Родислав*, *Родослав*, *Родич*, зарегистрированным в «Словаре древнерусских личных имен» Н. М. Тушикова (СПб., 1903).

Представляется, что именно этот рожденный народной этимологией смысл в имени героя Достоевского и выходит в романе на первый план, выявляя существеннейшее начало в душевном мире Родиона Раскольникова — его *род*-ство, его неразрывную (уж коли в имени отразилась) связь с окружающими людьми.

Дело, однако, не только в народной этимологии, но и в особом характере функционирования имени героя в романе. А. Л. Бем считал исключительно важным, в каком контексте названо впервые имя героя произведения. В этой связи стоит подчеркнуть, что если фамилию Раскольникова читатель узнает во время его первого визита к старухе-процентщице, когда он приходит к ней «делать пробу своему предприятию» («— Рас-

кольников, студент, был у вас назад тому месяц,— поспешил пробормотать молодой человек»),— то имя возникает впервые, как уже отмечалось, на страницах письма матери — в атмосфере любви, трогательной заботы друг о друге и самоотверженности ради любимого человека.

В. Н. Топоров, утверждая близость отдельных сторон структуры романа Достоевского «текстам и схемам мифопоэтической традиции», указывает на такую особенность функционирования слова в «Преступлении и наказании», как «возможность изменения границ между именем собственным и именем нарицательным вплоть до перехода одного в другое» (Топоров В. Н. Поэтика Достоевского и архаические схемы мифологического мышления («Преступление и наказание»).— В кн.: Проблемы поэтики и истории литературы. Саранск, 1973). И действительно, в контексте письма матери, особенно для читателя, который еще не знает полного имени героя, обращение «Милый мой Родя...» равно может быть прочитано и как имя собственное, и как нарицательное в ряду таких материнских наименований, как «первенец мой», «кровиночка моя» и т. п. Также и в дальнейшем контекст всемерно поддерживает актуализацию семантики родства в имени героя (см., например, слова Разумихина о матери Раскольниковова: «...хоть сама есть не будет, а уж Роденьку вырчит»).

Другого типа контекст представляет следующее, обращенное к Раскольникову восклицание Порфирия Петровича: «...бабушка! Родной Романович! Родименький! Отец! Да что с вами?».

Если имя героя выражает, как было показано, «центробежное» начало в его душевной жизни, его родство, внутреннюю неразрывную связь с людьми, то фамилия, с очевидностью, указывает на начало прямо противоположное, «центростремительное» — «раскол» в самом широком смысле слова, то есть разъединение людей, разрушение, распадение человеческих связей. Причем оба начала — страстная жажда сращения, братства со всеми людьми и устремленность к крайнему индивидуализму, отразившиеся в имени и фамилии героя, — одинаково активны, равносильны в той борьбе, которая совершается в душе Раскольникова.

Знаменательно, что в ранних редакциях романа, где герой в значительной степени еще однозначен и одномерен, у него вообще нет фамилии и совсем другое имя — Василий (от греч. — «царь»), — имя, однозначно указывающее на стремление героя стать «установителем и законодателем человечества». Представляется, что изменение имени, появление противоположных по

смыслу, «конфликтных» имени и фамилии сопровождало общее изменение авторской концепции главного героя в ходе работы Достоевского над романом. В творческой истории «Преступления и наказания» есть важная веха, датируемая концом ноября 1865 года, когда, по словам самого писателя, он «все сжег» и «начал сызнова»: «новая форма, новый план увлек» его (см. письмо А. Е. Врангелю от 18 февраля 1866 года). Именно в это время в черновых набросках герой впервые и получает новое имя — Родион Раскольников.

В романе есть великолепная сцена, как правило, не привлекающая внимания исследователей, в которой Достоевский виртуозно обыгрывает смысл имени и фамилии главного героя, их соотношенность, их конфликтность. Это кульминационный момент в развитии событий — явка Раскольникова с повинной в полицейскую контору и его разговор с поручиком Порохом. Порох находится в «превосходнейшем и даже капельку возбужденном состоянии духа» и не прочь поболтать, но Достоевский так организует речь Пороха, что, оставаясь пустопорожней болтовней в рамках эпизода, слова героя приобретают символический смысл в контексте всего романа. «Слова подчас мудрее изрекающих их», — точно выразил эту особенность жизни слова в творчестве Достоевского М. Альтман.

«Раскольников задрожал. Перед ним стоял Порох...

— К нам? По какому? — воскликнул Илья Петрович... — Если по делу, то еще рано пожаловали. Я сам по случаю... А впрочем, чем могу?.. Я признаюсь вам... как? как? Извините...

— Раскольников.

— Ну что: Раскольников. И неужели вы могли предположить, что я забыл! Вы уж, пожалуйста, меня не считайте за такого... Родион Ро... Ро... Родионыч, так, кажется?..»

Удивительная сцена! Сам того не ведая, отвергая фамилию Раскольникова («Ну что: Раскольников!»), удваивая по ошибке его имя («Родион... Родионыч»), поручик Порох выразит смысл происходящего: явка с повинной — это попытка преодоления «раскола» между главным героем и людьми, попытка восстановить расставшиеся, разрушенные связи, попытка возвратиться, хотя бы и через наказание, к людям.

Ленинград

Ленинское слово в поэмах В. Федорова

С. В. ТАРАСЕНКО

Образ В. И. Ленина всегда привлекал советских поэтов.

Однако в поэтической Лениниане, после художественных достижений В. Маяковского в поэме «Владимир Ильич Ленин», «очень трудно было взять новый эстетический рубеж, ввести ленинский характер в круг действующих лиц произведения, дать слово самому Ленину» (Пискунов В. М. Советская Лениниана. М., 1970, с. 34). В поэзии 20-х — 30-х годов образ В. И. Ленина создавался, в основном, методом описания или в условно-символическом стиле; поэты практически не обращались к передаче ленинской речи.

Одним из первых прямую речь В. И. Ленина ввел А. Твардовский в стихотворении «Ленин и печник» (1938—1940 гг.). И хотя ее очень немного — всего четыре небольшие реплики бытового плана, удельный вес их очень значителен. В них проявился характер живого человека, с интересом и вниманием относящегося к окружающему.

Поэма Василия Федорова «Ленинский подарок» (1953 г.) замечательна тем, что в ней главной задачей художника было показать В. И. Ленина — и мудрого, дальновидного вождя, и человека огромной души, любимого народом, — не только лирико-повествовательными средствами, но и предоставив слово самому Ленину.

Толчком для ее создания послужил рассказ пожилой ткачихи о своей молодости, о встрече с Лениным в Петроградском госпитале в 1918 году, когда она работала санитаркой. Поэта заинтересовала в этом рассказе прежде всего связь судьбы простой женщины с судьбой страны, осуществлением предначертаний Ильича.

События, освещенные в поэме, даны ретроспективно, как воспоминания тети Нади, увидевшей воплощенной свою мечту о счастливой жизни. Картины ее трудовой молодости, встречи с Лениным последовательно, как кадры в кино, сменяют друг

друга. Яркие, лаконичные диалоги, четкая событийная линия, временная соразмерность действия — все это приближает поэму «Ленинский подарок» к драматургическим жанрам. Принцип ретроспекции придал материалу подвижность и позволил выявить в поэме эмоциональный и смысловой центр — ленинское слово.

Прежде чем Ильич заговорил, его характер проявлен описанием жестов, походки:

Порывист,
В жестах откровений,
Столкнувшись с ней лицом к лицу,
Стремительно поднялся Ленин
По госпитальному крыльцу.

Основное высказывание Ленина — о необходимости заключения мира — чуть отодвинуто: сначала читатель должен представить себе больничные палаты с ранеными, их тревожное ожидание решения своей судьбы, бедность — то есть все то, что является неизбежными спутниками войны:

Ильич осматривал палаты
И повторял:
— Бедны, бедны!..

После краткой экспозиции Ленин сразу же включается в разговор с ранеными солдатами и, внимательно выслушав спор о том, «надо ль замирился с буржуазией мировой», участливо и без нажима подводит их к правильному ответу:

Ильич молчал
И только взглядом
Спросил: и вывод, мол, каков?
— Вот старики твердят, что надо.
— Вот, вот...
И я — за стариков.

Эта краткая реплика многозначительна: Ленин выверяет свои мысли и решения опытом народа. Далее уже следует энергичное и бескомпромиссное развитие мысли и завершение спора:

Когда за власть буржуи ссорятся,
Война народу не с руки...
Нет, нет! И пусть не хорохорятся
То-о-варищи меньшевики!
Мир, мир!
И только мир!

Речь Ленина убедительна и понятна солдатам, «чистыми до блеска» глазами смотрящим на него. Уместен сарказм в растянутом «то-о-варищи меньшевики». А в слове «хорохорятся» вы-

ражена меткость и народность ленинской речи. Оно не случайно. В одной из речей В. И. Ленина, относящейся ко времени заключения Брестского мира, В. Федоров нашел фразу: «По надо было мир взять, а не хорохориться зря» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 30). Насколько точно найдено слово в поэтическом тексте, свидетельствует и другой факт. В работе «Главная задача наших дней» (1918 г.) В. И. Ленин писал: «Недостойно настоящего специалиста, если ему нанесено тяжелое поражение, ни хорохориться, ни впадать в отчаяние» (т. 36, с. 80). В этой же работе есть слова, непосредственно связанные с общим пафосом поэмы «Ленинский подарок»: «...наша непреклонная решимость добиться во что бы то ни стало того, чтобы Русь перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле слова могучей и обильной» (т. 36, с. 79). В тяжелейшие для молодой республики дни В. И. Ленин подчеркивает свою уверенность в прекрасном будущем Родины, перефразируя слова Н. А. Некрасова из поэмы «Кому на Руси жить хорошо».

В поэме Федорова конкретный подарок В. И. Ленина санитаркам — обувь — лишь небольшая деталь в характеристике новых, социалистических отношений между людьми, но деталь важная: ленинское слово и дело неразделимы даже в малом. Главным ленинским подарком был мир — основа счастья и благополучия. Предвидение Ильича сбылось, и потому запоминаются и становятся лейтмотивом его слова, обращенные к Наде и ее поколению и исполненные веры в прекрасное будущее: «—Вы молоды, вы доживете до модных туфель и шелков!»

В русле художественных завоеваний А. Твардовского в поэме «Ленинский подарок» переданы отдельные диалогические реплики Ленина, но и в них В. Федоров придерживается характерных для Ленина стиля энергии высказывания, искренности, разнообразия эмоциональных оттенков. Прислушиваясь к спору, «Ильич подался: — И о чем?». Выслушав Надю, просящую обувь для солдаток:

— Да, верно. —
 Ленин приподнялся
 И, на ее взглянув башмак:
 — А вам? — спросил
 И рассмеялся
 И весело и грустно так.
 Он стал, как показалось Наде,
 С мастеровыми чем-то схож;
 Прикинул, на ботинок глядя:
 — Э-э, нет!.. Уже не подошьешь!..

Федоров стремился композиционно выделить главные слова Ленина о мире, и потому этот разговор с Надей происходит уже чуть позже, не в стенах госпиталя, а на улице. Конкретный и, казалось бы, бытовой разговор автор умело переводит в русло глобальных обобщений, используя элементы описательности (схожие по значению с ремарками) и интонационную насыщенность реплик Ленина:

Вдруг резче
 Меж бровями складка,
 И сразу смех и шутка — прочь!..
 — Так вот, товарищ делегатка...—
 Вздохнул,—
 Попробуем помочь!..—
 Глаза прищурились в заботе
 При виде сбитых каблучков.—
 Вы молоды, вы доживете
 До модных туфель и шелков...

К образу Ленина В. Федоров обратился и в поэме «Дуся Ковальчук» (1957 г.), посвященной героической судьбе сибирской партизанки. Как и в поэме «Ленинский подарок», время событий — одно из самых драматических, решающих для Советской власти. Эпизод, в котором мы видим Ленина, занимает центральное место в поэме. Четкий графический рисунок фигуры и поведения подчеркивает сосредоточенность вождя в момент решения важного вопроса:

А в этот час
 В Кремле,
 Гоня озноб,
 То строгий и суровый,

То азартный,
 Кругой, как глобус,
 Потирая лоб,
 Ильич склонился
 Над сибирской картой.

Вся сила ленинского предвидения, его вера в свой народ сконцентрированы в одной его фразе:

— Сибирь не будет
 Русскою Вандеей!
 Там наш народ! —

Добавил он, гордясь
 За тех, с кем жил,
 За те места лесные...

Характерно признание В. Федорова: «Ленина я начал читать еще в детстве. Я, разумеется, многого не понимал, но меня завораживала энергия стиля, само сцепление слов. Поздней я заметил, что энергия его стиля возникает не в силу формальных стилевых приемов, а логикой развития мысли и, я бы сказал, образа. Его речь всегда была по-народному образна. Теперь мне отчетливо ясно, что к образу Ленина надо идти не столько через

факты и обстоятельства его огромной жизни, сколько через его слово» (В. Федоров. Наше время такое... М., 1973, с. 106).

В последующей лаконичной фразе поэмы, связывающей раздумья Ильича с событиями в Сибири, внутренняя энергия высказывания сохраняется:

— Усилить фронт!
Да, да... Удвоить связь! —
И пошагали
По снегам
Связные.

Повелительные интонации, выраженные формой императива, соответствуют содержанию и одной, и другой поэмы Федорова, поскольку необходимо было показать экстремальную важность момента, напряженность, незамедлительность принятия решения.

Как видим, В. Федоров не остановился на художественных завоеваниях своих предшественников — В. Маяковского и А. Твардовского, он развил и обогатил образно-стилевые возможности в советской Лениниане, в частности, в жанре поэмы. Создав своеобразную композицию, он показал В. И. Ленина в трудные, переломные моменты истории молодого Советского государства, выявил в характере вождя энергию мысли и действия, единство слова и дела, дальновидность и глубокую человечность. Поэту удалось воспроизвести деловую и разговорную речь В. И. Ленина, художественно выразить некоторые ее характерные особенности, что несомненно обогатило образ Владимира Ильича.

Киев

О языке поэмы
„ХОРОШО!“
 В. Маяковского

Л. И. БАЛАХОНОВА,
 кандидат филологических наук

Знаменитая Октябрьская поэма «Хорошо!» была создана к десятилетию Революции, и сам Маяковский считал ее своим программным произведением. Тема поэмы — Революция, гражданская война, рождение первого социалистического государства. Здесь органически соединены эпос, лирика и бытописание, патетика и сатира. Многоплановость обусловила богатство и разнообразие словаря произведения.

В кругу общественно-политической лексики поэмы «Хорошо!» выделяются слова, рожденные или получившие особенное распространение в новую эпоху (большевик, буржуазия, класс, демократия, нация, комсомолка, субботник), а также старые слова с новыми, появившимися после революции значениями (кооперация, коммуна, милиция, товарищ, красный). Среди новых слов встречаем несколько сложно-сокращенных названий организаций, учреждений (ЦИК, Совпарком, Моссовет и др.). Социально-политическая лексика поэмы служит для раскрытия понятий, явлений, связанных с рождением первого государства рабочих и крестьян, и для разоблачения врагов революции, обывателей, демагогии буржуазных партий и т. д. Именно поэтому мы встречаем подобные термины в совершенно разных по тональности контекстах: нейтральных, шуточных, гневных, саркастических и патетических: Забывши / и классы / и партии, / идет / на дежурную речь (о Керенском); Под блузой коммунисты. / Грузят дрова. / На трудовом субботнике; «Дяденька, / что вы делаете тут, / столько / больших дядей?» / — Что? / Социализм: / свободный труд / свободно / собравшихся людей.

Маяковский стремился запечатлеть пестрое многоголосие своих современников, передать живые голоса непосредственных участников событий, создать общий колорит языка народных масс (известно, что поэма была рассчитана на постановку в театре). Этим объясняется такое обилие разговорно-просторечных слов как в речи

персонажей, так и автора: *врали, глазаеет, ишний, колесить, шиш* и др. Поэт привлекает также диалектные формы для речевых характеристик персонажей: *геперича, таць, подпнуть, будя* и др. В ткань произведения введены народно-песенные обороты, частушки (До- / шло / до поры, / вы- / хо- / ди, / босы, вос- / три / топоры, / подымай косы), строки из известных песен (И с нами / Ворошилов, / первый красный офицер). Сравнение с первоначальным текстом поэмы показывает, что поэт заменил в ряде случаев нейтральное слово на разговорно-просторечное. Ср., например, в первой редакции: с Лениным в *голове*, / с наганом в руке; во второй редакции: с Лениным в *башке* / п с наганом в руке; в первой редакции: *спускаются* с Симферополя; во второй редакции: *сыпятся* с Симферополя.

Изображая трудный быт первого послереволюционного десятилетия, Маяковский широко использует бытовую лексику: *картошка, одеяло, пшено, дрова, хлебные карточки, магазин, паек* и т. д. Эти далеко не «поэтические» слова, обычные для устного общения, так же как и разговорно-просторечная лексика, создают впечатление предельно эмоционально-насыщенного живого рассказа, разговора: *Иди, / жена, / продай / пиджак, / купи / пшена; В санях / полепо везу, / забрал / забор разломанный; Не домой, / не на суп, / а к любимой / в гости / две / морковинки / несу / за зеленый хвостик.*

Колорит эмоциональной разговорной речи передается в поэме и другими средствами. Частый художественно-языковой прием здесь — употребление предложений, состоящих только из одних существительных или почти из одних глаголов. Ср.: *Я узнал, / удивился, / сказал: / «Здравствуйте, / Александр Блок...»; В окнах / продукты: / вина, / фрукты.*

Пропуск в речи легко подразумеваемого слова (эллипсис) — особенность разговорной речи — находит в поэме многократное отражение. Маяковский использует эту особенность и для того, чтобы при общей экономии лексических средств («помните всегда, что режим экономии в искусстве — всегдашнее важнейшее правило...») подчеркнуть, усилить значимость оставшихся во фразе слов. Чтобы добиться еще большего впечатления, поэт прибегает к повтору: скапливает близкие по смыслу и по эмоциональной окраске слова или просто повторяет важное для него слово. Примеров этому очень много в поэме «Хорошо!»: *На рейде / транспорты / и транспорточки, / драки, / крики, / ругня, / мотня...; — Скажите — / вы здесь? / Скажите — / не сдали? / Идут ли вперед? / Не стоят ли? — / Скажите.*

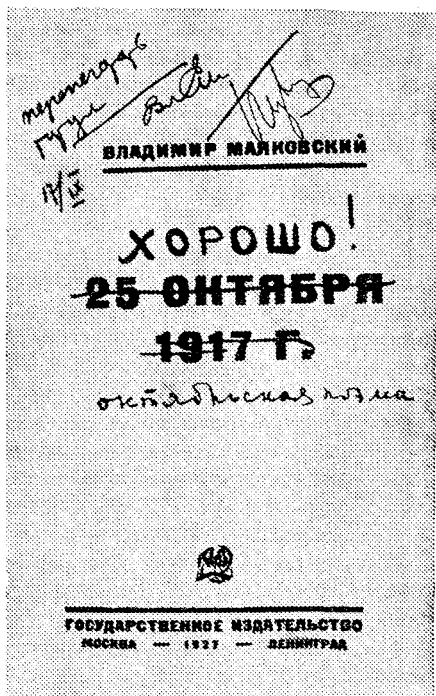
Иногда при эллипсисе Маяковский обращается к аллитерации: *Топот рос / и тех / тринадцать / сгреб, / забил, / зашиб, / затыркал. /*

Забились (Ср. в поэме «В. И. Ленин»: *Город грабил, / греб, / граба- стал, / глыбил.* Цель аллитерации у Маяковского та же, что и при применении эллипсиса: «Я прибегаю к аллитерации для обрамления, для еще большей подчеркнутости важного для меня слова» (Как делать стихи?).

Поэму «Хорошо!» отличает не только высокая эмоциональность, но также энергичность, динамичность ритма, волевая интонация. Эта тональность достигается разными художественными и чисто языковыми средствами, в частности, своеобразным использованием глагола. Многие из стихов Маяковского, особенно со-

зданные после революции, рассчитаны на чтение вслух, обращены непосредственно к большой аудитории, написаны в форме призыва. Именно поэтому в них так часто встречается повелительная форма глагола. В поэме «Хорошо!» в этой форме даны около семидесяти глаголов как в речи персонажей, так и автора, в том числе — большая часть глаголов седьмой главы, призывающей рабочих и крестьян встать на защиту своих прав: — Вставайте! / Вставайте! / Вставайте, / работники / и батраки! / Зажмите, / косарь и коваль, / винтовку / в железо руки!.. / Рвань — / встань! / Враг — / ляг! / Бей — / бар! / ...Дрожи, / капиталова дворян! и т. д.

В роли повелительного наклонения со значением неотложной потребности действия в поэме иногда выступает инфинитив (Ср.: в речи рабочего-большевика: не галдеть / и не делать / заведенья питейного; в речи тринадцати министров Временного правительства: — Сдаваться! / Сдаваться!). Повелительная форма глагола может служить и просто средством усиления эмоциональной насы-

щепности. Ср.: Телеграммой /лети, / строфа! / Воспаленной губой / припади / и попей / из реки / по имени — «Факт».

Своеобразие, неповторимость авторского стиля отчетливо проявляется в специфике образного словоупотребления, в котором наиболее ярко раскрывается отношение к слову, характерное именно для данного автора. Метафора как художественный прием широко использовалась Маяковским во все периоды творчества. В статье «Как делать стихи?» поэт писал: «Распространеннейшим способом делания образа является метафоризация». Необычные, сложные метафоры особенно характерны для дореволюционных произведений поэта. В послереволюционном творчестве Маяковский стремился избегать излишней усложненности, отвлеченности. В автобиографии «Я сам» Маяковский пишет: [в поэме «Хорошо!»] «ограничение отвлеченных поэтических приемов...». Метафоры и сравнения этой поэмы при всей их выразительности и своеобразии во многих случаях не выходят за рамки общезыковой образной системы, традиционных способов сочетаемости слов.

В поэме встречаются разные по структуре образные единицы, которые функционируют в тексте либо самостоятельно, либо входят как компоненты в развернутые метафоры. При сравнительно редком использовании эпитетов, выраженных качественными прилагательными, в тексте широко представлены двухчленные сочетания существительных типа *железо руки, сталь зубов, пасть гроба, земля молодости, улей пух, шаль неба*, а также сочетания конкретного существительного с метафорическими приложениями: *страна — подросток, улица-змея, слухи-свиньи, дождь-свинец, тучи — корабли, глаза-небеса, бороды — венки* и т. д. Часто приложение выполняет здесь функцию сравнения: *тучи-кочки* (как кочки), *транспорты-галошины* (как галошины) и т. п. Образные сравнения в поэме даются также в форме творительного падежа или с помощью союзов *как, будто* и т. п.: *Болтает / сорокой радостной; где каплей / льешься с массажи; политика / проста, / как воды глоток; сухой как рапорт; И / редели / защитники Зимнего, / как зубья / у гребешка.*

Исходный образ в приведенных сравнениях и метафорах общепонятен, легко мотивируется. Поэт использует здесь потенциальные возможности, заложенные в переносных значениях слов.

Для создания метафор и сравнений Маяковский часто использует конкретную или отвлеченную лексику, так или иначе связанную с человеком. В образную систему поэмы «Хорошо!» вовлечены сорок девять слов — названий частей, органов человеческого тела: *голова, мозг, лицо, лоб, затылок, висок, глаз, бровинка, ухо, нос, рот, губа, язык, щека, борода, горло, зев, плечи, рука, ладонь, па-*

лец, поготь, грудь, бок, сердце, легкое, нога, колено и т. п. Ср.: Видят /редких звезд глаза; И двор /дворцовый /руками решетки /стиснул /торс /толп; дровинки, /чуть /потолще /средней бровинки; холёном /горле /дворца; мягка /снегов, /тиха /нога.

Реализуя образные возможности общепародных слов, Маяковский перекрещивает, обыгрывает взаимосвязи прямых и переносных значений, создает смысловую многоплановость. В первоначальном варианте развернутая метафора — «держали взятое, да так, что кровь выступала из-под погтей» — звучала иначе: «держали взятую власть, да так...». В окончательном варианте метафора выиграла, стала объемней, так как субстантивированное причастие *взятое*, в отличие от сочетания *взятая власть*, совмещает два плана, два значения: конкретно-предметное и обобщенно-отвлеченное. Яркая и выразительная, эта метафора в то же время наглядна, общепонятна. Также легко устанавливается смысловая и языковая связь индивидуально-авторского фразеологизма *от пят до лба* с общепародным его вариантом *с головы до пят*: ...и эта жизнь — /и бег, и бой, /и сон, /и тлен — /в домовья /этажи /отражена /от пят /до лба.

Не во всех метафорах поэмы так прозрачны ассоциативные связи. Далекое не такой очевидной и наглядной по форме и содержанию является, например, развернутая метафора с тем же словом *лоб*: И планы, /что раньше /на станциях лбов /задерживал /нищенства тормоз, /сегодня /встают /из дна голубого, /железом /и камнем формясь. Исходный образ этой сложной и многоплановой метафоры — движущийся поезд: «на станциях лбов», т. е. не реализованными, в головах, мозгу создателей оставались ранние планы, идеи, их задерживал «нищенства тормоз», т. е. отсутствие материальных средств, бедность страны.

Итак, смысловые сдвиги, происходящие в словах при образно-переносном употреблении, в одних случаях отчетливо проявляются уже в двухчленном сочетании, в других — становятся ясными только при анализе более широкого контекста.

Изменения смыслового и экспрессивно-эмоционального содержания слова могут происходить не только при метафоризации. В любом слове художественного произведения, употребленном в обычном значении, могут произойти сдвиги, преобразования его содержания, вызванные теми или иными задачами автора. Система изменений этого рода так же индивидуально-неповторима, так же показательна для определения своеобразия художественного стиля автора, как и система переносно-образных употреблений. Проследим это на примере употребления нескольких слов поэмы «Хо-

рошо!», которым Маяковский придает особо важное значение и которым присуща социальная заостренность.

В поэме «Хорошо!» целая группа слов употребляется для обозначения понятия «Советская страна», это *родина, земля, страна, отечество, республика* и т. д. В общей сложности к этим словам Маяковский обращается в поэме свыше сорока раз. Это не случайно, ибо основная тема поэмы — тема Советской Родины, советского патриотизма. Каждое из этих синонимически сближенных слов в поэме получает свое эмоционально-смысловое наполнение, каждое выполняет особое поэтическое задание. Наиболее «любимые» из них у Маяковского в этой поэме слова *земля* и *республика*. В слове *земля* ощутимо проступает его многозначность. Оно конкретно, материально, «осязуемо» и в то же время поэтично, эмоционально, возвышенно. Употребляя его, Маяковский подчеркивает кровную, неразрывную связь с Родиной людей, защитивших ее, переживших с ней все трудности и возрождающих ее к новой жизни, и одновременно как бы напоминает об одном из важнейших завоеваний Революции — земле. Полны высокой патетики и глубокой лиричности знаменитые концовки 13-й, 14-й и 15-й глав. Это гимн родной земле беззаветно, навсегда преданных ей людей. В этих же концовках глав появляются и «бесстрастные», с нулевой эмоциональностью слова *страна* и *места*. Появление их здесь, конечно, не случайно. В данном контексте они противопоставлены слову *земля*: Ушли / тучи / к странам / тучным — и здесь же — ...из нищей / нашей / земли / кричу: / Я / землю / эту / люблю; Я видел / места, / где инжир с айвой / росли / без труда / у рта моего, — / к таким / относишься / иначе. / Но землю, / которую / завоевал / и полуживую / выпячил, где с пулей встань, / с винтовкой ложись, / где каплей / льешься с массаи, — / с такую / землю / пойдешь / на жизнь, / на труд, / на праздник / и на смерть! (Курсив мой. — Л. Б.)

В случае, когда Маяковский все же употребляет слово *страна* в значении «Советская страна», он наделяет его уточняющим метафорическим приложением: — Тише, товарищи, спите... / Ваша / подросток-страна / с каждой / весной / ослепительной, / крепнет, сильна и стройна.

Существительное *республика* встречается, в основном, в последних главах поэмы. Оно, в отличие от слова *страна*, могущего употребляться в разных контекстах, наполнено для поэта вполне определенным содержанием: это — «земля молодости». Соответственно этому образу подбирает Маяковский лексику в тех частях поэмы, где воспевает молодую, полную сил и энергии «первую республику рабочих и крестьян»: И я, / как весну человечества, / рожденную / в трудах и в бою, / пою / мое отечество, / республику мою!

Высокая экспрессивно-эмоциональная насыщенность отличает все творчество Маяковского. Поэт, как известно, всегда чувствовал себя в гуще социально-исторических событий и в стихах через своего лирического героя выражал стремление к активному вмешательству в эти события. «Я» — лирический герой большинства стихов Маяковского, как дореволюционного, так и послереволюционного периода. Однако идейно-художественный смысл этого поэтического образа в дореволюционных стихах значительно отличается от лирического «Я» в стихах, написанных после Октябрьской революции. Образ претерпел в творчестве поэта значительные изменения. В стихах до 1917-го года «Я» — это поэт всех отверженных, страдающих. «Я» поэта противопоставлено всему капиталистическому обществу: Все эти провалившиеся знают: Я ваш поэт (А все-таки, 1913); Я — где боль, везде (Облако в штанах. 1913). Вместе с тем поэт остро чувствует свое одиночество, и поэтому в его стихи этого периода врываются трагические ноты: Я одинок, как последний глаз у идущего к слепым человека (Несколько слов о себе самом. 1915).

Совсем иное смысловое и эмоциональное наполнение у лирического «Я» в стихах после Октября. «Я» — уже не индивид, противопоставленный остальному обществу, а член единого огромного коллектива: Читайте, / завидуйте, / я — / гражданин / Советского Союза! (Стихи о советском паспорте). Не звучат больше ноты одиночества. «Нет места вою», — говорит поэт. Он чувствует свою неразрывную связь со всем народом и в горе, и в радости, и счастлив этим: Я счастлив, / что я / этой силы частица, / что общие / даже слезы из глаз (Владимир Ильич Ленин).

Поэт — в одном строю со всеми строителями социализма: Я всю свою / звонкую силу поэта / тебе отдаю, / атакующий класс! (Владимир Ильич Ленин). С этим лирическим героем мы встречаемся и в поэме «Хорошо!». Через лирическое «Я» Маяковский выражает свое отношение к изображенным в поэме событиям, к людям, строящим новую жизнь. Он радуется успехам родной страны, гордится тем, что в них — доля его труда: Я с теми, / кто вышел / строить / и мечь / в сплошной / лихорадке / буден; Я радуюсь / маршу, / которым идем / в работу / и в сраженья; Я / планов наших / люблю громадьё; Радуюсь я — / это / мой труд / вливается / в труд / моей республики.

Мысленно говоря с героями, павшими в боях за новую жизнь и похороненными у стен Кремля, поэт выражает уверенность от лица всех советских людей в победе социализма. «Я» поэта и «мы» неразрывно связаны, это — коллективный образ. Точно так же слова *мой* и *наш* служат в поэме для выражения идеи слияния общего

и личного, частного. Происходит их синонимическое сближение, они становятся взаимозаменяемыми: Улица — / моя. Дома — / мои; Ста- ла / операться / моя / кооперация; в моем / автомобиле / мои / депута- ты; в моем / Моссовете и т. д. В этом же значении — слово *наш*: В п а ш и вагоны, / п а н а ш е м пути, / п а ш и / грузим / дрова/; Н а ш и м товарищам / п а ш и дрова / нужны. «Мы» находит много- кратное использование в стихах Маяковского только после Октября. Именно в этот период поэт вводит в названия ряда стихотворений слова *мы* и *наш*: «Наш марш», «Мы идем», «Мы не верим», «Наше воскресенье», «Нашему юношеству», «Мы» и др. В стихотворении «Мы» поэт определяет то, что объединяет всех советских людей в непобедимую силу: ...главное в нас, — / — и это / ничем не заслони- ся, — / главное в нас, / это — наша / Страна Советов, / советская стройка, / советское знамя, / советское солнце.

В поэме «Хорошо!» слово *мы* употреблено 34 раза. Оно, в свою очередь, становится в поэме синонимом таких слов, как *класс*, *про- летарии*, *товарищи*, *коммунисты* и т. д. В каждом из этих слов под- черкивается, заостряется та или иная черта общего понятия — советские люди. В частности, существительное *класс* в индивидуаль- но-авторском значении — рабочий класс, трудящиеся республики: Миллионный класс вставал за Ильича против белого чудовища клы- кастого. Слово *мы*, как уже говорилось, становится в поэме выра- зителем идеи единства всех советских людей, единства поэта со всем народом: Москва — / островком, / и мы на острове. / Мы — / го- лодные, / мы — / нищие, / с Лениным в башке / и с паганом в руке.

Подчеркивая чувство ответственности всех людей молодой Советской республики за судьбу Родины и неразрывную их связь с армией, защищающей республику от интервентов, Маяковский заменяет существительное *красные* в первой редакции на слово *мы* в окончательной: вместо «свинцовый па *красных* льет кипяток» — «свинцовый льется на *нас* кипяток».

И, наконец, слово *коммунист*, — как высшая оценка, определяю- щая то лучшее в советских людях, что объединяет их в непобеди- мую силу: Зима здорова. / Но блузы / прилипли к потным, / Под блузой коммунисты. / Грузят дрова / на трудовом субботнике. Здесь слово *коммунисты* не обязательно является признаком принадлеж- ности к коммунистической партии. Так Маяковский называет всех участников коммунистического субботника, восхищаясь и гордясь новым, социалистическим отношением к труду, коллективизмом со- ветских людей. Это подтверждается тем, что в следующих за этими строках поэмы, слово *коммунисты* сменяется словом *мы*: Мы не уй- дем, / хотя / уйти / имеем / все права /; Работа трудна, / работа / то-

мит. / За нее — / никаких копеек. Но мы / работаем, / будто мы / делаем / величайшую эпопею.

Такова лишь незначительная часть системы художественных средств этой знаменитой поэмы Маяковского.

Языковое новаторство, особенно в дореволюционных стихах, занимает значительное место в творчестве поэта-трибуна. И все же не новые слова, а общерусская лексика, ее отбор и использование, определяют художественный стиль, самобытную манеру письма Маяковского. Поэт проделал сложный путь творческих исканий в области языка, осознанно освобождаясь от усложненности в лексике и в системе образных средств, что нашло отражение в его поздних произведениях.

Ленинград

Новизна в поэтическом произведении обязательна. Материал слов, словесных сочетаний, попадающийся поэту, должен быть переработан. Если для делания стиха пошел старый словесный лом, он должен быть в строгом соответствии с количеством нового материала. От количества и качества этого нового будет зависеть — годен ли будет такой сплав в употребление.

В. В. Маяковский.

Как делать стихи?

Источники выразительности художественной речи

И. Б. ГОЛУБ,
кандидат филологических наук

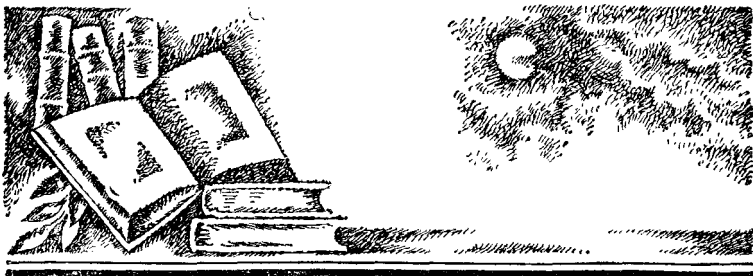
Каждый хочет, чтобы его слова были действенными, не оставляли слушателей или читателей равнодушными. Для этого необходимо сделать нашу речь выразительной. Но как добиться этого?

Вспоминается случай из школьной жизни. Ученик читает стихотворение, педагог наставляет: «Говори выразительно!». И мальчик старается декламировать громко, но «выразительно» все равно не получается. В детстве кажется, что выразительности можно достигнуть, громко выкрикивая слова. С годами, написав десятки сочинений, а потом — отчетов, докладов и даже научных работ, мы проходим через все «муки слова», понимая, как не просто постигнуть тайну красноречия.

Давайте посмотрим, как наши лучшие писатели достигали совершенства в выражении мысли словами, обратимся к хорошо знакомым примерам художественной речи и выясним, в чем источники ее выразительности.

Несомненно, сила писателей — в их умении находить такие слова, которые заставляют наше воображение живо рисовать картины природы, мир чувств литературных героев, их портреты, поведение. Кого равнодушным оставят, например, такие пушкинские строки:

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.

Зимняя дорога

Можно ли сравнить этот поэтический текст с простым описанием факта: «Светит луна. По зимней дороге едет тройка. Звучит колокольчик»?

Поэтическая речь образна, она расцвечена эпитетами, метафорами, неживая природа в ней одушевляется, слова, передающие настроение, вовлекают читателя в духовный мир поэта. Такое словоупотребление и создает выразительность художественной речи.

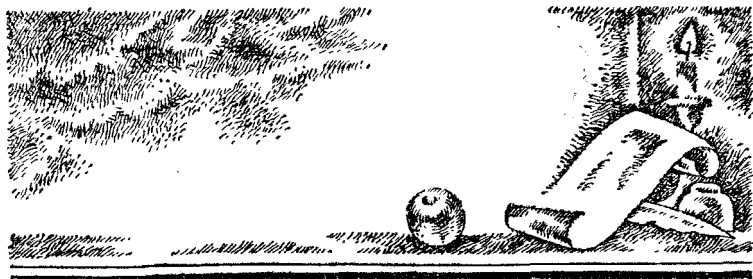
Однако неверно было бы думать, что источники речевой экспрессии только в лексических богатствах родного языка. Вы не задумывались над стилистической ролью русского словообразования? Под пером мастера суффиксы, приставки могут придать самым простым словам особую прелесть. Как щедро рассыпаны ласковые, нежные, уменьшительные, увеличительные слова, например, в сказках Пушкина! Помните, как царица злая хотела погубить ту, что была «всех милее»?

И к царевне наливное,
Молодое, золотое
Прямо яблочко летит...

.....
Подождать она хотела
До обеда, не стерпела,
В руки яблочко взяла,
К алым губкам поднесла,
Потихоньку прокусила
И кусочек проглотила...

*Сказка о мертвой царевне
и о семи богатырях*

Представьте, что в языке не оказалось бы слов с этими выразительными суффиксами, приставками (*яблочко, кусочек, прокуси-*

ла) и поэту пришлось бы вместо них употреблять другие (*яблоко, кусок, откусила*). Все очарование волшебной сказки разрушилось бы. И царевна, «съев кусок» отравленного плода, уже не очнулась бы, потому что против действия такого количества яда оказалась бы бессильной даже всепобеждающая любовь королевича Елисея...

А какими языковыми красками поэт рисует это яблочко!

Оно

Соку спелого полно,
Так свежо и так душисто,
Так румяно-золотисто,
Будто медом налилось!
Видны семечки насквозь...

Обыкновенные слова... Но как живо они изображают предмет! В подобных описаниях, как правило, особое стилистическое значение получают имена — существительные и прилагательные; употребление их придает речи наглядность, образительность. Однако именной характер речи уступает глагольному, если автору необходимо показать черты поведения героя. Помните пушкинскую характеристику Евгения Онегина?

Как рано мог он лицемерить,
Таить надежду, ревновать,
Разуверять, заставить верить,
Казаться мрачным, изнывать,
Являться гордым и послушным,
Внимательным иль равнодушным!
Как томно был он молчалив,
Как пламенно красноречив...

И не посвященный в тайны стилистики читатель заметит обилие глаголов, которые подчеркивают деятельное, активное начало в характере героя в годы его юности. А прилагательные, выполняющие роль сказуемых и этим приближающиеся к функции глаголов, убедительно рисуют умение Онегина перевоплощаться, играть надуманную роль.

Глагольные формы создают речевую экспрессию и в пейзажных зарисовках: «Ветер на море гуляет И кораблик подгоняет; Он бежит себе в волнах На раздутых парусах» (Сказка о царе Салтане...). Глаголы вносят в речь особую энергию, все приходит в движение, картины сменяют одна другую. Но чтобы добиться этого, писатель должен искусно отбирать грамматические формы, учитывая, скажем, что употребление глаголов настоящего времени в значении прошедшего (как в нашем примере) оживит повествование, «приблизит» к нам изображаемую картину. В иных же случаях стилистически оправдано использование совершенного вида, который

подчеркивает завершенность действия, его результативность. Обратимся опять к Пушкину:

Сын на ножки поднялся,
В дно головкой уперся,
Понатужился немножко:
«Как бы здесь на двор окошко
Нам проделать?» — молвил он,
Вышю́ дно и вышел воп.

Сказка о царе Салтане...

Здесь глаголы указывают на последовательность действий, а различные приставки отражают многообразие оттенков их значений. Под пером художника слова все языковые средства приобретают удивительную выразительную силу. В этом отрывке, например, поэт прибегает к звукописи, стремясь усилить образность речи. Проанализируем эти стихотворные строки. В начале отрывка заметно повторение согласного *н* (аллитерация на *н*, как говорят стилисты). Звуковой повтор выделяет слова, передающие напряжение богатырского ребенка: он хочет разломать бочку. Ударные слоги в словах *ножки*, *дно*, *немножко* напоминают междометие, которое произносят при тяжелой работе: *н-н-н-о!*. Особенно выразительно звучит третья строка: в ней только два слова, но они длинные (в следующей строке в этот же размер уместилось шесть коротких слов); употребление многосложного глагола (*понатужился*) словно отражает трудность действия, причем ударное *у*, тоже напоминающее междометие (*у-у-у!*), подчеркивает напряжение. В последней строке выразительна «переключка» созвучий в словах *вышиб*, *вышел*, *вон*. Эти короткие глаголы произносятся особенно энергично, как и междометие *вон*, потому что все они имеют ударение и разделяются паузами. Это помогает нам представить картину быстрых, резких действий.

Конечно, чтобы сохранить все богатство экспрессии пушкинской речи, нужно выразительно читать его стихи. Автор подсказывает интонацию расстановкой знаков препинания. А в звучащей речи следует правильно отражать эти «ноты при чтении», как называл точки и запятые А. П. Чехов. Выразительность устной речи определяется ее интонационным богатством: повышение и понижение голоса, ускорение и замедление темпа речи, паузы, ударения — все это обязательные условия художественного чтения, а не громкий голос, как казалось в детстве...

Итак, источником выразительности речи могут быть различные языковые средства — от самых простых слов до знаков препинания. Однако профессиональное использование стилистических ре-

сурсов языка требует и хорошего знания всех его богатств, и упорного труда.

Изучение рукописей писателей свидетельствует об их неустанной работе над языком. А. П. Чехов так отзывался о своем труде: «Дело в том, что я занят по горло: пишу и зачеркиваю, пишу и зачеркиваю...» (Письмо Е. М. Шавровой, 1897, 1 янв.). Брату он писал: «...я не хочу признавать рассказов без помарок. Надо люто марасть» (Письмо Ал. П. Чехову, 1893, 30 апр.). Очень много работали над своими рукописями Гоголь, Л. Толстой, Гончаров, М. Горький.

Изучая черновики и различные редакции повести Гоголя «Тарас Бульба», можно проследить, как писатель, заменяя слова, добивается точности и выразительности речи. Сравним первоначальные варианты и окончательные: «„Добре!“ — *повторялось* в рядах запорожцев» — «„Добре сказал и кошевой!“ — *отозвалось* в рядах запорожцев»; «*Поднявшийся* ветерок давал знать, что уже немного оставалось времени до рассвета» — «*Сорвавшийся* со степи ветерок давал знать, что уже немного оставалось времени до рассвета»; «И отец с сыном, вместо приветствия после давней отлучки, начали преусердно *колотить друг друга*» — «И отец с сыном, вместо приветствия после давней отлучки, начали *насаживать друг другу тумачи и в бока, и в поясницу, и в грудь, то отступая и оглядываясь, то вновь наступая*».

Как видим, большое внимание автор уделяет изображению действия: он старается найти наиболее выразительные глаголы. И действительно, слово *отозвалось* точнее передает характер действия; *сорвавшийся ветерок*, вместо *поднявшийся*, намного выразительнее и живее; наконец, развернутое описание необычной встречи отца с сыном — обилие экспрессивных глагольных форм, напизывание существительных — однородных членов — наглядно воспроизводит динамическую картину потасовки. Все это создает яркую палитру языковых красок, расцвечивающих художественное описание.

Интересны и примеры авторского редактирования М. Ю. Лермонтова. В «Герое нашего времени» при описании портрета Печорина он заменил в черновике прилагательное: «...его запачканные [первоначально: *грязные*] перчатки казались нарочно сшитыми по его маленькой аристократической руке...» Очевидно, писатель счел неуместным слово *грязные* при изображении своего героя. Зато при описании «водяного общества» Лермонтов употребляет сниженное определение, подчеркивая неприязнь Печорина к светской черни: «Я стоял сзади одной толстой [первоначально: *пышной*] дамы, осененной розовыми перьями...» В другом месте в процессе стилистической правки писатель подбирает более точный синоним-прилагательное в рассуждении своего героя: «...я никогда не делался ра-

бом любимой женщины, напротив: я всегда приобретал над их волей и сердцем непобедимую власть... Или мне просто не удавалось встретить женщину с упорным [первоначально: с упрямым] характером?»

Изучение черновиков Н. А. Некрасова убеждает в том, что он нередко стремился к достижению особой звуковой выразительности речи. Так, он вносит изменения в двустишие из поэмы «Саша»:

Черновой вариант

Начал на лодке кататься с Ульяшей
Да восхищаться природою нашей.

Окончательный вариант

Начал гулять, разговаривать с Сашей
Да над природой подтрунивать нашей...

Добиваясь «звуковой переклички» соседних слов, поэт даже заменил один из глаголов (*восхищаться*) его антонимом (*подтрунивать*). Эти и другие лексические замены позволили добиться желаемого эффекта в звукописи.

Анализ примеров авторского редактирования наших любимых писателей, сравнение различных вариантов в их рукописях, исправлений в черновиках помогает проникнуть в творческую лабораторию выдающихся мастеров художественного слова,

Рисунки В. Леонова

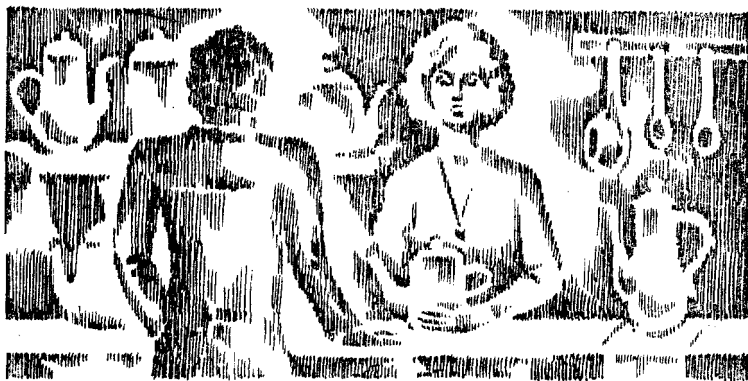
Речевой этикет: ЕСЛИ ВЫ ПОКУПАТЕЛЬ . . .

Л. А. ШКАТОВА,
доцент Челябинского государственного
университета

Все мы — покупатели, и, по подсчетам социологов, каждый из нас проводит в булочных, молочных, универсамах в среднем четыре-пять часов в неделю. Наверное, многие считают, что быть покупателем совсем не сложно. Однако всегда ли общение покупателя с работниками торговли приносит удовлетворение обеим сторонам? Ведь неслучайно во многих магазинах висят таблички: «Покупатель и продавец! Будьте взаимно вежливы!» *Взаимно*. О культуре общения, о речевом этикете часто пишут на страницах нашей прессы. Так, газета «Правда» в статье «С уважением друг к другу» подчеркивала: «У каждого из нас, выросших в социалистическом обществе, есть святое право на уважение окружающих и не менее святая обязанность этих окружающих уважать. И уважение это должно выражаться в нашем обхождении друг с другом не в последнюю очередь. В том же магазине, и в том же трамвае, на работе, на отдыхе» (1985, 14 сент.).

«Многих моих подруг и меня в том числе задевает, когда нас называют не продавцами, а *продащицами* или даже *продавчихами*. А бывает, услышишь за спиной и такое — *торгашки*. Почему же до сих пор бытуют эти унижительные прозвища?» — пишет читательница в редакцию газеты (Правда, 1980, 27 дек.).

Как же обращаться к человеку, профессия которого требует быстро и вежливо вас обслужить? Таким универсальным обращением, не оскорбляющим человеческого достоинства, является *Товарищ продавец!* Оно подходит для любой ситуации торгового общения. Конечно, если и тональность его произнесения соответствует деловой обстановке. Обращение *Девушка!*, которое мы порой слышим в магазинах, едва ли годится для женщины любого возраста, стоящей за прилавком. Уместнее обратиться со словами: *Простите... Извините... Будьте добры... Будьте*

любезны... Скажите, пожалуйста... Не будете ли вы так добры., так любезны... Прошу вас... Подойдите, пожалуйста, сюда... Не скажете ли вы... Не посоветуете ли вы... Я бы хотел посоветоваться с вами... Окажите мне помощь, пожалуйста... Не трудно ли вам помочь мне..?

Труд работника прилавка дает возможность дарить людям радость. Живое общение, прочная репутация «хороший продавец», благодарность покупателей помогают сохранить приветливость и уважительность к каждому приходящему за покупкой. Даже в большом городе многие обычно посещают один и тот же магазин. А уж в небольшом поселке, в селе, где продавец — хорошо знакомая и называемая по имени Катя, Глаша или по имени-отчеству Екатерина Ивановна, Глафира Семеновна, поведение и покупателя, и продавца в магазине у всех на виду. Удобно ли вам общаться с человеком, которому вы нагрубили?

«Что вас интересует?», «Разрешите помочь вам в выборе товара», «Что вам показать?», «Посмотрите, пожалуйста, и эту новинку» — с такими словами обращаются к покупателю хорошие продавцы. А встречаются и такие: «Девушки переговаривались громко, точно, кроме них, никого не было во всем Универмаге. Молодой человек с портфелем что-то шептал, растерянно уставив близорукие глаза в квадратики ценников. Наконец он набрался храбрости и что-то спросил.

— Господи, ну что вы никак не уйдете?! — бросила Татьяна, — Под самое закрытие прутся.

— Еще десять минут, — попытался защищаться молодой человек. — Я слышал, объявляли.

— Это когда объявляли! Десять минут, как вы здесь толчетесь. — Татьяна повысила голос: — Чего надо-то?» (Штемлер. Универмаг).

Подобные сцены мы наблюдаем и в жизни. Но смотрим-то мы и судим только с одной стороны — покупательской. А послушать другую сторону... Вот мнение продавца: «Мой покупатель, вполне возможно, и не грубый человек, но со мной... Вот он подходит к прилавку и предельно категорически изрекает: — А ну-ка, покажи... А ведь как просто сказать: будьте добры, мне подставку красного цвета. И тебе легко и просто обслужить такого покупателя» (Неделя, 1982, 19—25 июля).

Как же должен вести себя покупатель в магазине? Часто спрашивают, надо ли здороваться с продавцом? На этот счет существуют разные мнения. Одни считают, что не следует, а вот публицист И. Васильев пишет: «Захожу в магазин, говорю продавщице: — Здравствуйте! — Продавщица глядит на меня: кто, мол, такой. Не признала — не ответила. Не понимает, почему она должна желать здоровья незнакомому человеку. В кассе вокзала, кинотеатра, в ателье, в столовой, в конторе — везде, куда заводит нас необходимость, должна бы жить эта первая и простейшая форма доброжелательности» (Сов. Россия, 1982, 12 сент.). Думается, можно поддержать это мнение. Конечно, применительно к обстоятельствам. Например, в сельском магазине человек, не приветствующий продавца, вызовет недоумение, так как в селе, небольшом поселке все жители знакомы друг с другом. А в городе, где общение очень интенсивно, приветствовать можно работника торговли, который обслуживает вас регулярно и узнает при встрече. Есть и такое общее правило, которое, казалось бы, знают все: за помощь, совет надо благодарить. А часто ли мы слышим слова признательности в магазине: *Благодарю вас, Спасибо, Большое вам спасибо, Искренне вам признателен, Как вы меня выручили, Душевно вам благодарен!, Мне нравится бывать в вашем магазине..., Вы так быстро и умело работаете..., Не помню, чтобы мне так красиво завернули подарок, как вы...*

Этика поведения покупателя включает необходимость правильно оформить свою просьбу. Однако часто бывает

так: «Приезжий всегда точно знает, что ему нужно. Он ищет конкретный товар — скажем, вафельницу, или консервооткрыватель, или щипцы для орехов... Причем даже точно зная, какой товар ему нужен, он довольно часто не может точно его назвать. Машинка для консервирования в его устах превращается в *закругку*, или в *закривалку*, или даже в *закривашку*. Бытовой пресс он запросто переименовывает в *чеснокодавку*. Все эти торговлексические тонкости приходится знать. Ну, а когда словарь исчерпан, мы обоюдно переходим на язык жестов. В конце концов выясняем, что покупателю нужна яйцерезка...» (Неделя, 1982, 19—25 июля). Излишне говорливый покупатель отвлекает от дела. Лучше фраза: «Сухари. Любительские. Двести», чем изысканное и сверхвежливое: «Девушка, милая, будьте так любезны, скажите, пожалуйста, а любительские сухари свежие?» Или: вы подаете чек и банку для сметаны в молочном отделе. Все ясно без слов. Берегите свое и чужое время!

Если продавец занят с другим покупателем, надо подождать. Покупателю следует также уважительно и тактично относиться ко всем посетителям. «Кто крайний?» — спрашивает пожилая женщина. — «Только некультурные спрашивают *кто крайний?*» — с апломбом парирует девушка. Положим, она права, по нормам литературного языка, следует: *кто последний?* Но тактичнее было бы сказать, не привлекая внимания: «Я последняя». Помню, как продавец на вопрос «Что дают у вас?», спокойно ответила: «Мы продаем кофе. Растворимый». Или еще диалог: «Цепочек у вас нет?» — «Цепочки будут в следующем месяце». И все. Никаких замечаний, никаких обидных слов.

Вы собираетесь в магазин? Удачной вам покупки и хорошего настроения! Вспомните одно мудрое восточное изречение: «Человек, не имеющий улыбки на лице, не должен посещать магазин».

Рисунок В. Леонова

АКТ

на что-либо, чего-либо,
о чем-либо, по чему-либо

Е. М. ЛАЗУТКИНА,
кандидат филологических наук

В справочную телефонную службу Института русского языка АН СССР поступают вопросы о том, как правильно употреблять сочетания со словом *акт* в значении «документ, удостоверяющий что-нибудь».

Современная художественная, техническая, юридическая литература, инструкции по делопроизводству свидетельствуют, что все надежные формы, зависящие от слова *акт*, раскрывают его содержание и означают результат события, действия, факта, предшествующего составлению документа (акта). При этом важно, что именно обозначается зависимыми словами — выполнение какой-либо работы или событие, факт, подлежащие засвидетельствованию.

Так, существительные со значением целенаправленного действия (*испытания, работа, приемка, выдача* и т. п.) употребляются при слове *акт* чаще с предлогом *на*: «После окончания предпусковых испытаний... составляют акт на предпусковые испытания и регулировку вентиляционных систем...», «После испытаний составляют приемно-сдаточный акт на выполненные работы...» (кн. Монтаж систем вентиляции и кондиционирования воздуха); «При наличии явной опасности инженер закрывает объект... и составляет акт на закрытие объекта...» (Дружинин. Инженер по технике безопасности в строительстве); «...все акты на приемку в эксплуатацию электрических устройств ...оформляются до начала горячего опробования», «Акты на скрытые работы» (Справочник по организации и механизации электромонтажных работ).

Вместо отвлеченных существительных в винительном падеже с предлогом *на* могут употребляться конкретные, вещественные и одушевленные: «При малейшем нарушении техники безопасности инженер тут же вмешивался, временно приостанавливал работу и в присутствии мастера составлял акт на нарушителей для привлечения их к дисциплинарной ответственности» (Дружинин. Инженер по технике безопасности в строительстве). Предложения с такими существительными во вторичных значениях, а именно — в значении события, факта, можно переделать в сложные, с при-

даточными изъяснительными: *акт на нарушителей — акт на то (о том), что сделали нарушители.*

Обширный материал показывает, что словосочетания с *на* равнозначны сочетаниям с родительным беспредложным и в тексте взаимозаменяемы (те и другие обозначают совершенное действие): «Акт сдачи электромонтажных работ» (Справочник по организации и механизации электромонтажных работ); «в акте сдачи объекта следовало бы отражать все изменения — повышение или снижение стоимости строительства» (Валовой, Поиск) — *Акт на сдачу..*; «...акт обследования семьи солдата» (Красная звезда, 1984, 21 дек.).

Напротив, в словосочетаниях со словом *акт*, обозначающих результат произвольных действий, случайные события, употребляется предлог *о (об)*: «Налицо было грубое нарушение элементарного правила, и эти рваные, замасленные рукавицы вообще-то правильно фигурировали в акте о несчастном случае» (Чивилихин. Над уровнем моря); «Подобные акты о засорении воздушного бассейна Рудаев уже не раз держал в руках и особого значения им не придавал» (Попов. Обретешь в бою); «Крейсер „Миссури“. Здесь был подписан акт о капитуляции Японии» (Кассис, Колосов. Из тайников секретных служб); «В середине ноября Александру Ульяновичу опять прислали акт о технической исправности электрофона...» (Московский комсомолец, 1984, 21 дек.). А вот употребление в данной предложной форме вещественного имени существительного *сено* в значении события: «Митька еще в деревне отказался подписать акт об увезенном сене, но, когда ему вручили повестку явиться в милицию, задумался» (Белов. Привычное дело).

Синонимом к словосочетаниям с предлогом *о(об)* может быть дательный с *по*: «Нельзя писать в акте по несчастному случаю, происшедшему, например, из-за неисправного состояния электролобедки, что ответственными лицами являются главный механик и производитель работ» (Дружинин. Инженер по технике безопасности в строительстве) — *в акте о несчастном случае..*

Таким образом, построение предложений со словом *акт* зависит от содержания факта: если документ удостоверяет совершение активного действия, то употребляется винительный с предлогом *на* или родительный беспредложный: *акт на выполненные работы, акт сдачи работ*; если документ констатирует положение дел или событие, то в основном используются сочетания с предлогом *о (об)*, редко — с *по*: *акт о засорении бассейна.*

В последние десятилетия отмечается активный процесс образования наименований товаров так называемой «этикеточной лексики». С появлением новых предметов народного потребления растет количество товарных знаков. Как возникают наименования товаров? Какие из них можно считать удачными, а какие неприемлемыми? — эти вопросы интересуют читателей.

Как назвать изделие?

Н. Н. ВОЛКОВА

Специальные обозначения предметов, необходимых человеку, возникли в глубокой древности. Имена людей, высеченные на камне и указывающие на автора изделия, встречаются примерно с 4000 года до н. э. В рабовладельческую эпоху имя владельца ставили на товар, производимый для обмена. Таким образом, антропоним (собственное имя человека) — наиболее древняя форма словесного товарного знака. С развитием капитализма такими знаками отмечаются в первую очередь те товары, производство которых растет наиболее интенсивно: суконные, полотняные, оружейные, часовые, стеклянные. В качестве торговых наименований широко использовались фамилии владельцев предприятий: «Зингер», «Форд», «Шевроле». И только с обострением конкуренции в начале XIX века для этого стали употребляться имена великих людей, мифических и сказочных героев, названия драгоценных камней.

Специальный закон, принятый в России в 1896 году, запрещал словесные товарные знаки. Вместе с тем на территории Российской империи регистрировались знаки зарубежных фирм. Это обстоятельство не могло не повлиять на содержание торговых наименований в России. Большая часть из них представляла собой иноязычные слова, записанные латинским шрифтом или буквами русского алфавита: «Aladin» — лампа, «Lux» — велосипед, «де Лис Елизабет» — туалетная вода; «Пастер», «Шамберланд» — фильтры. Русских фамилий в торговых наименованиях этого времени нет.

Несмотря на то, что словесные наименования товаров отечественных производителей не регистрировались, то есть были неохраноспособны, продолжало расти число именно этих наименований. Несомненно, производители товаров осознали рекламное преимущество знаков такого рода. Конкуренция с иностранцами заставляла русских предпринимателей выбирать для наименований своих товаров слова и сочетания слов звучные, «эффектные», вызываю-

щие положительные эмоции и привлекающие внимание к рекламируемому товару. Вот некоторые наименования отечественных товаров конца XIX — начала XX века: «Дива», «Юнона» — мыло; «Царская роза» — чай; «Империял» — конфеты; «Монарх» — граммофон; «Прожектор» — электрический фонарь; «Симфония», «Фортуна» — музыкальные шкатулки.

В ряде случаев наименования для предметов торговли отражали определенные признаки товара: состав — «Огуречный» (крем), «Земляничное» (мыло); размеры — «Карлик» (папиросы), «Гигант» (пластинка); отличительное качество — «Безопасность» (бритва), «Удобство» (швейная машина); назначение — «Отдых» (раскладная кровать). Появление броских, выразительных наименований способствовало совершенствованию рекламы в целом. Так, еще в начале XIX века рекламные тексты отличались многословием, неконкретностью, обилием сведений, не интересных покупателю.

В первые годы Советской власти товарные знаки в нашей стране были сугубо справочного характера: они содержали название предприятия и изображение герба Республики. Декрет Совета Народных Комиссаров «О товарных знаках» от 10 ноября 1922 года рекомендовал использовать для товарных знаков не только рисунки, но и оригинальные слова, сочетания слов.

В то время в магазинах можно было купить конфеты «Стрелы амура», туалетное мыло «Букет моей бабушки», выпить воды с сиропом под названием «Свежее сено». Вспоминая об этом времени, И. Ильф и Е. Петров в «Золотом тельняшке» писали: «И пока в большом мире идет яростная дискуссия об оформлении нового быта, в маленьком мире уже все готово: есть галстук „Мечта ударника“, толстовка-гладковка, гипсовая статуэтка „Купающаяся колхозница“ и дамские пробковые подмышники „Любовь пчел трудовых“». Делаются попытки использовать в наименованиях товаров имена известных государственных деятелей, актеров, очевидно, с целью «осовременить» товары, причем самого разного назначения. В. В. Маяковский, огромное внимание уделявший вопросам совершенствования отечественной рекламы, не раз выступал с критикой подобных попыток, считая их проявлением мещанства и дурного вкуса:

«Крем Коллонтай
Молодыт и холит».
«Гребенки Мейерхольд».
«Мочала
а-ля Качалов».
«Гигиенические подтяжки
имени Семашки».

• • • • •

Я солдат
 в шеренге миллиардной.
 Но и я
 взываю к вам
 от всех великих:
 — Милые,
 не обращайтесь с нами фамильярно!
 Ужасающая фамильярность

В годы первых пятилеток — период индустриализации страны — возникают названия для таких видов отечественных товаров, как радиоприемники, мотоциклы, некоторые виды электротоваров. Наряду с традиционными («Майский ландыш» — духи, «Березовый» и «Метаморфоза» — крем) используются новые наименования: «Красноармейская звезда» — карамель, «Красный авиатор» — печенье, «Наша марка» — какао, «Рекорд» — радиоприемник, «Ледокол» — ирис.

В конце 60-х — начале 70-х годов появились названия для различных классов товаров, в том числе и для тех, которые традиционно товарных знаков не имели, а рекламировались описательно. Это галантерейные, трикотажные и швейные изделия, посуда, спортивные и туристские предметы, многие разновидности электробытовых товаров: «Жокей» — пояс-ремень; «Альфа» — набор посуды; «Березка» — прибор для воды; «Рампа» — бинокль; «Барракуда» — ласты; «Волна» — маска для плавания; «Росинка», «Жемчужинка», «Дробинка» — блесны; «Аленушка», «Чебурашка» — трикотажные костюмы.

Сравним, к примеру, названия мебели. Так, в 1962 году из двадцати мебельных гарнитуров, рекламируемых журналом «Новые товары», только один имел словесный товарный знак — комплект «Москва» (Московская мебельная фабрика), остальные представлялись с указанием комбината, выпустившего их, и отдельных сведений о содержании комплекта. В 70-е годы появились «Гуцулка», «Смеричка», «Галичанка», «Вишничанка», «Аурика» и многие другие.

Еще пример. К 1976 году насчитывалось около 660 названий шелковых тканей: «Ласточка», «Нелия», «Арфа», «Юлиана», «Валентина», «Марийка», «Синичка», «Лесная песня» и др. По сравнению с началом 60-х годов, их количество возросло в десять раз.

Нормативные документы 70-х годов рекомендуют тщательно подбирать наименования товаров. Так, в проекте терминологической рекомендации (см.: Товарные знаки. М., 1970) указывается, в частности, на недопустимость использования аббревиатур, если они не воспринимаются как слова. Для товарных знаков могут

служить и слова национального языка, и произвольные комбинации букв, имеющие облик слова.

Среди новых наименований, ежегодно появляющихся в нашей стране, есть и небольшая доля искусственных слов. Так названы предметы фармацевтической промышленности: «Спазмонал», «Пантокрин», «Плазмол»; химической промышленности: «Акнол», «Сиптол», «Капронил»; парфюмерии: «Ромалин», «Себорин». В подавляющем же большинстве для торговых наименований активно используется лексика русского и других национальных языков. Для минеральных вод наряду с русскими («Белая горка», «Приморская», «Московская», «Ласточка») использованы и также слова, как «Джермук», «Арзни» (арм.); «Фирюза», «Арчман» (туркм.); «Боржоми», «Дзау-Суар» (груз.); «Витаутас» (литов.); «Исти-СУ» (азерб.); «Поляна Квасова» (укр.).

Выбор слов, используемых для товарных знаков, во многом зависит от традиции, моды, национальных и социальных черт общества. Традиционными для парфюмерной промышленности являются названия цветов: духи «Нарцисс», пудра «Ландыш», одеколон «Сирень». Для некоторых товаров используются топонимы: «Красногорск» — кинокамера, «Киев» — фотоаппарат, «Саратов» — холодильник. Игрушки для детей называют словами с уменьшительными суффиксами: «Козлик», «Страусенок», «Черешенка», «Уточка», «Звездочка».

В немалой степени товарные знаки подвержены влиянию моды. А. В. Суперанская в книге «Общая теория имени собственного» (М., 1973) отмечает: «С наибольшей скоростью распространяется мода на товарные знаки и фирменные названия. Так, например, после войны таким модным словом для названия всех типов у нас сделалось „Победа“ — название автомашины, часов и т. д. После запуска первого искусственного спутника земли — „Спутник“ — мыло, бритва и т. д. С началом космической эры модными стали: «Космос» — радиоприемник, «Межпланетный» — одеколон, «К звездам» — одеколон и др. В 1980 году впервые в нашей стране проходили Олимпийские игры, и появились наименования: «Олимпийская» — ваза, «Олимпиада» — костюм, «Москва-олимпийская» — духи.

В 70-х годах многие товары стали называть женскими именами: «Наташа» — духи, «Аленушка» — мыло, «Марина» — ткань. Если в прошлом веке и начале нынешнего антропоним указывал на владельца предприятия или фирмы, то для большинства современных товаров выбираются приятные, благозвучные имена.

При создании товарных знаков следует учитывать не только вид товара, но и рисунок на его упаковке. Следует согласиться с

автором заметки «Пингвины в Арктике и шампунь „Мцыри“», помещенной в «Литературной газете» (1984, 10 окт.), который совершенно справедливо недоумевает по поводу названий конфет «Арктика» (на их обертке изображены пингвины: они, как известно, водятся в Антарктиде), и «Каракум» (на обертке нарисованы пальмы, а в пустыне Каракум пальмы не растут). Особенно осторожно следует использовать имена известных персонажей литературных произведений. Автор названной заметки также прав, не видя логики и соображений эстетики в названиях конфет «Тарас Бульба», шампуня «Мцыри» и т. п.

Однако не каждое наименование должно обязательно отражать какие-то признаки товара (торт «Шоколадный», содержащий шоколад) или вызывать конкретные ассоциации, связанные с признаками товара (напиток «Рубин» — ассоциация по цвету, духи «Сирень» — по запаху). Большинство наименований — символы, не связанные с признаками товара. Удачным можно считать такое название, которое не вызывает отрицательных эмоций, не нарушает общего впечатления о предмете, не вводит в заблуждение относительно свойств товара. Исходя из этих условий, авторы товарного знака «Мгновение» (конфеты) писали в ответ на критику: «Коллектив фабрики считает, что это название достаточно красиво, не менее красиво, чем такие названия конфет, как „Мечта“, „Лира“, „Муза“, шоколад „Вдохновение...“ И с чувством юмора объяснили мотивы выбора названия: «Кондитеры, создавая новый сорт конфет „Мгновение“, учли главное: хороший вкус, в результате чего большая по размеру конфета быстро исчезает во рту — за „мгновение“» (Лит. газета, 1982, 1 дек.).

Таким образом, состав торговых наименований, их социальная и идеологическая нагрузка «во многом определяются социальными, историческими, экономическими и другими факторами, которые, вмешиваясь в чисто языковые процессы ономастики.., могут ускорять или затормаживать их» (Суперанская А. В. Общая теория имени собственного).

Процесс наименований товаров в нашей стране имеет организованный характер: рекомендации дают специальные комиссии; эти вопросы обсуждаются в периодической печати, научной литературе.

Воспитывать вкусы людей, развивать их потребности и тем самым активно формировать запросы — таковы основные задачи советской рекламы. Эти задачи обуславливают ее основные черты: идейность, правдивость, конкретность, целенаправленность, а кроме того, высокий эстетический уровень.

Донецк

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Слово *ракурс* должно произноситься с ударением на последнем слоге. Так всегда рекомендовали словари. Но в последних изданиях некоторые словари приводят двойное ударение — *ра́курс* на первом слоге или дают это слово с ударением на последнем слоге. Правильно ли это?»

Р. З. Малишевский, Гомель

Ракурс — это положение изображаемого предмета в перспективе с резким укорочением удаленных от переднего плана частей. Восходит оно к французскому *raccourcir* — укорачивать.

Как же надо произносить это слово?

«Орфоэпический словарь русского языка», вышедший из печати в 1983 году, приводит слово *ракурс* с ударением на первом слоге и как вариант его — с ударением на втором. Изменение ударения, зафиксированное в словаре, стало возможным благодаря тому, что это иноязычное слово уже освоено русским языком и в общественной практике широко употребляется с ударением на первом слоге.

«Мне хотелось бы узнать о происхождении слова *курага*».

Т. З. Листопадова, Тула

Существительное *курага* (сушеные абрикосы) заимствовано в XVIII веке из узбекского языка. Узбекское *курага* — сушеный — является производным от *куру* — сохнуть.

Лосевод. В нашей стране стали появляться лосиные фермы. Лиц, которые работают с лосями, ухаживают за ними, получают от них молоко, стали называть *лосеводами*. Приведем примеры употребления нового слова: «Знаю сумароковскую ферму со дня ее основания, дружу с лосеводами, не раз приходилось вступаться за них, когда решался вопрос, быть ферме или не быть... Рядом с Полиной Николаевной работают ее способные ученицы Марина Каргина и Наташа Казанцева. Свой богатый опыт она передавала молодым лосеводам ферм в Горьковской области, Башкирской АССР» (Правда, 1985, 23 авг.).

Название *лосевод* образовано по очертанию продуктивной модели, по которой образуются сложные имена существительные — названия лиц по профессиональному занятию, связанному с разведением кого-либо или чего-нибудь. Новое обозначение встало в один словообразовательный ряд с такими наименованиями лиц по профессии, как *оленьевод*, *коновод*, *овцевод*, *ры-*

бовод, *собаковод*, *кроликовод*, *мараловод*, *пчеловод*, *животновод*, *скотовод* и под.

Бутобой. Это слово появилось как наименование нового механизма, предназначенного для работы со строительным камнем (для разбивания, размельчения бута). Вот как представляет это название «Наука и жизнь»: «Что такое бутобой? Бутобой — это новая машина, которая со временем придет на горнорудные карьеры. А пока испытываются два самых первых ее образца, созданных учеными Карагандинского политехнического и Днепропетровского горного институтов совместно со специалистами Северного горно-обогатительного комбината. Агрегат предназначен для размельчения так называемых негабаритов горных пород и руд. Эти огромные, многотонные глыбы остаются в карьерах после взрывов, и их не погрузить ни в кузов автомобиля, ни в железнодорожный вагон. Одна из модификаций самоходных бутобоев представляет собой экскаватор ЭО—3222А, на стрелу которого вместо ковша навешен гид-

ромолёт. В качестве базовой машины второго буюбоя использован бульдозер-рыхлитель» (1985, № 9).

Бутобой — сложное существительное, образованное от исконных основ: *бут-* (название строительного камня) и *-бой* (от глагола *бить*). Большая часть сложных слов со второй частью *-бой* — названия лиц или орудий, технических приспособлений; первая основа их, как правило, обозначает, на кого или

на что направлено само действие (*-бой*): *волкобой*, *свинобой*, *китобой*, *воскобой*, *шишкобой*, *маслобой*. Среди слов данной морфологической структуры есть слова и с иным соотношением основ: *зверобой* (название растения). Модель образования сложных имен существительных со второй частью *-бой* высокопродуктивна в различных сферах современной речи.

Г. И. Миськевич,
кандидат филологических наук

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Что означает слово *ланка*?»

Р. Н. Карпенко, Псков

Ланка — это самка оленя, лося и некоторых других крупных парнокопытных млекопитающих. Слово образовано при помощи суффикса *-к-* от *лань* — самка оленя. Старославянское *лань* восходит к общеславянскому **olpъ*.

«В нашей области есть районные центры *Базарный Карабулак* и *Александров Гай*. Как правильно писать названия районов от этих наименований? В местных газетах встречается двойное написание: *Базарно-Карабулакский* и *Базарнокарабулакский*».

В. Азеф, Саратов

Словарь географических названий СССР (М., 1983) дает следующее написание этих районов: *Базарно-Карабулакский* и *Александрово-Гайский*. В русском языке существует правило: сложные имена прилагательные, образованные от существительных, пишущихся через дефис, например от названий населенных пунктов, следует писать также через дефис (см. «Правила русской орфографии и пунктуации». М., 1956).

Л. П. Калакуцкая
**СКЛОНЕНИЕ ФАМИЛИЙ И ЛИЧНЫХ ИМЕН
 В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ**

Эта книга вышла в издательстве «Наука» в 1984 году. В ней рассказывается об особенностях склонения личных имен и фамилий в русском литературном языке. Автору удалось представить наиболее полную картину их современного состояния и проследить происшедшие изменения более чем за сто лет.

На большом иллюстративном материале Л. П. Калакуцкая проанализировала различные морфологические типы русских, а также иностранных антропонимов, наиболее часто встречающихся в русском языке. Так, автор показала изменения в склонении русских имен и фамилий, оканчивающихся на *-о*, *-е*, *-а*, а также грузинских и японских на *-а*.

Сложности встречаются и в самой распространенной группе фамилий, оканчивающихся на *-ов*, *-ин*. Если эти фамилии — русского происхождения, то в творительном падеже, например, они имеют окончание *-ым*: *Иванов — с Ивановым*, *Шульгин — с Шульгиным*, а иностранного происхождения — *-ом*: *Чарльз Чаплин — с Чарльзом Чаплином*; *Рудольф Вирхов — с Рудольфом Вирховом*...

В книге можно прочитать

и о вариантах склонения польских и чешских фамилий. Автор рекомендует оформлять фамилии на *-ский*, *-цкий* и *-ый*, *-ий* по образцу склонения соответствующих русских фамилий как для мужской, так и для женской формы. Что касается фамилий на *-ек*, *-ец*, *-ок*, то их следует «склонять без выпадения гласного в косвенных падежах (что, кстати, соответствует языковой практике)».

Завершают книгу практические рекомендации, которые будут полезны широкому кругу читателей. Например, не следует склонять мужские и женские фамилии и личные имена, оканчивающиеся на *-о*, *-е*, *-э*, *-и*, *-ы*, *-у*, *-ю* (ударные или безударные), а также на *-а* с предшествующей гласной: драма *Гюго*, работы *Шило* и *Ремесло*, картины *Веронезе*, вместе с *Жаном Марэ*; труды *Индиры Ганди*; изречения *Лао-Цзы*; разговор с *Димитреску*; романы *Андре Моруа*.

Все мужские и женские фамилии, а также личные имена, оканчивающиеся на *-а* (*-я*) неударные, независимо от их языковой принадлежности нужно склонять: музыка к кинофильму *Евгения Доги*; участие в конкурсе *Марины Санаи*; извест-

ные фильмы *Георгия Данелии*; корреспондент встретился с *Де Сикой*; дочери *Генри Фонды*; *Джейн Фонде* удалось выразить что-то очень важное; работал с *Курасовой*. Что же касается французских фамилий, автор книги дает рекомендацию их не склонять, если они оканчиваются на -а ударное: Опера *Томá*; встретился с *Моник Лерá*; фильмы *Де Брокá..*, в фильме *Клода Отан-Ларá*; в исполнении французской эстрадной певицы *Барбарá* и т. п.

В отличие от мужских фамилий, оканчивающихся на мягкий и твердый согласный (и на -й), женские фамилии не склоняются: письма *Любови Дмитриевны Блок*; в журнале появился очерк *Нины Федоровны Рыжих*; обратился к *Анне Алексеевне Черных*. «Эта трагическая роль прекрасно сыграна *Ужвий*; партия исполнена молодой актрисой *Амарфий*; встретился с *Кейт Лефрой*... Левин направился к *графине Боль*; произведения *мадам де Сталь*.., постоянно думал о *Жизель*...»

Очень часто возникает вопрос о склонении женских личных имен *Любовь, Руфь, Рашель* и подобных. Их нужно склонять по типу третьего склонения (*соль — соли, с солью*): «...у *Руфи*... вместе с *Рашелью*; Горький в *Рашели* хотел выразить...»

Имена типа *Манон, Жульетт, Эдит, Катрин* не склоняются, потому что «мужской морфологический род этих фамилий и имен вступает в противоречие с реальным женским полом их носительниц».

Автором книги даны рекомендации о склонении мужских фамилий восточнославянского происхождения, имеющих белую гласную при склонении. Они могут склоняться двояким образом — с потерей и без потери гласной:

Заяц — Заяца — Заяцем и Заяца — Заяцем; Заец — Заец — Заецем и Заяца, Заяцем; Журавель — Журавеля, Журавелем и Журавля — Журавлем; Судец — Судеца — Судецем и Судца — Судцом; Грицевец — Грицевца — Грицевецем и Грицевца, Грицевцом; Мазурок — Мазурока — Мазуроком и Мазурка — Мазурком. Что же касается имен и фамилий западнославянского и западноевропейского происхождения, то склонять их следует без выпадения гласной: *Улица Гашека*; романы *Карела Чапека*; в исполнении *Карела Готта*.

О многих других тонкостях в склонении личных имен и фамилий мужских и женских можно узнать, прочитав книгу Л. П. Калакуцкой.

Т. С. Колмакова

А. И. Федоров ОБРАЗНАЯ РЕЧЬ

«...Каким бы талантливым ни был пересказ художественного произведения, он не может сохранить всей совокупности средств, использованных автором и воздействующих на воображение читателя...»

Пересказать художественное произведение, сохранив силу его воздействия, не может не только читатель, но и автор». С такими, на первый взгляд, «странными» утверждениями мы встречаемся в самом начале книги А. И. Федорова «Образная речь», выпущенной Сибирским отделением издательства «Наука» (Новосибирск, 1985) в серии «Литературоведение и языкознание».

Ученый убедительно показывает, как выдающиеся писатели упорно, филигранно работают в поисках точного, выразительного образного слова, в котором — суть искусства. В качестве примера приведены три варианта фразы из повести Пушкина «Дубровский»: 1) Члены [суда] встретили его [Троекурова] с изъявлениями глубокого уважения; 2) Члены [суда] встретили его [Троекурова] с изъявлениями глубокой преданности; 3) Члены [суда] встретили его [Троекурова] с изъявлениями глубокого подобострастия.

«Замена последнего слова в этом предложении, — пишет А. И. Федоров, — обусловлена по-

исками автором [Пушкиным] наиболее точной характеристики отношения членов суда к богатому и самовластному помещику-самодуру. Слово *уважение* „почтительное отношение, обусловленное признанием чьих-либо достоинств“, употребленное в первом варианте, противоречило замыслу автора — Троекурова уважать не за что. Слово *преданность* „проявление любви и верности“ также оказалось неуместным: любить Троекурова и быть верными ему судьи не могли. Слово *подобострастие* „раболепие, угодничество, льстивость“ наиболее точно характеризовало отношение членов суда к Троекурову. В тексте подлинно художественного произведения все продумано автором...»

Не менее яркий факт привлечен из «практики» другого корифея русской прозы — Лермонтова.

«В первоначальной редакции романа „Герой нашего времени“ эполеты на мундире влюбленного Грушницкого, только что произведенного в офицеры, сравниваются с котлетами: „...эполеты непомоверной величины подобились двум котлетам“. В окончательной редакции употреблено другое сравнение: „За полчаса до бала явился ко мне Грушницкий в полном сиянии армейского пехотного мундира. К третьей пуговице пристегнута была бронзовая ценоч-

ка, на которой висел двойной лорнет; эпюлеты невероятной величины были загнуты кверху, *в виде крылышек амура*; сапоги его скрипели; в левой руке держал он коричневые лайковые перчатки и фуражку, а правую взбивал ежеминутно в мелкие кудри завитой хохол...»

А. И. Федоров тонко замечает: «Нет сомнения, что сравнение, употребленное Лермонтовым в первоначальной редакции, точнее отражает сходство двух предметов. Но оно никак не ассоциируется с описанием состояния влюбленного Грушницкого. В окончательной редакции сравнение дополняет ироническое описание состояния влюбленного Грушницкого указанием на сходство эпюлет с крылышками амура».

Подобных наблюдений в книге немало, и они почерпнуты не только из прозы, но из стихотворных жанров. Берутся строки Жуковского, Крылова, Некрасова, Минаева, Есенина, Евтушенко, Рубцова и других замечательных русских и советских поэтов, умеющих одним-двумя словами дать яркое представление о «предмете».

Автор помогает постигнуть, казалось бы, такие простые и понятные строки С. Есенина, как *страна березового ситца*; смысл слов в пушкинских текстах: «Но между тем какой *позор* Являет Киев осажденный?» (Руслан и Людмила), «Везде

Невежества убийственный *позор*» (Деревня) или «Законов гибельный *позор* Невольи немощные слезы...» (Вольность); прекрасовский призыв: «Добрый папаша! К чему *в обаянии* Умного Ваню держать?» (Железная дорога) и т. д.

А. И. Федоров утверждает: «У талантливых писателей и поэтов метафора всегда оригинальна, на что обратил внимание еще древнегреческий философ Аристотель: „Всего важнее — быть искусным в метафорах, только этого нельзя перенять у другого; это признак таланта“». Автор указывает на «скрытые метафоры», которые содержатся в названиях многих произведений: элегия «Осень» Баратынского, романы «Дым», «Новь» Тургенева, «Обрыв» Гончарова и др.

А. И. Федоров в своей книге опирается на солидную научную библиографическую базу. Здесь и труды классиков филологии, и литературные материалы, и работы крупных лингвистов современности, в частности Ф. П. Филина, Б. А. Ларина, С. П. Обнорского, С. Г. Бархударова.

Книга «Образная речь» вызовет несомненный интерес у всех любителей русского слова. Она принесет большую пользу учителям-словесникам, студентам-филологам, молодым писателям, журналистам.

С. В. Шиповский

Русский язык в Республике Филиппины

В. А. МАКАРЕНКО,
кандидат филологических наук

Первое знакомство россиян с далекими и таинственными тогда Филиппинскими островами, названными Магелланом Островами Св. Лазаря, произошло между 1525 и 1530 годами, как свидетельствует переведенное на русский язык слатинского письмо секретаря испанского короля Максимилиана Трансильвана епископу Зальцбургскому. Оно содержит рассказ одного из участников первого кругосветного путешествия. Предполагается, что перевод этот выполнил Дмитрий Герасимов, посол Великого князя Московского Василия III при дворе папы римского. Исполненный русским полууставом текст и поныне хранится в отделе рукописей Государственной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Со времени Петра I в России неоднократно разрабатывались проекты достижения морским путем Тихого океана и стран Южной и Юго-Восточной Азии для установления торговых сношений. Государственный деятель и писатель Н. П. Резанов (1764—1807), инициатор и руководитель первой русской кругосветной экспедиции, в 1806 году добивался разрешения Испании на заход русских судов в Манильский порт. В 1820 году в столице колониальных Филиппин находилось Российское генеральное консульство. Первый консул, коллежский советник Петр Добель, преподнес Н. П. Румянцеву, основателю первой национальной библиотеки, рукопись составленного им словаря одного из наиболее распространенных филиппинских языков — тагальского (она пока не обнаружена). В его книге, опубликованной в 1833 году в Санкт-Петербурге в типографии Н. Греча, — «Путешествия и новейшие наблюдения в Китае, Манилле и Индо-Китайском архипелаге» — впервые на русском языке приводится достаточно подробное описание этой страны и ее народа. П. В. Добель писал, в частности, об «истинной ценности» колонии Филиппинских островов, указывая, что «испанское суеврие, беспечность и изуверство, обратили выгоды испан-

ского двора, получаемые от сих драгоценнейших островов, почти в ничтожество». О филиппинцах он говорил, что они «весьма добры и из всех азиатских народов самые веселые. Они любят музыку и искусно играют на гитаре, на скрипке и на фортепиано и вообще весьма понятливы».

Немало интересного рассказали о Филиппинах и филиппинцах в своих записках такие русские мореплаватели и путешественники, как В. М. Головин, О. Е. Коцебу, Ф. П. Литке, К. Н. Посьет, писатель И. А. Гончаров во «Фрегате „Паллада“», Н. Н. Миклухо-Маклай и другие. С жизнью на Филиппинских островах знакомили своих читателей и некоторые русские журналы XIX века. Духовная культура первооселенцев Филиппинского архипелага привлекла внимание Г. В. Плеханова, рассматривавшего ее черты в связи с изложением своих взглядов на происхождение и эволюцию искусства. С. К. Булич в конце XIX— начале XX века написал ряд статей о филиппинских языках, в том числе о тагальском, для «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона. Следует отметить, что впервые в России данные о ряде филиппинских языков появились в знаменитых «Словарях всех языков и наречий...» (1788—1789) П. С. Палласа.

Русский народ всегда с глубокой симпатией относился к свободолюбивому народу Филиппин, сочувствуя его национально-освободительной борьбе. В защиту филиппинцев на рубеже столетий выступил великий русский писатель Лев Толстой, о чем сообщают тагальские источники. В. И. Ленин в своих работах «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Что понимают под „позором“ капиталисты и что пролетарии», «Письмо к американским рабочим» заклеил позором вероломство и жестокость правителей США, захвативших Филиппинские острова под предлогом их «освобождения» от испанских колонизаторов. Он назвал захват Филиппин войной за передел уже поделенного колониального мира (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 409; т. 31, с. 328—329; т. 37, с. 48). Примечательно, что в мае 1905 года в Маниле побывал крейсер «Аврора». Спущенный на воду в июле 1903 года, этот боевой корабль участвовал в памятном Цусимском сражении (1905 г.), покрыв себя неуязвимой славой. Выйдя из него непобежденным, он вместе с крейсерами «Олег» и «Жемчуг» вошел в Манилу, считавшуюся тогда нейтральным портом (об этом см.: Чернов Ю. Судьба высокая «Авроры», 2 издание, М., 1983).

Национальный герой филиппинского народа, просветитель, писатель, классик филиппинской литературы Хосе Рисаль (1861—1896), был хорошо знаком с историей и культурой России. В 1891 году в своем дневнике он сделал записи о встречах и беседах с рус-

ским орнитологом и географом М. М. Березовским (1848—1912), с которым ему довелось плыть на одном корабле из Александрии. Владея более чем 20 языками, Рисаль знал и русский язык, русскую литературу. В одном из сохранившихся писем он просил своего европейского корреспондента прислать ему в ссылку в Дапитан на о. Минданао русские книги: Тургенева «Отцы и дети», «Дым», «Новь», собрание сочинений Гоголя, произведения Короленко, Данилевского. В другом письме Рисаль восхищался мужеством русских борцов против царизма, приводя их в пример своим соратникам.

Передовая русская и мировая общественность высоко ценила пропагандистскую и революционную деятельность Хосе Рисаля, его произведения (романы «Флибустьеры», «Не прикасайся ко мне», стихи, например «Последнее прощай»), переведенные на многие языки, в том числе и на русский, были широко известны за пределами родины. Сочинения Рисаля, его героическая жизнь всегда привлекали внимание русского общества и служили укреплению культурных и деловых контактов между обеими странами. В 1986 году исполняется 125 лет со дня рождения (19 июня) и 90 лет (30 декабря) со дня казни Рисаля. Эти памятные даты широко отметит не только филиппинская, но и вся международная общественность. Стихотворение Рисаля «Последнее прощай» и его переводы на другие языки мира (в том числе и на русский, автор перевода Е. Долматовский), отлиты в бронзе и павечно впаены в основание памятника великому филиппинскому писателю, установленному в центре Манилы.

Прогрессивная деятельность Рисаля оказала большое влияние на формирование национального самосознания филиппинцев. Передовые представители рабочего класса, крестьянства и интеллигенции приветствовали Октябрьскую социалистическую революцию в России.

На Филиппинах получила распространение русская пролетарская литература. Достоин внимания, что уже в самом начале XX столетия о Горьком писал известный филиппинский филолог и тагальский писатель социалистической ориентации Лоне К. Сантос (1879—1963).

В конце 60-х годов в Республике Филиппины было впервые предпринято преподавание русского языка в Лицее в Маниле. Начало этому было положено прогрессивным журналистом Теодосио А. Лансангом, который в 50-е годы жил в Москве и работал в Институте востоковедения АН СССР и принимал участие в составлении первых словарей тагальского языка — «Тагальско-рус-

ского словаря» (1959) и «Русско-тагальского словаря» (1965). Они использовались и в изучении русского языка филиппинцами.

Подготовка специалистов в области русского языка осуществляется самым крупным учебным заведением страны — государственным Университетом Филиппин.

Помимо Университета русский язык с недавнего времени изучается также в крупнейшем столичном вузе — Филиппинском педагогическом институте, основанном в начале нашего века, где обучаются свыше пяти тысяч студентов. Правда, пока здесь созданы лишь факультативные курсы русского языка, но в основной программе по истории мировой литературы значительное место отведено изучению русской литературы. В 1985 году силами преподавателей вузов, студентов, слушателей курсов русского языка была осуществлена постановка пьесы А. П. Чехова «Три сестры» (драматургия Чехова очень популярна у филиппинцев).

Интересно отметить и такой факт, что после 1978 года, когда в Багио выступал ныне экс-чемпион мира по шахматам А. Карпов, на островах Филиппинского архипелага началось массовое увлечение шахматами. Многие из опытных и начинающих шахматистов активно принялись за изучение русского языка, чтобы в подлиннике читать советскую специальную литературу в данной области.

С 1979 года при Посольстве СССР в Маниле работают краткосрочные курсы русского языка. Их посещают инженеры, служащие, журналисты, студенты, учащиеся школ и колледжей, все те, кто хочет углубить свои знания русского языка и свободно читать в подлиннике русскую классическую и советскую литературу. Интересно, что чтение стихов Пушкина в оригинале приводит слушателей курсов к мысли о близости творчества русского поэта и Хосе Рисаля, который тоже «отчизне посвятил души прекрасные порывы». Они находят много общего в идеях, художественных образах и даже стиле обоих поэтов.

Дальнейшее развитие советско-филиппинских экономических, научно-технических и культурных контактов, несомненно, будет способствовать расширению сферы применения русского языка в Республике Филиппины, что в свою очередь определит необходимость его интенсивного изучения в стране все более широкими массами трудящихся.

Пусть это послужит благодатной почвой для продолжения и укрепления многолетней традиционной дружбы между нашими народами.

Международный симпозиум МАПРЯЛ

По плану деятельности Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) в Москве с 1-го по 4-е октября 1985 года проходил международный симпозиум — «Проблемы краткосрочного обучения русскому языку». В нем приняли участие свыше 150 зарубежных и советских методистов, преподавателей, представителей общественных и государственных организаций, занимающихся проблемами изучения и распространения русского языка, в их числе представители Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Монголии, Чехословакии, Кубы, Югославии, Италии, Финляндии, Австрии, США, Нидерландов, Испании, Австралии, Алжира, Советского Союза. На пленарных и секционных заседаниях было заслушано 80 докладов и сообщений. Работали три секции: общие проблемы курсового обучения, курсовое обучение студентов и специалистов-русистов, проблемы курсового обучения русскому языку специалистов.

Обучение русскому языку в настоящее время приобрело традиционные формы: курсы русского языка для дипломированных специалистов, летние курсы и школы русского языка для студентов, летние лагеря для школьников, клубы и кружки русского языка в школах, вузах, на предприятиях, в обществах дружбы с Советским Союзом. В системе курсового обучения создаются программы, учебники и учебные пособия, обобщается и анализируется практика обучения, развивается собственная лингводидактическая проблематика исследований.

Симпозиум подтвердил успешное развитие форм курсового обучения русскому языку, тенденцию к большей дифференциации, а также выдвинул ряд новых перспективных задач, решение которых будет способствовать дальнейшему прогрессу в этой области.

Среди рекомендаций, принятых симпозиумом, следует назвать такие, как уточнение типологии курсов в зависимости от целевых

установок обучения; разработка программ, учебников и учебных пособий для каждого типа курсов и организация обмена подготовленными учебными материалами; создание эффективной системы повышения квалификации преподавателей курсов русского языка; совершенствование принципов, приемов и методов интенсивного курсового обучения.

Признано считать наиболее актуальными направлениями исследовательской работы — изучение сфер общения и коммуникативных потребностей специалистов разного профиля в области русского языка; разработку методических принципов интенсивного обучения русскому языку на курсах с разными целевыми установками, в особенности обучения чтению.

Международный симпозиум «Проблемы краткосрочного обучения русскому языку» стал важным этапом подготовки к очередному VI Конгрессу МАПРЯЛ, в работе которого будет уделено серьезное внимание этим вопросам.

Участники симпозиума выразили единое мнение в том, что обучение русскому языку иностранцев в системе кружков и курсов, массово представленное в СССР и более чем в 100 странах мира, в полном соответствии с принципами Заключительного акта общеевропейского Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1975 г.) вносит заметный вклад во взаимное изучение и распространение языков, в частности русского языка, в современном мире, способствует установлению и расширению контактов между народами, служит делу обеспечения всеобщего мира и социального прогресса.

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Правильной ли будет форма родительного падежа множественного числа от существительного *грузин* — *грузинов*?»

Ю. Г. Гурьева, Новороссийск

Существительное *грузин* в родительном падеже множественного числа имеет форму *грузин*. Форма *грузинов* устарелая, она встречается в произведениях классической литературы.

К 300-летию со дня рождения

Василий Никитич
Татищев

1686—1750

Н. А. ЖИГУЛИНА,
Н. А. КОНДРАШОВ,
доктор филологических наук

Первый русский историк В. Н. Татищев принадлежит к числу выдающихся деятелей Петровской эпохи. Он оставил после себя монументальную «Историю Российскую» (I издание вышло в пяти книгах. М., 1768—1848) и множество трудов по различным областям знаний. Даже для XVIII века, столетия энциклопедистов, деятельность В. Н. Татищева представляла собой уникальное явление. Историк, географ, этнограф, философ, языковед, дипломат, инженер-градостроитель (им были основаны города Екатеринбург, ныне Свердловск, и Оренбург), он поражал современников широтой интересов и познаний. Этому необыкновенному ученому принадлежит множество проницательных и глубоких наблюдений о языке, сущность и функции которого он рассматривал, как и современная наука, в качестве важнейшего средства человеческого общения.

Именно в языке В. Н. Татищев видел ключ к раскрытию исторического прошлого того или иного народа.

В. Н. Татищев родился 19 (29) апреля 1686 года в Пскове в семье обедневшего дворянина, принадлежавшего к древнему русскому роду. Он получил хорошее домашнее образование. Уважительное отношение к книге, к знаниям было в роду Татищевых. В 1704 году Василий Никитич поступил на военную службу. Ему приходилось много ездить по разным странам и городам. Где бы Татищев ни находился (на Аландских островах, в Швеции, Пруссии, Польше, Дании, Риге, Тобольске, Екатеринбурге, Оренбурге, Астрахани, Москве и Петербурге), везде он покупал книги и переносил рукописи. Образованный офицер стал известен Петру I. После участия в войнах (Полтавская битва, Прутский поход) В. Н. Татищев был на-

правлен в Польшу и немецкие земли «для присмотрения тамошнего военного обхождения». В 1724—1728 годах он жил и работал в Швеции, где опубликовал свое исследование о находках костей мамонта в Сибири (это единственная научная работа, которая вышла в свет при жизни ученого). После возвращения из Швеции Татищев начал собирать материалы для «Истории Российской»; он часто общался с А. Кантемиром и Ф. Прокоповичем.

Приступив к созданию «Истории Российской», ученый столкнулся с лингвистическими проблемами, прежде всего происхождения русского языка и его многообразных связей с другими языками. Впервые в европейской науке он сформулировал положение о генетическом родстве языков и выдвинул понятие «праязык». Он четко выделил тюркские, финно-угор-

ские и славянские народы, «которые весьма во всем разные и един с другим в происхождении и языке единства, кроме соседства, не имели» (История Российская. В семи томах. Т. 1. М.—Л., 1962). Эти семь языков, считал В. Н. Татищев, обладали «прародительским» языком, вследствие чего являются родственными. Татищев можно считать пионером в области сравнительно-исторического изучения языков. Об этом свидетельствует, например, такое его утверждение: «Наипаче всего пужно каждого народа язык знать, дабы чрез то знать, коего они отродья суть» (Избранные труды по географии России, М., 1950). Ученый первым обратил внимание на важность исследования языков многочисленных народов тогдашней России и создал их языковую классификацию. С этой целью он рассылал по русским губерниям анкеты-вопросники, привлекая таким образом внимание к этой проблеме.

Всю деятельность и творчество Татищева пронизывает чувство гордости за русский язык и русский народ. «...Наш язык многих полнее и плодотворнее и, мню, в философии, математике и прочих науках не хуже французского и германского...» — писал он в «Истории Российской». Это мнение перекликается со знаменитыми словами его младшего современника М. В. Ломоносова: «...в нем

[в русском языке] великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и ...краткость греческого и латинского языка».

Творчество В. Н. Татищева относится к тому периоду, когда русский литературный язык, преодолевая средневековое двуязычие, активно развивался. В такие переломные эпохи проблемы графики и орфографии всегда выдвигаются на первый план. Именно поэтому Татищев выступил с предложениями освободиться от «обветшавших одежд» церковнославянской письменно-графической традиции. Ученый установил соотношение живой речи и системы русского письма, предопределив на многие годы пути усовершенствования русского алфавита. Он опирался на фонетический принцип, имевший в ту эпоху прогрессивное значение. Это свидетельствовало о стремлении порвать со средневековой традицией и положить в основу графики живую разговорную речь.

Орфографические предложения Татищева сводились прежде всего к исключению из алфавита «равногласных» (не различающихся в произношении) букв: заменить ъ посредством е; оставить одну букву для передачи з; установить одну букву вместо трех для передачи и; исключить ъ и ѣ, обозначив мягкость согласного постановкой точки; исключить буквы

«кси» и «пси» и т. п. Татищев подчеркивал, что согласно этим предложениям, русский алфавит убавится на 15 букв.

Второй проблемой, волновавшей Татищева, было отношение к многочисленным в Петровскую эпоху заимствованиям из западноевропейских языков. Сам ученый владел классическими языками, немецким, шведским, французским, польским и рядом восточных: татарским, калмыцким, персидским. Он неоднократно призывал молодежь изучать иностранные языки. Но по отношению к «чужестранным» словам занимал гибкую и разумную позицию, постоянно подчеркивая, что необходимо соблюдать чувство меры и не «портить» русский язык «пенужными и неприличными» заимствованиями. Основным критерием для него была «вразумительность речи».

Заимствованные слова в первой половине XVIII века стали необходимой частью придворного обихода. Они несли на себе не только отпечаток моды, но и свидетельствовали об учености, образованности и эрудиции человека. Учитывая эти обстоятельства, Татищев ратовал за употребление иноязычных слов «в той силе и разуме [значении]», которое они имели в языке-источнике. В своих трудах, как правило, он сопровождал иностранные слова пояснениями, стараясь подыскать им

русское соответствие, например: *баталия* — битва, *ситуация* — положение, *генеалогия* — родословие и т. п. Поиски соответствующей замены давали возможность не только показать богатство русского языка, но и познакомить читателя с новыми словами, их правильным употреблением в речи.

Часто Татищев использовал прием калькирования [поморфемного перевода иноязычных слов на русский язык]: *география* — землеописание, *топография* — предельописание, *космография* — мироописание, *мораль* — нравouchение, *рефракция* — отсвечивание; подбор тождественных или близких по значению слов (синонимов): *лидо* — набережная, *гигант* — исполин, *шлюзы* — запоры. Совершенно ина-

че поступил Татищев с немецкими заимствованиями в эпоху владычества Бирона, когда языковые вопросы переросли в политические. Разрабатывая Горный устав, он сознательно заменил немецкие названия горных чинов, работ и инструментов русскими эквивалентами, которые, по его убеждению, более точно передавали необходимый смысл. В. Н. Татищев писал: «Сожалея, чтобы слава и честь Отечества и труд теми именами немецкими утеснены не были, ибо по оным немцы могли себе не надлежаще в размножении заводов честь привлекать, еще же из того и вред усмотря, что не знающие тех слов впадали в невинное преступление, а дела их в упущение, яко полномочный, все такие звания оставил, а велел писать русскими».

Важнейшей задачей Татищев считал нормализацию русского литературного языка своего времени. Он полагал, что для создания нового типа «российского», или, как он говорил, «славенорусского» языка необходимы усилия профессиональных писателей и ученых, что нужно «грамматики и лексиконы сочинять». В качестве образцов высокой книжной культуры и русского языка он называл труды М. В. Ломоносова, В. К. Тредиаковского, А. П. Сумарокова. Татищев считал, что создание «российского» языка лежит на пути синтеза «простого и внятного» русского языка

и «высокоумного славенского». В то же время он понимал, что «славенской» (церковнославянский) язык, представленный церковной литературой, малопонятен и следует ориентироваться на русский язык. В письме советнику Академии наук И. Д. Шумахеру В. Н. Татищев так отзывался об одном из переводов: «...перевод неприличной неким несмысленным или высокоумным церковником высокой славенской язык, которого мало люди разумеют, а паче люди неученые» (Исторический архив. VI. М.—Л., 1951). В письме В. К. Тредиаковскому (1736, 18 февр.) он рекомендовал писать так, «чтоб слова были все точные, нестранные и сугубо мнительные, речение простое и гладкое, дабы каждому и простейшему так вразумительно было...» (цитируется по кн.: Обнорский С. П. и Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка. Ч. 2, вып. 2. М., 1948).

В своей писательской деятельности Татищев строго следил за языковыми формами выражения, стремился писать четко, доходчиво и убедительно. В настоящее время нет возможности сличить текст «Истории Российской» с теми летописными источниками, которыми пользовался Татищев: они бесследно погибли. Однако наблюдения показывают, что он не слепо следовал за летописцами, а творчески перерабатывал язы-

ковую форму их изложения, приближая ее к нормам синтаксиса и словоупотребления первой половины XVIII века. Именно поэтому современный читатель не ощущает значительного отличия собственно «Истории Российской» от языка примечаний самого Татищева. Его язык целиком соответствовал нормам XVIII века — по лексике, синтаксису, морфологии, правописанию. Что касается морфологии, то язык трудов Татищева не содержит каких-либо особенностей, противоречащих будущим рекомендациям Ломоносова. Более того, Татищев неоднократно выступал против «обветшавших» форм. В его языке полные права получило деепричастие, а формы склонения и спряжения совпадают с современными. Отступления касаются творительного падежа типа *с товарищи* и таких непормированных в его время падежных форм, как *кроме лыжей*.

Сопоставляя «славенской» [церковнославянский] и русский языки, ученый отметил их фонетические, словообразовательные и смысловые различия. Особенно хорошо эти различия он зафиксировал в незаконченном (доведенном до буквы «Л») «Лексиконе российском историческом, географическом, политическом и гражданском» — словаре энциклопедического типа, изданном в трех книгах в 1793 году. В произведениях В. И.

Татищева номинативная лексика (названия предметов, вещей, явлений) целиком русская, но вместе с тем встречаются случаи, когда автор использует русские слова для снижения стиля: *сказитель или враль* (разг.); *гнилые доводы, рассказы или враки* (разг.). Об употреблении неполногласных (церковнославянских) и полногласных (русских) форм ученый писал: «...наш русской прибавкою на многих местах гласных букв переменен, яко вместо *град, глад, слано, область* говорят *город, голод, солоно, волость*» (История Российская. Т. 1).

Можно выделить три группы соотносительных русских и церковнославянских слов, употребляемых В. Н. Татищевым. В первую группу входят слова, которые не различаются по стилистической окраске: *дерево — древо, борода — брада, волосы — власы, голод — глад, золото — злато, серебро — сребро* и пр. Ко второй группе — различные по значению и стилистической окраске: *молоко — млеко, голос — глас, голова — глава*. Так, во фразе: «Млеко есть первая и лучшая нам пища, но когда желудок у кого поврежден кислотой или лишен надлежащей теплоты, яко в лихорадке, тогда лучшее молоко ядом бывает» — слова *молоко* и *млеко* являются антонимами. Третью группу представляют слова обоих языков, которые являются единст-

венным средством выражения понятий: *брань, власть, враг, младенец, короб, болото, порог, огород, ворон, солома* и пр.

Суждения В. Н. Татищева о русском языке отражают поиски новой манеры изложения, новой организации лексических средств независимо от их происхождения, способных выразить сложные понятия «вразумительно и ясно». Синтаксические конструкции в трудах Татищева обоснованы логически и, несмотря на свойственные его времени устаревшие союзы и союзные слова, не создают для современного читателя особых затруднений.

Для отечественного языкознания весьма поучительны воззрения и практическая деятельность Татищева. Ученый положил начало энциклопедическому делу в России, значительно расширил лингвистическую базу русской науки, ввел в научный оборот ряд неизвестных прежде памятников (Русская Правда, Судебник 1550 года, Книга Большому Чертежу), ему принадлежит множество сообщений по нормализации русского языка в области графики и орфографии, лексического состава и употребления иноязычных заимствований, по истории и этимологии русских слов.

В русском языкознании В. Н. Татищева с полным правом можно считать предшественником М. В. Ломоносова.

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Я прочла у А. С. Пушкина в «Евгении Онегине» такие слова:

Проснувшись рано,
В окно увидела Татьяна
Поутру побелевший двор,
Куртины, кровли и забор,
На стеклах легкие узоры...

Объясните, пожалуйста, что означает слово *куртина*».

И. Попова, Свердловск

Существительное *куртина* заимствовано русским языком из французского *courtine*. «Словарь русского языка» С. И. Ожегова дает два значения этого слова: 1. Цветочная грядка, клумба (устар.); 2. В старину так называли часть крепостного вала между бастиянами.

А. С. Пушкин использовал, разумеется, первое значение существительного *куртина*, то есть Татьяна увидела запорошенные снегом клумбы.

Источник первых комментариев «Слова о полку Игореве»

В. П. КОЗЛОВ,
кандидат исторических наук

роникновение в творческую лабораторию первых комментаторов и издателей «Слова о полку Игореве» позволяет современным ученым «увидеть» поэму глазами ее первооткрывателей, уточнить ряд спорных, неясных мест утраченного в 1812 году подлинника. Однако в полной мере сделать это не позволяет скудость сохранившихся источников. До сих пор до конца не определены возможность и характер участия в изучении «Слова о полку Игореве» людей, причастных к его открытию и введению в общественный оборот — А. И. Мусина-Пушкина, Н. Н. Баптыша-Каменского, А. Ф. Малиновского, И. П. Елагина, И. Н. Болтина и других. Сохранившиеся переводы и комментарии поэмы, сделанные в XVIII веке, исключая так называемые «бумаги Малиновского», анонимны.

На рубеже 1780—1790 гг., когда, по всей видимости, «Слово о полку Игореве» попало в «собрание российских древностей» Мусина-Пушкина, или во всяком случае было обнаружено здесь, кружок Мусина-Пушкина, незадолго до этого развернувший свою деятельность по собиранию, изданию и изучению отечественных древностей, понес ощутимые потери. В октябре 1792 года умер И. Н. Болтин, а в сентябре 1793 года — И. П. Елагин. Оба они слыли среди современников большими знатоками отечественной истории, оставив после себя крупные исторические сочинения.

В историографии «Слова о полку Игореве» давно утвердилось мнение о возможном их участии в первых исследованиях поэмы. После того, как была найдена цитата из «Слова о полку Игореве», в неопубликованной части «Опыта повествования о России» Елагина, очевидно, внесенная им в конце 1780-х — начале 1790-х годов, знакомство Елагина с поэмой можно считать бесспорным (Козлов В. П. «Слово о полку Игореве» в «Опыте повествования о России» И. П. Елагина. — «Вопросы истории», 1984, № 8, с. 23—31).

Не раз исследователи предпринимали попытки установить причастность к изучению «Слова о полку Игореве» и Болтина. Одна-

ко в конечном итоге дело сводилось к констатации «правдоподобия» такого участия, определить же его степень и характер препятствовало отсутствие конкретных фактов, поиск которых обратил наше внимание на малознакомый труд Болтина, известный сейчас в двух списках.

Первый был изготовлен с недошедшего оригинала для коллекционера графа Н. П. Румянцева после 1816 года. Он имеет название «Словарь географический и исторический к «Истории» Татищева» (ОР ГБЛ, ф. 256, д. 395). Второй список был изготовлен до 1812 года, по всей видимости, с подлинной рукописи Болтина. Он принадлежал известному книгоиздателю начала XIX века П. П. Бекетову и был подарен им в 1816 году Обществу истории и древностей российских при Московском университете. Бекетовский список имеет иное название — «Словарь географический всем городам, рекам и урочищам, кои воспоминаются в летописи Несторовой». (ОР ГБЛ, карт. 124, д. 1).

Не вдаваясь сейчас в подробное описание этих списков, а также в датировку времени работы Болтина над своим трудом, отметим, что, по всей видимости, основная работа над «Словарем» была проведена ученым в период с 1768 по 1784 год. «Словарь» Болтина явился одним из первых специальных историко-географических справочников в отечественной науке. Он отразил начальный этап исторических разысканий Болтина, который не мыслил изучения прошлого без знания географии. «История с географиею, — писал он, — столь тесно связаны, что не зная одной, писать о другой никак нельзя». С другой стороны, интерес ученого к географической и исторической лексике объяснялся и его собственно лингвистическими разысканиями в этой области, с результатами которых он не раз знакомил членов Российской академии, организованной в 1783 году. Читая Татищева, Болтин не только глубоко ознакомился с прошлым своей страны. Одновременно на базе «Истории» Татищева он готовил для себя важное справочное пособие по истории и географии древней Руси, в дальнейшем мечта и о его публикации.

Болтин тщательно записывал топонимы, этнонимы и заинтересовавшую его чем-либо историческую лексику «Истории» Татищева. Словарь Болтина включил несколько сот различных дефиниций. Во многих случаях ученый просто дословно приводил определения Татищева. Таковы например, топонимы «Амовжа», «Свиногород», «Хортич остров». Но нередко Болтин обнаруживает и критическое восприятие мнений Татищева, подчас поправляя его. Часто словарные статьи в труде ученого приобретают характер пространных рассуждений — первых набросков собственных выводов и наблю-

дений, развернутых им в последующих исторических исследованиях.

Все это позволяет говорить о значительной самостоятельности «Словаря» Болтина. Отталкиваясь от «Истории» Татищева, ученый создавал не только необходимое в его будущих разысканиях справочное пособие, но и одновременно настойчиво стремился уяснить для себя многие из историко-географических сюжетов. Словарь должен был стать и стал для его автора незаменимым пособием в последующем творчестве. С его помощью Болтин мог оперативно навести справки по широкому кругу вопросов у Татищева, освежить те свои представления, которые возникли однажды при систематическом чтении «Истории» Татищева.

«Словарь» Болтина представляет для нас интерес не только как свидетельство об одном из ранних этапов историко-географических изысканий замечательного русского ученого XVIII века. В свете проблемы, очерченной в самом начале настоящей работы, было важно попытаться выявить следы, свидетельствующие о взаимосвязи между трудом Болтина над «Словарем» и работой по комментированию «Слова о полку Игореве», нашедшей свое отражение в «Екатерининских бумагах» и в первом (1800 г.) издании поэмы (в «Екатерининские бумаги» входят копии древнерусского текста памятника, перевод его на язык XVIII века и комментарий к переводу). С одной стороны, можно было предполагать, что поэма, богатая топонимами, должна отразиться в неопубликованном сочинении Болтина. С другой стороны, легко представить и иную ситуацию. Попытки прочтения и объяснения поэмы после ее открытия встретили серьезные трудности, в том числе и в части, касающейся объяснения топонимов «Слова о полку Игореве». «Словарь» Болтина здесь мог оказаться как нельзя кстати: простота пользования им обеспечивала оперативность в наведении необходимых справок, а авторитет его автора был надежной гарантией высокого научного уровня полученных сведений.

К сожалению, в «Словаре» не оказалось каких-либо следов «Слова о полку Игореве», что вполне вписывается в схему, согласно которой памятник был открыт уже тогда, когда Болтин прекратил работу над своим трудом. Зато второе предположение нашло свое подтверждение при сравнении болтинского сочинения с рядом комментариев в «Екатерининских бумагах» по «Слову о полку Игореве» и в примечаниях первого издания поэмы.

В «Екатерининских бумагах» обращают на себя внимание комментарии 8, 10, 29 и 48 (тексты приближены к современной орфографии).

Комментарий 8

Ворскла, Хороль, Сула, Суугли суть реки, пограничные к половцам, которые близ их кочевали. На берегах Ворсклы бывали многие сражения у русских с половцами. На Хороли съезжались россиане нередко для договоров с половцами. По Суле великий Владимир построил многие города и населил их славянами, кривичами, чудью и вятичами, дабы печенегам, приходящим часто в пределы Киевские, положить преграду. Суугли есть та самая река, которую Святослав Ольгович и Владимир Игоревич перешед, одержали в первый раз над половцами верх.

Словарь Болтина

Ворскла — река. Долгое время была границей от половцев и на берегах ее многие сражения между русских и половцев происходили.

Хороль — река. Граничила половецкие кочевья от жилищ русских. На сей реке бывали съезды с половцами для договоров. Они, часто нападая, громили селения, по сей реке находящиеся, кои, наконец, все истребили.

Сула — река. По сей реке Владимир I города построил и поселил их славянами, кривичами, чудью и вятичами, дабы печенегам, часто впадающим в пределы Киевского княжения, положить преону.

Суугли — река в половецких кочевьях. Войски русские шли от Донца к реке Осколу, от Оскола к Сальнице, от Сальницы шли всю ночь и на утрое около обеда пришли к реке Суугли, где встретили их половцы за рекою. [Татищев]. III. 262. При сей реке имели русские князья несчастливое сражение с половцами, все князья бывшие и со всем войском или побиты, или в плен взяты, а спаслись только из всего войска 215 человек: сие было в 1185 году.

Комментарий № 8 представляет собой объединение четырех соответствующих статей «Словаря» Болтина, касающихся этих гидронимов. За счет обобщения сходного начала каждой из болтинских дефиниций (указания, что все они находились в районах «половецких кочевьев» или на границе с ними) комментарий в «Екатери-

нинских бумагах» приобрел более сокращенный вид. Его отличия свелись к сокращению «Словаря» Болтина о битве с половцами в 1185 году и ошибочно введенном (по созвучию названий: *Суугли* вместо *Угли*) тексте о победе русских войск 30 июля 1184 года на реке Угли (Ореле). В первом издании поэмы этого комментария к соответствующему тексту нет. Зато в предисловии при упоминании реки Суугли сделана ссылка, почти дословно повторяющая текст об этой реке в «Словаре» Болтина со ссылкой на «Историю» Татищева. Однако содержание этой ссылки на самом деле далеко от татищевского, где сказано всего лишь о том, что Игорь Святославич шел со своим войском от Донца к реке Осколу, далее — к реке Сальнице и остановился за рекой Суугли. Ссылка на Татищева здесь, таким образом, оказалась формальной, повторив ссылку, имевшуюся в «Словаре» Болтина.

Комментарий № 10 «Екатерининских бумаг» объяснял слово *Шеломая* как «волость», лежащую на границе с половцами. В своей основе он также восходит к соответствующему тексту «Словаря» Болтина. Вместе с тем в нем можно видеть и следы воздействия текста Татищева. Это воздействие выразилось в замене болтинского топонима *село* на *волость*, выступившего синонимом татищевского *область*. Однако примечание в первом издании «Слова о полку Игореве» еще больше приблизилось к определению этого топонима у Болтина, отразив либо повторное знакомство с ним уже непосредственно в процессе подготовки первого издания, либо редакцию примечаний в списке, промежуточном между екатерининским списком и первым изданием.

Комментарий № 29 «Екатерининских бумаг» объяснял слово *Шарукань* как половецкий город близ реки Донца. Он представлял собой комбинацию из «Словаря» Болтина и текста Татищева, ссылку на который привел Болтин.

Комментарий 29

Шарукань город Половецкий был близ реки Донца: он в 1111-м году сдался без сопротивления войскам великаго Князя Святополка (Тат[ищев]. Ист[ория], кн. 2, стр. 207).

Словарь Болтина

Шуракан — городок на Донце половецкой [Татищев], II. 207.

Со «Словарем» Болтина этот комментарий сближает четкость пояснения топонима. Последующая часть комментария — пересказ соответствующего места в тексте Татищева. «Словарь» Болтина, таким образом, оказал воздействие на автора комментария в «Екатерининских бумагах» в самом объяснении Шаруканя как топонима, а не личного имени. Лишь в примечании к первому изданию

поэмы издатели освободились от этого воздействия. На основании более внимательного прочтения Татищева они обнаружили в его «Истории» известие о князе Шуракане, который в 1107 году «едва ушел, оставя весь их обоз русским в добыток». Поэтому примечание в первом издании «Слова о полку Игореве» приобрело иной вид: «...о Шуракане в летописях под 1107 годом упоминается, что по имени сего князя назван был половецкий на реке Донце город, с которого в 1111 году русские взяли окуп. Татищ[ев] част[ь] 11 страп[ица] 204», предложив довольно смелую интерпретацию текста Татищева, соединенную с версией Болтина.

Комментарий № 48 «Екатерининских бумаг» представлял собой пространный рассказ о киевском урочище Боричеве.

Комментарий 48

Боричев. Урочище в самом городе Киеве, которое не инде быть, по описанию летописей, является, как на горе к Подолу на самом том месте, или близ оного, где ныне церковь апост. Андрея Первозванного находится. Сие место в первобытности было вне града, и тут Владимиром поставлен был на холме идол Перуна, яко на месте возвышеннейшем и красивейшем прочих; а при том что и площадь между кумира и города довольно была для уможения народа стекающегося на торжественные жертвоприношения. На сей же площади был дворец великокняжеский называемый теремным, в котором Ярополк убит от брата своего Владимира. На самом том холме, где стоял Перунов кумир, поставлена, по крещении Владимиром, церковь С. Василия. Под самую сею горою имел прежде Днепр течение; но по времени занесло песком и сделалась довольно пространства площадь, на которой ныне нахо-

Словарь Болтина

Борпчев. Урочище в самом городе Киеве, которое не инде быть, по описанию летописей, является как на горе к Подолу, на самом том месте или близ оного, где ныне церковь ап. Андрея Первозванного находится. Сие место в первобытности было вне града и тут Владимиром поставлен был на холме идол Перуна, яко на месте возвышеннейшем и красивейшем всех прочих, а при том, что и площадь между кумира и города довольно была для уможения народа, стекающегося на торжественные жертвоприношения. На сей же площади был дворец великокняжеский, называемый теремным, в котором Ярополк убит от брата своего Владимира. На самом том холме, где стоял Перунов кумир, поставлена, по крещении Владимиром, церковь святого Василия. Под самую сею горою имел прежде Днепр течение, но по времени занесло песком и сделалась довольно пространств-

дится предместье, названное Подол, по причине низкого ее положения. Что место, где ныне Подол, было покрыто водою, и что Боричев подлинно над ним обретался, свидетельствуют то нижеписанные слова из Нестора: «Древляне, прибыв к Киеву, пристали под Боричевым; тогда бо Днепр течение имел подле горы Киевския, а на Подолии не было жилища, но на горе», кн.: II, стр. 36.

ва площадь, на которой ныне находится предместье, названное Подол, по причине низкого ее положения. Что место, где ныне Подол, было покрыто водою и что Боричев подлинно над ним обретался, свидетельствует то нижеписанные слова из Нестора: «Древляне, прибыв к Киеву, пристали под Боричевым, тогда бо Днепр течение имел подле горы Киевския, а на Подолии не было жилища, но на горе».

Комментарий 48 «Екатерининских бумаг» является наиболее ярким заимствованием из «Словаря» Болтина, почти дословно повторяя его текст. Несмотря на то, что в нем содержится отсылка к Татищеву, текст комментария далек от татищевского, являясь оригинальным авторским текстом Болтина. Этот комментарий в несколько сокращенном и отредактированном виде составил соответствующее примечание в первом издании «Слова о полку Игореве» с той же формальной ссылкой на Татищева.

Итак, можно твердо говорить о том, что «Словарь» Болтина стал важным подспорьем в комментировании «Слова о полку Игореве» уже на самом раннем этапе изучения поэмы — в процессе создания «Екатерининских бумаг» по «Слову о полку Игореве». Однако только на этом обращении к труду Болтина не ограничилось. В первое издание поэмы, либо в список, промежуточный между ним и «Екатерининскими бумагами», был внесен ряд новых комментариев, также восходящих к «Словарю» Болтина.

Одно из примечаний первого издания касалось выражения «из луку моря», определяя слово *лука* как «кривизна, излучина». «Словарь» Болтина содержал топоним «Лукоморие». В его словарной статье было приведено мнение Татищева, который, упоминая половцев «лукоморских», писал, что они «видимо, меж Дона и Днепра, подле Черного моря жили. Лукоморие бо и Поморие едино есть, как другое Лукоморие на Севере именуется (примечание) № 319», и в указанном примечании замечал: «Лукоморие есть у русских древнее имя, значит, приморское место, как здесь именуется самоядов меж Печоры и Оби..., також на Белом море лопари Лукоморские у Колы на западной стороне и еще при Черном море, где половцы жили Лукоморские». Болтин в «Словаре», старательно записав соображения Татищева, тем не менее выразил свое несогласие

с ним: «Татищев думает, что Лукоморие и Поморие есть одно, но мне видится, есть разность. Поморие есть всякой берег морской, а Лукоморие — тот берег, который окружает залив морской, то есть имеющий фигуру дуги или лука, а потому и лукоморским назван, сиречь морской берег, фигуру лука представляющий». Толкование Болтина, таким образом, подтолкнуло издателей на приведенное выше определение.

Следующее примечание первого издания касалось упоминавшегося в «Слове о полку Игореве» города Плесньска (Пленска). Он определен со ссылкой на Татищева как «Город Галицкого княжения, смежный с Владимирским на Воляне — Татищ[ев]. Часть III, стр. 287 и 288». Однако на указанных страницах у Татищева о городе говорилось следующее: «Роман... поехал наперед ко Пленску, велел оный войску захватить» и «Романовы посланные, пришед к Пленску, требовали оной...» Текст примечания зато почти дословно повторил соответствующее место словаря Болтина: «Пленск — город Галицкого княжения, смежный Владимирскому [Татищев], III, 288». Издатели, как видим, лишь изменили редакцию, добавив ссылку на еще одну страницу Татищева, где упоминался город.

Еще одно примечание первого издания — о реке Немиге также представляет собой несколько сокращенный текст «Словаря» Болтина. Оно лишь формально связано с «Историей» Татищева:

Первое издание

Немига, что ныне **Немень**, между Минска и Полоцка.— Татищ. II част. 119 стр.

Словарь Болтина

Немонь — река в половецкой области, между Минска и Полоцка, в 1066 году на сей реке было сражение между половецкого князя Всеслава Брячиславича и между Изяслава, Святослава и Всеволода Ярославичев, на котором последние победу одержали. [Татищев]. II.119.

К «Словарю» Болтина, по всей видимости, восходит и еще одно примечание первого издания — о реке Стугне. О ней Болтин сообщал некоторые сведения, в том числе и о том, что «на сей реке под Триполем Ростислав к[нязь] Переяславский бежал от половец, преследующих российское побежденное войско, утонув в 1093 году». Примечание в первом издании, как и в «Словаре» Болтина, не содержит ссылки на Татищева, оно представляет собой несколько видоизмененную редакцию болтинского труда, дополненную генеалогической справкой: «Юный князь Ростислав, сын великого князя Всеволода I и великой княгини Алны, дочери половец-

кого князя, утонул на реке Стугне 1093 года, когда там разбиты были российские войска от половцев».

Таким образом, приведенные выше факты, бесспорно, подтверждают участие Болтина в комментировании «Слова о полку Игореве». Сложнее обстоит дело с определением формы этого участия. Текстологически комментарии в «Екатерининских бумагах» и примечания в первом издании поэмы восходят именно к рукописи «Словаря» Болтина. Была ли эта рукопись представлена самим Болтиным Мусину-Пушкину, или же Мусин-Пушкин воспользовался рукописью ученого уже после его смерти в октябре 1792 года? Не исключая возможности первого варианта, мы тем не менее должны отметить, что известные в настоящее время факты больше свидетельствуют в пользу второго предположения.

Еще один из первых биографов Мусина-Пушкина — известный историк К. Ф. Калайдович, рассказывая о собрании графа, в числе его прочих раритетов назвал болтинские выписки «для уразумения древних летописей с изъяснением древних слов, из употребления вышедших, и географических мест, упоминаемых в летописях наших», в которых легко можно видеть «Словарь» Болтина. Этот «Словарь» Мусин-Пушкин широко использовал в своем исследовании, посвященном Тмутараканскому княжеству, вышедшем в свет в 1794 году. Граф прямо сообщал здесь, что труд Болтина находится в его распоряжении. Действительно, в ноябре 1792 года по распоряжению Екатерины II все рукописи Болтина числом до «ста связок» были приобретены за 10 тысяч рублей и, как свидетельствует тот же Калайдович, подарены императрицей Мусину-Пушкину. Мусин-Пушкин, став обладателем труда Болтина после ноября 1792 года, мог использовать его при работе над «Словом о полку Игореве».

К рукописи «Словаря» обращались по меньшей мере дважды: в ходе подготовки комментариев, сохранившихся в «Екатерининских бумагах», и в процессе подготовки первого издания или промежуточного варианта комментариев.

Установление связи «Словаря» Болтина и комментариев в «Екатерининских бумагах» может служить одним из косвенных признаков и относительно времени составления последних. Если комментарии составлялись одновременно, то установление времени внесения их по рукописи Болтина позволит узнать, когда готовились все комментарии в «Екатерининских бумагах». Если использование «Словаря» Болтина приходится на время после ноября 1792 года, то, следовательно, уже после этой даты были составлены все комментарии «Екатерининских бумаг».

БАЙСА и БАСМА

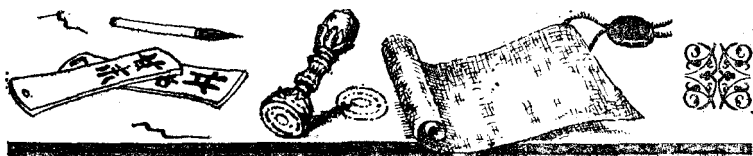
В. В. КАЛУГИН

специальной лексике некоторых древнерусских источников нередко встречается упоминание терминов *байса* и *басма*. Они не являются исконно русскими, а заимствованы из тюркских языков. Историческое развитие семантики слова *басма* в древнерусском языке сводилось к постепенной потере им первоначальных значений и возникновению новых. Термин *байса*, очевидно, не был полностью лексически освоен и сохранил свой экзотический оттенок.

Как большая часть слов тюркского происхождения *байса* и *басма* были заимствованы во время монголо-татарского ига на Руси. Сначала они употреблялись в дипломатической терминологии. В выданном в ноябре 1357 года ярлыке хана Бердибека митрополиту Алексею указывается: «Тако рекши баусу да ярлык... дали есмы не утвержение вам». В Рогожском летописце под 1371 годом сообщается о том, что ханский посол Сарыхожа «с байсою посылал» к Московскому князю Дмитрию Ивановичу звать его к ярлыку во Владимир, но получил категорический отказ. По свидетельству «Казанской истории», в 1476 году хан Большой орды Ахмат отправил к Ивану III посольство «по старому обычаю отец своих и з басмою, просити дани и оброки за прошлая лета. Великий же князь ни мало убоясь страха царева и, приим басму лица его и плевав на ню, пизлома ея, и на землю поверже, и потопта ногама своимя».

Выяснение вопроса «что такое была басма послов хана Ахмата?» породило обширную литературу. Еще М. В. Ломоносов в «Кратком российском летописце с родословием» писал, что *басма* — это

«повелительная грамота с изображением царевым на печати». Впоследствии его ошибочное мнение разделяли В. И. Даль, П. Мелиоранский, А. Г. Преображенский, М. Фасмер, составители большого академического «Словаря современного русского литературного языка», «Словаря русского языка XVIII века» и другие исследователи. В свою очередь Н. М. Карамзин в примечаниях к VI тому «Истории государства Российского» правильно отмечал, что «у нас несправедливо толковали, что басма есть ханская грамота с печатью: грамоты ханов назывались ярлыками, а печать шишаном. Басма собственно значит тиснение, снимок, от глагола басмак, так изъясняемого в латин[ском] словаре: *Basmak, calcare* (давить.— В. К.)».

Д. Банзаров первым обратил внимание на то, что *байса* представляет собой результат фонетического освоения древнерусским языком монгольского термина *пайза*. Выдающийся русский лингвист П. И. Кафаров указывал на то, что пайзы были широко распространены в Китае. А. А. Спицын установил, что монгольским языком это слово было заимствовано из китайского, в котором имело буквальное значение «лоскуток», «карточка». В статьях К. А. Иностранцева и А. А. Спицына было доказано, что *басма*, упоминаемая в «Казанской истории», тождественна монгольской *пайзе*.

Интересные известия о пайзах находятся в «Книге, именуемой „О разнообразии мира“» венецианского путешественника Марко Поло. Суммируя их, можно сказать, что *пайзой* называлась дощечка с определенной надписью, выдававшаяся от имени монгольского хана лицу, отправляемому с каким-либо поручением. Для истории этого термина в древнерусском языке особенно важно то, что на пайзах могли быть различные рисунки, например изображения кречета, льва, солнца, луны и т. п. Пайза являлась верительной грамотой, документом, удостоверявшим те или иные полномочия предъявителя, его право получать в пути все необходимое для себя и своих спутников, она служила послу своего рода удостоверением и пропуском по всей территории монгольской империи.

Найденные в результате археологических работ на территории СССР, ГНР и МНР пайзы представляют собой сравнительно боль-

ших размеров удлиненные, тонкие дощечки с полукруглыми концами, в легких рамках и с отверстием для подвешивания.

Можно предположить, что после падения монголо-татарского ига термин *байса* со временем вышел из употребления, превратившись в историзм, а первоначальное значение слова *басма* было постепенно забыто.

Потеряв свое исконное значение, термин *басма* приобрел в русском языке новые и вошел в состав специальной лексики разных ремесел. Наличие у него полисемии было вызвано развитием только одной, причем далеко не главной стороны первоначального значения: «басма — металлическая дощечка с чеканным (выдавленным, тисненым) изображением и надписью».

В древнерусских источниках книжного дела *басма* (*басьма*) упоминается сравнительно часто. В переплетном ремесле этот термин обозначал металлический гравированный штампель для тиснения орнаментальных узоров на переплете и обрезках книги. Следует отметить, что средневековые мастера на протяжении почти четырех веков покрывали переплетные доски гладкой кожей, которую не украшали тиснением. Оно появилось, очевидно, на рубеже XIV—XV столетия, сначала очень простое, а затем и более сложное с применением золота, серебра и краски или без них — так называемое *блинговое* (слепое) тиснение. Тиснение на коже производилось горячим способом. Нагретый и смазанный медом или салом инструмент вдавливали в увлажненную и загрунтованную кожу, несколько углубляя получаемое изображение относительно поверхности материала покрытия крышек. Оттиск, который получался в результате тиснения, также мог обозначаться термином *басма*: «Книга Псалтырь... обложена кожей красною, басмы золотные» (1653 год), «книга Пролог... обложена кожей... басмы з золотом» (1653 год). В «Указе о художестве книжного переплета» так описывается процесс тиснения на коже: «Егда по обычаю книгу приготовиши и как будет время басмити ея, помочиши кожа посреднему, чтобы была кожа волгла и мягка... А басма положиши на уголье горячее. И как станет басма вельми тепла или впригорячь и, выняв из огня, положиши просто, чтобы еще поустыла. А в те поры кожу вялую на книге тою басмою розмерить, где быти золоту. И мазати по тому месту подпуском кисткою, чем иконы пишут... и наложиши басма. А басма бы в те поры стала тепла вельми, а не впригорячь».

С. А. Клепиков выделял две группы басм: *бордюрные басмы* — прямоугольные штампы, служившие для создания непрерывной орнаментальной линии, идущей чаще всего по краю переплетной крышки; *басмы наполнения* — разнообразные по форме и рисун-

ку, предназначавшиеся для заполнения свободных пространств. В источниках упоминается также *басма колесная*, которая синонимична терминам *дорожник колесный*, *колесо (колеско)*, *прокат* и обозначает накатной ролик для тиснения полос из сочетания геометрических фигур с сюжетами из растительного или животного мира. В росписи переплетной снасти по описи Кирилло-Белозерского монастыря 1635 года отмечены «пять басем колесных медных» и «четыренадцать басем медных же втычных», то есть насаженных на рукоятку. Термин *басма* совпадал в своем основном значении также со словом *средник* — штамп для тиснения в центре переплетной крышки: «И средник тако ж накладывай поскорее... А будет которое место в средники не выбасмитце, и ты помажь подпуском, и положи золота, и басму паложки бережно, и стисни».

При позолоте обреза зажатой в тисках книги басмами на его поверхности выбивали травы (узоры) лишь силою удара: «И как выгляда все (на обресе.— В. К.) гладко, потом набивати басмами по золоту как ведется, а басмы на то живут нарочные таковыскыя. И тако соверша первую сторону, по тому же и прочия тако же твори. А всего того искусна учит, обретается пословица простая: не испортив перваго, втораго не зделать кроме божия помощи». В этом случае термин *басма* выступал синонимом слов *копейцо*, *копытце*, *набойка*, *набойник*, *чеканец*, которые являются названиями инструментов для тиснения холодным способом на обрезах книги.

В источниках нет прямых указаний на то, что *басма* была близка или тождественна по значению *дорожнику* — инструменту в виде тупого копыя, которым тиснили простые одинарные или двойные линии, и *наугольнику* — штампу для тиснения в углах переплетных крышек. Однако по аналогии с имеющимися данными можно предположить, что и *дорожник*, и *наугольник* образовывали с *басмой* синонимические ряды.

В золотом и серебряном деле *басма* обозначала «ручное тиснение изображений и узоров на тонких листах золота или серебра. Тисненные узоры передают пластические формы, но отличаются от чеканки некоторой расплывчатостью и мягкостью рельефа (...) В документах XVII века встречается упоминание о „басме канфареной“ и „на чеканное дело“» (Постникова-Лосева М. М., Платонова Н. Г., Ульянова В. Л. Золотое и серебряное дело XV—XX вв. [Территория СССР.] М., 1983). *Басма* получила широкое распространение в Древней Руси, так как не требовала большого количества металла.

В романе «На горах», поясняя слово *басменный* [оклад], П. И. Мельников-Печерский сообщает в сноске, что «в Москве была

особая слобода басменщиков (чеканщиков.— В. К.) — теперь Басманная».

В Москве за Земляным валом, между современной Лермонтовской площадью и улицей Карла Маркса, действительно, находилась большая Басманная дворцовая слобода, где, по одной из версий (П. И. Мельников-Печерский, С. К. Богоявленский), жили «серебряные» мастера, а по другой, более распространенной (В. И. Даль, П. В. Сытин, С. Б. Веселовский), — выпекали для дворца и части войск казенный хлеб, *басман*, на верхней корке которого *басмились* разные фигуры. М. Фасмер в «Этимологическом словаре русского языка» предположил, что его название происходит, вероятно, от *басма по клейму*, выдавливавшемуся на хлебе, то есть *хлеб басмяный* (басманный) или просто *басман*.

От имени существительного *басма* в древнерусском языке ведут свое происхождение глаголы — *басмити*, *выбасмити*, *избасмити*, *набасмити* — наносить рисунок тиснением, чеканкой; *выбасмитися* проступить (о тисненном узоре), имена существительные — *басемщик* — мастер по тиснению, чеканке; возможно, *басман* — дворцовый, казенный хлеб, *басманник* — пекарь, выпекавший этот хлеб; имена прилагательные — *басманный* (*басманная полата* — пекарня), *басемный*, *басенный*, *басменный*, *басмянный* — украшенный тиснением, чеканкой (см. Словарь русского языка XI—XVII веков), а также фамилия *Басманов*.

Интересно, что во владимирском, костромском и нижегородском говорах (см. Словарь В. И. Даля, «Словарь русских народных говоров») *басма* имеет бранное значение, например: «болван, дурак, дубина».

В «Истории государства Российского» Н. М. Карамзин писал о том, что Софья Палеолог убедила Ивана III «не встречать послов ордынских, которые обыкновенно привозили с собою *басму*, образ или *болван хана* (курсив мой.— В. К.); что древние князья московские всегда выходили пешие из города, кланялись им, подносили кубок с молоком кобыльим, и для слушания царских грамот, подстилая мех соболий под ноги чтецу, преклоняли колена. На месте, где бывала сия встреча, создали в Иоанново время церковь, именуемую доныне Спасом на Болвановке». Подобная гипотеза, однако, лишена какого-либо основания, так как термин *басма* никогда не обозначал в древнерусском языке «образ или болван хана». Это ошибочное мнение Н. М. Карамзина, к сожалению, получило широкое распространение в лексикографии и высказывалось многими исследователями.

Из других славянских языков *басма* известна в болгарском — набивное полотно, ситец; в сербскохорватском — набивной холст,

набивное полотно, устаревшее (в Словаре В. И. Даля *басма* — «тесма, басон, лента») и в украинском — черный шелковый платок. В «Опыте словаря тюркских наречий» В. В. Радлова отмечено, что в алтайском и телеутском диалектах *пасма* имеет значение «материя с набитыми украшениями (из Средней Азии)». В татарском, турецком, туркменском, узбекском и хивинском языках *басма* обозначает — «давленный, печатанный», «давление, печатание, выбойка, набойка», «набойчатый холст».

История термина *басма* наглядно показывает, какой сложный путь может пройти в языке слово. Заимствованное во время монголо-татарского ига, оно прочно вошло в состав специальной лексики древнерусского языка и продолжает жить в современном.

Рисунки И. Лутца

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Мне неизвестно, что такое *лубок*. Расскажите, пожалуйста».

Г. О. Уришевский, Инга

Словом *лубок* обычно называются народные картинки с пояснительным текстом, выполнившиеся в прошлом неизвестными художниками-самоучками. Лубки печатались на ручных станках с деревянных досок и раскрашивались от руки.

Существительное *лубок* образовано от слова *луб* (кора, лыко) индоевропейского характера (ср. лат. *liber* — лыко, книга, латышск. *luba* — луб); оно имеет ту же основу, что и глагол *лупить*. *Луб* — буквально то, что обдирается. Слово *лубок* имеет следующие значения: 1) пласт, кусок коры, липы, вяза; лыко; 2) липовая доска, на которой гравировалась картина для печатания, обычно примитивная по исполнению; картина, изображение, напечатанные с такой доски.

Формы древнерусского имени в десятиях

Т. А. ЗАКАЗЧИКОВА,
кандидат филологических наук

современное личное имя знает две формы: официальную — *Дмитрий*, *Светлана* и неофициальную — *Дима*, *Света*, причем документами фиксируется только официальная форма имени. Можно ли говорить об официальной-неофициальной собственности имен в более ранний период?

Историки языка единодушны в том, что в Русском государстве долгое время не существовало общепринятой формы имени, не было разграничения на официальную и неофициальную формы, поэтому в памятниках письменности можно встретить разные записи одного имени: *Дмитрий*, *Дмитрей*, *Дмитрейко*, *Дмитрик*, *Демка*, *Митя*, *Митька* и подобные. Одни исследователи полагают, что противопоставление личных имен в их официальной и неофициальной форме возникло лишь в XVIII веке, а для XVII века принято считать все формы либо официальными (так как они зафиксированы в документах государственной важности), либо неофициальными; другие вообще ставят под сомнение вопрос об официальной в связи с тем, что употребление имен не было специально узаконено. В. А. Никонов пишет, что не только в Киевской Руси, а и позже еще не существовало официальной формы имен, церковные формы вовсе не были обязательными в гражданских документах (Русская адаптация иноязычных личных имен.— В сб.: Ономастика. М., 1969).

Попытаемся ответить на некоторые из этих вопросов, привлекая личные имена из десятиев, памятников деловой письменности XVI–XVII веков, в которых перечислено служилое сословие — дворяне, дети боярские (подробнее о десятиях см.: Т. А. Заказчикова. Десятки XVI–XVII вв.— Русская речь, 1977, № 1).

После принятия Русью христианства христианские имена осознавались и воспринимались как официальные канонические (церковные), но, несмотря на монополию церкви, они входили в употребление медленно, лишь постепенно вытесняя другие. Борьба имен не завершилась и к XVI–XVII векам: все еще были в

ходу нехристианские имена *Дружина, Замятня, Воин, Любим, Неждан, Перуша*, а из большого церковного их списка реально использовалась лишь незначительная часть.

К середине XVI века, ко времени составления первых из дошедших до нас десятен, уже заметно расхождение между церковными именами, зафиксированными в святцах, и другими, которые реально использовались в жизни. Многие из канонических имен не были восприняты русскими и практически не употреблялись. Сопоставив десятины со словарем «Толкования именам по алфавиту» конца XVI—XVII веков Максима Грека, находим (только на А — З) около 50 имен, не встретившихся в десятнях: *Аггел, Агафаггел, Агаев, Аксиос, Анемподист, Варнава, Героигии, Диодор, Еллидифор, Зилот* и другие (хотя они могли встретиться в других документах).

Однако и воспринятые канонические имена уже с самого начала их использования приспосабливаются к фонетике и морфологии русского языка, подвергаясь в народной среде дальнейшему преобразованию. Так, разнообразные стяжения, усечения, сокращения видоизменили облик канонических имен *Иоанн, Иакинф, Иакун, Иеремия, Иоаким, Иоанникий, Диомид, Дионисий, Елеазар, Феодор, Феодосий, Феодул*, представленных в десятнях в виде *Иван (Ивашко), Акинфий, Якун (Якушка), Еремей, Аким (Яким), Аникий, Демид, Денис, Елизар, Федор (Федка), Федосей, Федулко*. Нередко всевозможные изменения приводили к тому, что варианты одного имени воспринимались (и воспринимаются сейчас) как разные имена: *Клим, Климент, Климентий, Панкрат и Панкратий, Парфен и Парфений*, а также три варианта греческого имени — *Георгий, Юрий, Егор*.

В то же время сосуществование множества вариантов одних и тех же имен свидетельствует о том, что в XVI—XVII веках еще не было выработано официальных требований в оформлении имен: живая практика нарушала предписания церкви, в результате чего даже в деловых документах, какими были десятины, одно имя могло быть представлено разными вариантами: *Дементий, Дементей, Дементья, Деменя, Деменша, Деметко, Демешка, Дема, Демка*.

В этой ситуации трудно говорить о какой-либо официальной форме имени, обязательной для того или иного документа. И тем не менее есть возможность подметить в этом «разнобое» некоторые закономерности, позволяющие полагать, что зачатки дифференцированного употребления форм имен наметились в XVI—XVII веках.

Обратимся к наиболее распространенным именам *Иван, Фе-*

дор, Василий, Григорий, Андрей, Семен, Степан, Михайло, Петр, Офонасей. Нельзя не заметить количественного преобладания одной или двух форм того или иного имени. Так, от имени *Иван* наиболее употребительными оказались — *Иван* и *Ивашко* (*Ивашка*), от имени *Василий* — *Василей* и *Васка*, от имени *Федор* — *Федор* и *Федка* (*Федко*). Следовательно, у служилого сословия (представителей одного социального класса) они были обычными, типичными, а остальные формы — редкими, частными. Имена *Ивашка*, *Васька*, *Федька* включались в официальные документы и не имели в этот период значения уничижительности, пренебрежительности.

Количество производных форм в десятиях незначительно: сам характер документов (деловой, официальный) препятствовал пропикновению многочисленных форм того или иного имени в памятники письменности. Если от имени *Александр* в литературном языке и говорах сейчас встречается более 170 производных форм, то в десятиях XVI—XVII веков зафиксированы лишь *Александрик* и *Саня*. Почти все производные имена в настоящее время воспринимаются как неофициальные.

Показательно, что имена *Афанасий*, *Василий*, *Федор* и подобные присутствуют почти во всех десятиях независимо от того, какой из форм имени отдано предпочтение. Именно эти формы имен, заимствованных на древнерусской почве, можно принять за общепринятые, официальные. Признать же все формы личных имен в XVII веке официальными вряд ли правомерно, так как одни из них действительно имели широкое распространение, другие были ограничены в употреблении.

В некоторых десятиях отдается явное предпочтение одной из двух-трех преобладающих форм имени. Так, в десятиях Москвы, Мещеры, Арзамаса предпочитали форму *Василей*, а в Рязске, Епифани, Новосили, Короче — *Васка*; в десятиях Коломны, Москвы, Арзамаса, Курска, Углича, Белгорода преобладает форма *Иван*, а в Рязске, Короче, Обояни — *Ивашко* (*Ивашка*); в Кашире, Москве, Переяславле чаще встречается *Ондрей*, в Рязске — *Ондрюша*, а в Короче — *Ондрюшка*.

Следует заметить, что отдельные десятии «строги» в оформлении имен. Так, десятии по Костроме 1649 года приводит все имена (их более 100) в одном варианте: *Александр*, *Алексей*, *Андрей*, *Ондрейан*, *Анисим*, *Антон*, *Анфиноген*, *Арист*, *Артемей*. Это показательный факт, так как одним вариантом оказывается обычно наиболее официальный, общепринятый в военно-служилой среде. Мы наблюдаем начало будущего единообразия в оформлении деловых документов. Уместно здесь вспомнить спе-

циальный указ Петра I, запрещавший употребление полуимен типа *Ивашка* и требовавший: «...Генваря с 1 числа 702 года писаться целыми именами с прозваниями своими, а полуименами никому не писаться».

В ряде случаев форма имени зависела от писца, составлявшего десятню, при этом учитывалось социальное положение и возраст именуемого. Социальная дифференциация русского общества способствовала более строгому подходу к использованию форм имен. Царя, бояр, князей именовали только одной формой имени: «по государеву цареву и великого князя *Федора* Ивановича всеа Русии указу» (Переяславль 1590); «боярин князь *Федор* Иванович Мстиславской» (Владимир 1590), «боярин князь *Никита* Романович Трубецкой» (Переяславль 1590), «боярин князь *Володимер* Тимофеевич Долгорукой» (Юрьев-Польской 1608) и т. д.

Некоторые десятни дают примеры дифференцированного употребления форм имени у представителей служилого сословия высшего ранга и низших чинов. Сравните: «дворянин *Никифор* Иванов сын Девлякин и подпрапорщик *Васка* Михайлов сын Княжевской» (Керенск 1692), «сын боярский *Осип* Анкудинов сын Трусихин и рядовой *Левка* Яковлев», «сотник *Ерофей* Кожуков и десятник *Петрушка* Прокофьев», «атаман *Иван* Прозоров и стрелец *Сенка* Стегонихин, пушкарь *Куземка* Нестеров» (Короча 1649).

В отдельных десятнях недорослей (детей служилых людей, еще не поступивших на государственную службу) в отличие от взрослых называют производными формами имени — «отец Герасим Иванов сын Креницын, а сын *Сенка* Герасимов сын Креницын»; «отец Григорей Гаврилов сын Хомутов, а сыновья *Михалка* Григорев сын Хомутов и *Васка* Григорев сын Хомутов» (Луки Великие 1631).

Образование отчеств преимущественно от имен типа *Иван*, *Григорий*, *Петр* является не менее важным свидетельством того, что к XVI—XVII векам эти формы уже воспринимаются как официальные. Производные имена не годились для образования отчеств не по лингвистическим причинам (от любого из них можно образовать отчество), избиралась наиболее строгая форма.

Государственное делопроизводство требовало единообразного оформления документов. В десятнях постепенно складывается такой способ наименования лиц, который принят у нас в настоящее время: имя, отчество, фамилия. В них наблюдается довольно строгая запись именования: на первом месте — имя, потом — отчество, и наконец — фамилия: *Демид Азеев сын Посулициков*, *Петр Самойлов сын Колобов*, *Нехорошей Иванов сын Волохов* (Суздаль 1630).

«И исполчишася Русь, и бысть сеча велика...»

Л. Г. СМЕРНОВА

исполчишася Русь, и бысть сеча велика...» — фраза, характеризующая ожесточенность сражения русских воинов с врагами, часто появляется на страницах «Повести временных лет» — первого русского летописного свода. И это не случайно. Описывая события на протяжении более 250 лет русской истории, летописец основное внимание уделяет воинским сюжетам. В этом пристрастии, конечно, есть глубокая патриотическая идея — стремление показать военную мощь, крепнувшую независимость и силу русского государства. В этом проявляются и особенности понимания древним русичем исторического процесса. Государственный строй, бытовой уклад жизни казались ему неизменными; история для него — события, и прежде всего воинские походы, победы и поражения, смерть князей на поле брани, перемирия. Во всех этих событиях князь — центральная фигура, это, прежде всего, воин, защитник Русской земли, именно в зависимости от его воинских качеств выносит летописец окончательное суждение о деятельности князя.

«Повесть временных лет» такой, какой она дошла до нас, была написана не сразу. Метод древнерусского летописания подразумевал участие в составлении летописного свода нескольких авторов, которые, следуя друг за другом, редактировали материал предшественников, добавляли свои собственные «погодные» (год за годом) статьи.

Известнейший исследователь «Повести временных лет» академик А. А. Шахматов, выделяя три последовательные редакции памятника, обнаружил в тексте летописи древнейший слой. По его мнению, начиная с 1061 года, над «Повестью временных лет» работал другой летописец или тот же самый, но вначале он излагал события по преданиям, понаслышке, а после 1061 года стал их современником (См. А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 399). Основанием для установления столь четкой границы послужило Шах-

матову прежде всего появление в летописи точных дат: с 1061 года указывается точный день, когда происходило то или иное событие.

Некоторый вклад в решение интереснейшего вопроса об авторах древнего памятника может внести изучение особенностей самих летописных текстов, в частности воинских, как наиболее многочисленных и ярких. Летописный рассказ, записанный до 1061 года, составляет немногим более половины рукописи, в нем сообщается о событиях на протяжении 200 лет русской истории. Описание последующих 50-и лет занимает оставшуюся часть рукописи, то есть записи, сделанные после 1061 года.

В «Повести временных лет» формируются основные типы текстов, которые впоследствии будут присутствовать во всех русских летописях: это летописные записи и летописные рассказы.

Летописные записи, преобладающие в памятнике, представляют собой краткие сообщения о событиях года, в них обычно указывается князь, возглавляющий воинский поход, место действия и результаты похода. Например: «В лето 914 иде Игорь на деревляны, и победив я [их], и возложи на нь дань болии Ольговы». Летописные записи подобного типа встречаются на всем протяжении «Повести временных лет».

Летописные рассказы — это развернутые, эпические описания воинских сюжетов, они могут быть разделены на рассказы с легендарной основой и рассказы с основой фактографической, событийной. Но если рассказы с легендарной основой, сложившиеся, вероятно, сначала в устной форме и явившиеся переработкой народных преданий, дружинного героического эпоса, представляют собой отдельные яркие эпизоды, описанные в сюжетно завершенных текстах, выдержанных в определенной традиции, то рассказы с фактографической, событийной основой характеризуются большей документальностью, точным изложением фактов в соответствии с осведомленностью летописца, отсутствием четкой сюжетной завершенности и определенной стилизации,

Летописные рассказы с легендарной основой выдержаны в основном в двух традициях: народно-эпической и агнографической, житийной.

В летописных рассказах, выдержанных в народно-эпической традиции, повествование об исторических событиях облечено в форму поэтических легенд и преданий, созданных под влиянием былин, сказок, исторических песен. В центре стоит образ князя — мужественного воина, патриота Руси, мудрого политика, прозорливого, почти сказочного героя.

В рассказе о каком-либо событии летописец обязательно выделяет один яркий эпизод. Так, сообщая о походе Святослава на греков в 971 году, автор приводит случай испытания Святослава дарам, когда он «не зря на злато и паволоки, повеле их схоронити», «прим же меч, нача хвалити и любити». В результате греки поспешили заключить с ним мир. Или, например, описание богатырского поединка русского юноши Кожемяки, который «бе середнии телом», сразился с «печенежином», который «бе превелик зело и страшен» (992 г.). В этой схватке с типичным для фольклора соотношением сил побеждает русский воин, в честь которого основывается город Переяславль, причем здесь летописцем допускается неточность, поскольку город Переяславль уже был упомянут в «Повести временных лет» значительно раньше.

В подобных летописных рассказах прослеживаются ситуации, сюжетные повороты, характерные для фольклорных текстов. Например, печенеги осаждают Киев во время отсутствия Святослава (968 г.), а Белгород — во время отсутствия Владимира. Отсутствие князя в момент начала драматических событий — типично сказочная ситуация.

Такой сюжетный компонент, как военная хитрость, встречается во многих текстах. Олег хитростью захватывает Киев, пряча воинов в лодках (882 г.); Ольга сжигает Искоростень, попросив у деревлян в дань голубей и воробьев, а затем выпускает их, привязав к ним горящую паклю, и птицы возвращаются в родные гнезда под крыши домов Искоростеня (946 г.); белгородцы хитростью заставляют печенегов снять осаду, демонстрируя им свою способность продержаться в осажденном городе долгие годы, поскольку они «сыты от колодезя» (997 г.).

В легендарных рассказах действуют герои, которые часто встречаются в волшебных сказках, например, мудрый старик, приводящий для поединка с «печенежином» сына в тот момент, когда «поча тужити» князь Владимир, потерявший надежду найти богатыря, способного противостоять «печенежину» (992 г.),

Другой старик научил жителей Белгорода вырыть спасительные колодцы и поставить туда кадки, наполненные «цежем» (раствором муки) и «сытой» (водой, подслащенной медом). Попробовав сваренный из них кисель, печенеги поверили, что белгородцы имеют «кормлю от земли». Князь Святослав не послушался мудрого совета воеводы Свенелда — не ходить в Днепровские пороги и жестоко поплатился: был убит печенегами (971 г.). Смелостью и находчивостью покоряет читателя маленький герой из рассказа 968 года, в котором поведал летописец о том, как «отрок» (мальчик) спасает осажденных киевлян. Зная язык печенегов, он прошел через вражеские полки, «глаголя, не виде ли коня никтоже», и сообщил воеводе князя Святослава Претичу о бедственном положении киевлян.

Как художественную особенность подобных текстов следует назвать и появление в них «магических» чисел, свойственных фольклорным текстам, в основном числа *три*. Так, договариваясь об условиях поединка, печенеги предложили, в случае победы русского богатыря, «не воюем за *три* лета». Мудрый белгородский старик просит не сдаваться печенегам *три* дня. Ярослав и «окаянный» Святополк стояли по обеим сторонам Днепра *три* месяца.

Описывая численный состав войск, летописец использует гиперболу, например, когда Игорь пошел на греков: «иде Русь — бе-щисла (бесчисленно) корабль, покрыли суть море корабли». Воевода Святослава, пугая печенегов, говорит о том, что «по мне идет полк со князем бе-щисла множество» (968 г.). Во время осады Белгорода собирается «печенег множество много».

Наконец, заканчиваются тексты, выдержанные в народно-эпической традиции, чаще всего устойчивой формулой, сюжетно исчерпывающей текст: «Володимер же възвратися в Киев с победою и с славою великою» (992 г.), «Ярослав же седе Киеве столе отъни и дедви», т. е. на престоле отцов и дедов (1016 г.).

Представляя собой довольно значительный пласт летописи (около трети всех летописных рассказов), все легендарные тексты, выдержанные в народно-эпической традиции, расположены до 1061 года. Последний из них датируется 1022 годом.

В древнейшей части летописи записаны и воинские рассказы, выдержанные в агиографической (житийной) традиции.

Наряду с описанием типичных воинских эпизодов (походов, сражений, осад), в них прослеживаются мотивы, встречающиеся в житиях как особом жанре древнерусской литературы. Например, мотив божественной помощи христианам в борьбе против язычников. В тексте 866 года язычниками являются русские воины во главе с Аскольдом и Диром, предпринявшие поход на

Царьград (Константинополь). Летописец объясняет поражение князей вмешательством божественной воли. После молитвы греческого царя Михаила и патриарха Фотия на море поднялась «буря с ветром», которая «Руси корабль смяте, к берегу приверже и изби я».

В подобных рассказах определенной стилизации подвергается центральный образ князя. Например, летописные статьи, посвященные Владимиру, крестившему Русь, довольно последовательно повторяют схему житий князей-язычников, просвещенных христианством. Перед читателем предстает сначала Владимир-язычник, погрязший в пороках: в летописном рассказе 980 года он убивает полоцкого князя Рогволода и силой берет в жены его дочь Рогнеду, склоняет к предательству воеводу Блуда, в результате чего совершается злодейское убийство брата Владимира — князя Ярополка. В дальнейшем, под влиянием христианского учения, убеждает летописец, князь Владимир преображается, освобождается от пороков.

Чтобы убедить читателя в превосходстве христианской религии над языческой, летописец использует традиционный прием житийной литературы — «совершение чуда». Он рассказывает о том, как Владимир, осадив греческий город Корсунь, дал обет креститься в случае победы над греками. Но когда город был взят, Владимир «разболеся... очима и не видяше ничтоже». Крестившись, он тут же прозрел (988). Мотив совершения чуда при отправлении религиозных обрядов — один из излюбленных в житийной литературе. Он помогает также летописцу противопоставить князю-преступнику, злодею образ «благоверного» князя, «мученика». Так, князю-братоубийце «окаянному» Святополку противопоставлены в летописи Борис и Глеб, добровольно принимающие смерть от его руки. В рассказе 1019 года в противовес ему представлен князь Ярослав, совершающий возмездие за преступление Святополка.

Структура воинских текстов, выдержанных в житийной традиции, осложняется введением рассуждений летописца на богословские темы, включением отрывков из «Священного писания», сравнений персонажей летописи с библейскими героями.

Начиная с записи 1061 года характер воинских рассказов в «Повести временных лет» меняется. И это вполне объяснимо. Если до 1054 года, то есть до смерти Ярослава Мудрого, правление на Руси сохраняло еще свой централизованный характер, то в последующие годы появляется феодальная раздробленность. Русь начинают терзать усобицы местных удельных князей, они становятся основным содержанием воинских текстов.

Описывая многочисленные раздоры, княжеские преступления, удачные и неудачные походы на внешних врагов, летописец заинтересован прежде всего в фактической точности своего рассказа: скрупулезно указывает даты, количество войск, имена убитых, размеры дани и т. д. В центре повествования уже не один князь, а несколько, события переполняют погодные летописные статьи; не укладываясь в одну сюжетную линию, они образуют несколько параллельных, что значительно расширяет объем статей. Сведения о событиях, произошедших в какой-либо год, включаются в текст без всякой сюжетной связи, соединяются чисто механически с помощью формулы «в се же лето». Жанровая чистота воинского текста часто нарушается введением фрагментов иного стилистического характера. Например, в погодную статью 1096 года, являющуюся в целом довольно последовательно выдержанным воинским повествованием, включается «Поучение Владимира Мономаха», объединяющее в себе и наставление детям в виде «кодекса поведения», и описание воинских походов, и богословские рассуждения. В рамках одной погодной статьи вместе с рассказом о воинских событиях встречаются описания знамений — необыкновенных природных явлений, например солнечных затмений, появлений на небосводе комет, предвещающих, по мнению летописца, важные перемены в жизни людей; сюда же включается посмертная «похвала князю» — краткая апологетическая характеристика деятельности умершего князя, молитвы.

Некоторые тексты, начинающиеся как рассказ о воинских событиях, перерастают рамки воинского сюжета. Таково, например, повествование о злодейском ослеплении Василька Теребовльского (1097 г.), Летописный рассказ начинается с описания съезда князей в Любечах, собравшихся с целью «устроенья мира». Решив раз и навсегда прекратить усобицы, князья разделили между собой русские города и «на том целоваша крѣст». Миру и тишине, наступившим на Руси, «ради быша людье вси, но токмо дьявол печален быше о любви сеи», — сообщает летописец. Прибегая к традиционной формуле, летописец объясняет последующие трагические события вмешательством дьявола в дела людей. Он «влезе» в сердце «некоторым мужем», которые внушают князю Давиду, что «Владимир сложился есть с Василком на Святополка и на тя». Преступный замысел возникает в душе Давида. Он «прелсти Святополка» заманить ничего не подозревающего Василька в Киев. Далее в летописи следует описание потрясающих драматических сцен захвата и ослепления Василька. Затем летописец, переходя к типичному воинскому повествованию, рассказывает о походе, предпринятом Владимиром Мономахом с

целью «поправить сего зла». Освобожденный братом Володарем Василек «створи мщенье»: «иде на Давида». Осадив вместе с Володарем город Всеволожь, они «взяста копьем град» и «зажгоста огнем». Рассказ об ослеплении Василька настолько выделяется среди общего летописного повествования своим драматизмом, точной характеристикой психологического состояния героев, что исследователи видят в нем отдельную «Повесть об ослеплении Василька Теробовльского», включенную в «Повесть временных лет» и оформленную в виде летописной погодной статьи. Авторство ее приписывают галицкому попу Василию. Академик Д. С. Лихачев относит ее к жанру повестей о княжеских преступлениях.

Достаточно определенные сюжетные схемы воинского повествования расширяются за счет включения подробного описания сцен совета князя с дружиной, переговоров князей о военных походах, рассказов глазами очевидца о половецком нашествии. В летописный рассказ 1093 года включается полное драматизма описание взятых в плен половцами русских жителей города Торьского.

Подобное обогащение сюжетной схемы воинского повествования, более широкий охват событий, показ взаимоотношений князей, политических мотивов их деятельности, а также формирование определенного набора стилистических формул, символических образов предвосхищают появление воинской повести как жанра, получившего богатейшее развитие в древнерусской литературе.

Усложнение воинских текстов (после 1060 г.), усиление их документального характера связано, вероятно, с тем, что описываемый период истории был современен летописцу, и он, несмотря на необходимость следовать канонам летописания — объективно передавать события, «добру и злу внимая равнодушно», — чуть-чуть реагировал на них, искал им объяснения и оправдания. Во внешне бесстрастном повествовании слышится суровый укор князьям, затевающим бесконечные усобицы: «Не можете погубити Русьские земли. Аще бо възмете рать межю собой, погании имуть радоватися и возмутъ землю пашу, иже беша стяжали отци ваши и деди ваши трудом великим и храбрством».

Масленица в Ростов поехала

В. Д. БОЯРКИН,
Л. И. СТЕПАНОВА

В литературном языке XIX века благодаря стихотворению поэта И. И. Дмитриева (1760—1837) «Эпитафия» (1803 г.) получило распространение выражение *выехать в Ростов* «умереть, не оставив яркого следа».

Здесь бригадир лежит, умерший в поздних летах.
Вот жребий пань каков!
Живи, живи, умри — и только что в газетах
Осталось: выехал в Ростов.

Последние две строки стихотворения почти дословно цитируются писателями XIX века: «На холодной и неблагодарной почве остывают и изглаживаются все следы бытия человека, знаменитого при жизни, но который по смерти оставляет нам, как известный бригадир, разве одно только предание в газетах, что он выехал в Ростов» (Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Т. I. СПб., 1878); «Об ином мало написать целую книгу; о другом достаточно сказать „И только что осталось в газетах: выехал в Ростов“» (Корев. Саввушка).

Историю возникновения выражения *выехать в Ростов* русский писатель Е. А. Салнас связывал со свирепствовавшей в 1771 году в Москве чумой, когда «чумового покойника хоронили тайком, в огороде или в подвале, и в случае огласки клялись и бежились, что у них в доме покойника никогда не бывало и что исчезнувшее лицо выехало из Москвы. При этом большею частью ссылались на одну из застав, где пропуск из столицы был свободен, по дороге на город Ростов» (Бригадирская внучка). Состави-

тели сборника «Крылатые слова» Н. С. и М. Г. Ашукины подвергают сомнению объяснение Салиаса, приводя официальные данные «Описания моровой язвы, бывшей в столичном гор. Москве с 1770 по 1772 г.», изданного в Москве в 1775 г., которое сообщает, что выезд из Москвы во время чумы был разрешен из семи застав.

Не раскрывается происхождение данного фразеологизма и на фоне других выражений со значением «умереть», образованных по распространенной в русском языке структурно-семантической модели глагол движения+топоним. Как правило, топонимы в них означают места обитания душ умерших, заимствованные из библейской и античной мифологии (например, *отправиться в лоно Авраамово*) или связанные с названиями ближайших населенных пунктов, где находятся кладбища [*ехать на Поярковскую дачу* (донск.), *идти в Кокоры* (северно-русск.), *пойти в Дроздово* (псковск.)]. Последние выражения — узко локальные образования, употребляющиеся только местными жителями, в то время как фразеологизм *уехать в Ростов* был известен на довольно большой территории.

Данное выражение встречается в фольклоре. Из записей обряда проводов Масленицы в Московской области (1956 г.) узнаем: «Было жалко Масленицу и потому говорили: „Масленица в Ростов поехала”» (Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов). В середине XIX века А. Архангельский записал в Пошехонском уезде: «Когда же поезд с Масленицей останавливали и просили ее остаться, возница отвечал, что Масленице непременно нужно ехать в Ростов на ярмарку» (там же). Это описание почти дословно повторяет В. А. Балов в «Очерках Пошехонья» (Этнографическое обозрение, № 4, 1901), но уже применительно к концу XIX века.

Характерно сохранение выражения *ехать в Ростов* в ритуальных масленичных песнях. Так, в деревне Куряниново Ярославской области во время сожжения Масленицы пели песню:

Масленица постов,
Поезжай в Ростов,
покупай хвостов,
на пубки, на юбки,
на пугывки.

(Старый быт и хозяйство Переславской деревни. — Труды Переславль-Залесского историко-худож. и краеведч. музея. Вып. I, 1927).

Упоминание о ярмарке не случайно. Ростовская ярмарка, проходившая в середине февраля, была одной из древнейших в се-

веро-восточной России. Самые богатые ярмарки, на которые съезжались крестьяне со всей округи, устраивались на масленицу. В Переславльском уезде дети встречали возвращающихся с базара и спрашивали: «Везешь Масленицу?» (Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды...) Ср. также песню, записанную в деревне Куряниново Ярославской области:

Маслена педеля
В Ростов полетела,
На печечек села,
Оладышек съела,
Другой закусила,
Домой потрусила.

(Старый быт и хозяйство Переславской деревни...).

Сохранились лубочные картинки XVIII века, изображающие различные моменты празднования Масленицы. На одной из них, помещенной в книге Д. С. Лихачева, А. М. Панченко, Н. В. Понырко «Смех в Древней Руси», имеется надпись «Отсутствие Масленицы в Ростов».

По-видимому, выражение *ехать в Ростов* возникло гораздо раньше чумы 1771 года и стало устойчивым в народном обряде проводов Масленицы на территории Ярославской и Московской областей. Значение «умереть» закрепилось благодаря оформлению проводов Масленицы в виде похорон: везли чучело Масленицы на санях, на которых сооружали балдахин или шалаш. Сани и лошадь покрывали рогожами, как во время похорон.

Нужно отметить, что И. И. Дмитриев использовал в интересующем нас выражении глагол совершенного вида *выехать*, придав фразеологизму форму печатавшихся в XIX веке в газетах сообщений о лицах, выехавших из города. В литературном языке XIX века выражение *выехать в Ростов* приобрело дополнительный оттенок значения — «умереть, не оставив яркого следа».

Ленинград

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Можно ли сказать *четырестаметровый газопровод?*»

В. М. Татин, Моршанск

Правильный вариант — *четырёхсотметровый*.

Брульон и черновик

У. Д. ЭСАНОВ

Многие хорошо знакомы с книгой известного пушкиниста С. М. Бонди «Черновики Пушкина». Если бы кто-нибудь из современников Пушкина взял в руки эту книгу, то ее название вызвало бы у такого читателя некоторое удивление, ибо как это ни странно, слово *черновик* еще не было известно русскому языку в начале XIX века.

В романе Л. Н. Толстого «Война и мир», который описывает события начала XIX века, черновик называется *брульоном*: «Она писала ему классически однообразные, сухие письма, которым сама не приписывала никакого значения и в которых, по *брульонам*, графиня поправляла ей орфографические ошибки».

Употребленное здесь в значении «черновик» слово *брульон* (*brouillon* — набросок, черновик) французского происхождения. В популярном в то время «Полном французско-русском словаре...» И. И. Татищева оно объясняется по-русски следующим образом: «Черное; так называются всякие сочинения, на-черно написанные, проэкт, концепт, черновое письмо, в которое записывают всякие купеческие дела».

Надо сказать, что *проэкт* и *концепт* как обозначения черновика в русском языке популярности не получили, а слово *брульон* бытовало в течение долгого времени. Именно его употребил Н. С. Лесков в романе «На пожах», правда, в несколько ином написании: «Гарданов не раз навестил в эти шесть дней Вислеса и слушал его статью в *брульюнах* с величайшим вниманием».

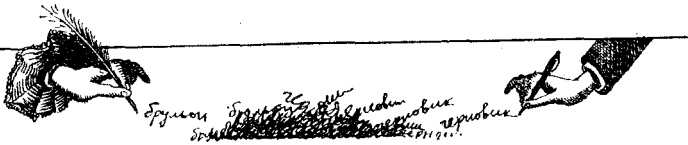
Н. С. Лесков использует его также в письме И. С. Аксакову от 23 декабря 1874 года: «„Захудалый род“ кончать невозможно, даже несмотря на то, что он почти весь в *брульоне* окончен».

Брульон присутствовало на страницах разного рода словарей иностранных слов начиная со второй половины XIX века, в частности, в дополнении к популярному в то время «Полному словарю иностранных слов, вошедших в состав русского языка»: «*Брульон*. Черновая тетрадь» (СПб., 1861). В первые три издания (всего их было двадцать одно) «Полного толкового словаря всех обще-

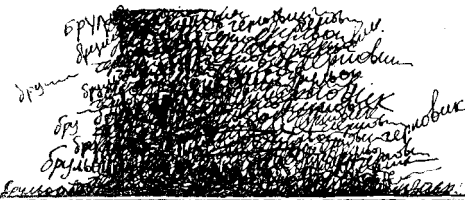
употребительных иностранных слов, вошедших в состав русского языка с указанием корней», Н. Дубровского слово *брульон* не попало, но впоследствии автор решил включить это довольно употребительное тогда слово в состав словаря: *Брульон* «черновая бумага» (М., 1879). В не менее популярном «Карманном словаре иностранных слов» П. Я. Гавкина, кроме слова *брульон* «черновая бумага», приведено и *брульяр* «черновая приходо-расходная книга» (Киев, 1905).

Слово *брульон* фиксировалось и толковыми словарями русского языка. Даже В. И. Даль, как известно, отличавшийся не любовью к иностранным словам, внес уже в первое издание своего «Толкового словаря живого великорусского языка» это слово со значением «черновое письмо, на-черно писанное, начерпеное, набросанное вчерне». Есть у него и *брульяр* «...общая черновая приходорасходная книга, для немедленной записки всего на-черно; памятная».

Первым советским «Толковым словарем русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова *брульон* «черновик» дается уже как устаревшее (М., 1935, т. 1). Вышедший почти в то же время «Словарь иностранных слов» такой пометы не дает, но зато отмечает у слова два значения: 1. «Черновик, черновая тетрадь»; 2. «Черновой набросок картины» (М., 1933).

В 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» первое значение у *брульон* — «Черновой план местности, сделанный в поле в результате съёмки», слово является топографическим термином; второе (устаревшее) — «Черновая тетрадь, черновик».

Итак, современные толковые словари русского языка справедливо отмечают *брульон* «черновик» как устаревшее слово или не приводят совсем (4-томный «Словарь русского языка»).

В значении «черновик» *брульон* уже давно и постепенно вытеснялось как прилагательным *черный*, так и производными от него словами.

Прилагательное *черный* в значении «черновой» чаще всего употреблялось в сочетании с названиями разного рода бумаг. Например, в «Архиве князя Ф. А. Куракина»: «Всякше шесть месяцев надобно *письма черные* разбирать и в пакеты запечатывать». Однако оно было неудобным, так как употреблялось прежде всего для цветообозначений. Поэтому стали использовать слово с другим суффиксом — *черновой*. Оно встречается, например, в «Русско-французском словаре...» Ф. Рейфа (СПб., 1836). Но и эта форма для обозначения черновика вскоре была вытеснена другой — *черновой*, которая несколько раз встречается у А. С. Пушкина: «Разбирая его бумаги, нашел он только первое письмо заседателя и *черновой ответ* на оное...» (Дубровский); «Стихи покамест я бросил и пишу свой *mémoires*, то есть переписываю набело скучную, сбивчивую, *черновую тетрадь*...» [Письмо П. А. Катенину (не позднее 14) сентября 1825 года].

В этих примерах черновики именуются сочетаниями прилагательного *черновой* с существительными *ответ* и *тетрадь*. Но наряду с этим прилагательное *черновой* уже у А. С. Пушкина могло употребляться и без существительного — в форме субстантивированного прилагательного, перешедшего в существительное среднего рода *черновое*: «Смело полагаясь на решение твое, посылаю тебе *черновое* к самому Белому...» [Письмо В. А. Жуковскому, 20-е число апреля (не позднее 25) 1825 года].

Видимо, прилагательные *черный*, *черновой*, *черновой* все же были неудобными для обозначения письменного наброска. И черновики стали получать названия, образованные от этих прилагательных.

Некоторые авторы употребляли, например, существительное *черняк*: «...Какое странное призвание — родиться единственно затем, чтобы перебелить в жизнь до миллиона *черняков*» (Помяловский. Молотов). Это слово встречается даже в начале XX века у М. Горького: «Так вы мне его извините, а рукопись пришлите, ведь *черняк* цел у вас» (Письмо А. А. Дивильскому от 17 октября 1905 года). Слово *черняк*, хотя и было зафиксировано словарями, но как обозначение черновика до наших дней не дошло. Отмечающий его 17-томный «Словарь современного русского литературного языка» содержит по истории этого слова некоторую

неточность, так как объединяет два различных по значению слова, которые фактически являются омонимами: *Черняк* «1. Мужик, крестьянин, чернорабочий; кто ходит нечисто, грязно, всегда замаран. 2. Устар. простор. То же, что и черновик». Вслед за толкованием приведена историческая справка о первой словарной фиксации со ссылкой на В. И. Даля, который отмечал только первое значение. А вот слово *черняк* как обозначение черновика в Словаре В. И. Даля не зафиксировано вовсе.

Конкурентом *черняка* было существительное того же корня *чернетка*, которое встречается, например, у Н. С. Лескова в речи персонажей: «,— А то-то и есть, что нет. Плохо, видно, вас на ваших лекциях учили, если пишете, не взглянув, на чем пишете”.

— Так ведь это все подлог, фальшь...

„Нимало не фальшь, а просто предварительная *чернетка*, которая по миновании надобности посекается и в огонь вметается“» (Русское тайнобрачие, 1871); «Пожалуйте ко мне на днях после вечерни чайку с липовым медом попить, а к тому времени *чернетку* своего послания приготовить авось удосуужусь» (Административная грация, 1893).

Здесь слово *чернетка* вполне понятно читателю по контексту. Важно отметить, что Н. С. Лесков употребляет *чернетка* исключительно в прямой речи героев (в обоих случаях происходящих из духовенства). Но в том же самом рассказе «Административная грация» в речи рассказчика обнаруживается и привычное для нас слово *черновик*: «Перед самым его входом полковник на полуслове оборвал (не дописал. — У. Э.) *черновик* секретного рапорта в столицу...»

Художественные произведения Н. С. Лескова, писавшего во второй половине XIX века, позволяют хорошо проследить историю как ставшего для нас привычным слова *черновик*, так и его ранних синонимов.

По неизвестным причинам слово *чернетка* из русского языка исчезло и не было зафиксировано словарями, хотя его можно найти также и в «Воспоминаниях Андрея Михайловича Достоевского», написанных в 1896 году.

Будущее оказалось не за *черняком* и *чернеткой*, а за ставшим привычным нам словом *черновик*, которое в русском языке начало встречаться в последней четверти XIX века. Наиболее раннее употребление находим в письме А. П. Чехова: «Рукописей я не перебеляю, чаще всего я отсылаю *черновики*» (Письмо П. А. Лейкину от 20 октября 1885 года).

Слово *черновик* впервые попало в толковый словарь только в 1909 году — в третье издание Словаря В. И. Даля (в дополнения,

сделанные И. А. Бодуэном де Куртене): *Черновик* или *черновичок* — «брульон, черновой экземпляр какого-нибудь сочинения или деловой бумаги». Оно прочно закрепилось в нашем языке в начале XX века, вытеснив целый ряд пежизнеспособных конкурентов.

Термез

Рисунок Ю. Гуковой

Носить усы, бороду

А. К. БИРИХ,
В. М. МОКИЕНКО

Сочетания *носить усы*, *носить бороду* всем нам знакомы и привычны. Активно употребляются они и в художественной литературе: «И хотя узенькие, тонкие усы не шли к его широкоскулому рябому лицу, он носил усы...» (Кожевников. Крик в ночи); «Теперь он носил окладистую бороду» (Марков. Строговы).

Внимательный взгляд на эти традиционные сочетания позволяет, однако, отметить и некоторую их необычность. Прежде всего — противоречие между конкретными значениями глагола *носить* и значением существительных, обозначающих волосяной покров. «Словарь современного русского литературного языка» фиксирует следующие основные значения у глагола *носить*: 1. Взять в руки, подняв, нагрузив на себя, перемещать вместе с собой, доставлять куда-нибудь: *носить сумку*; 2. Увлекать с собой силой своего движения: *носить листья (о ветре)*; 3. Заставлять идти куда-либо, влечь, тащить: *А зачем тебя в больницу носило?*; 4. Одеваться во что-нибудь; ходить одетым во что-либо: *носить рубашку*; 5. Иметь какое-нибудь имя, фамилию, звание и т. п.: *носить фамилию*; 6. Иметь, заключать в себе: *В груди кипучий яд нося...* (Пушкин. Полтава).

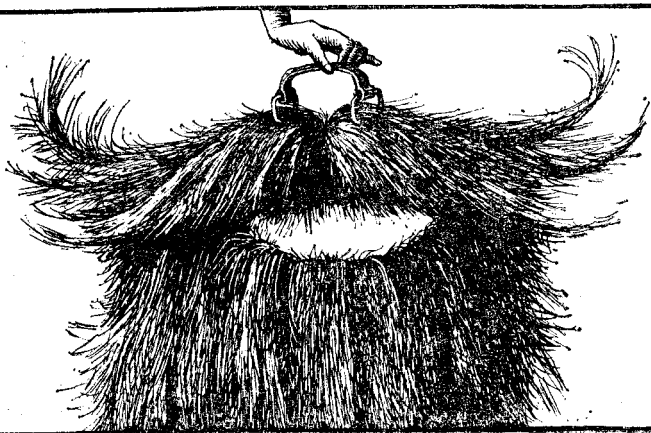
Как видим, сочетаемость глагола *носить* со словами *усы* и *борода* практически не мотивирована его значениями и потому кажется несколько чужеродной.

Это ощущение подкрепляется анализом словарей прошлого века. Единственный случай фиксации сочетания *носить бороду* — в Словаре Даля. Поговорка *Носи бороду на плече* «оглядывайся»

необычна, ибо ситуация «ношения» бороды здесь физически конкретна: ее надо нести на плече, как какой-либо груз. Столь же конкретен и глагол *принести* в пословице *Принес свою бороду на посмешище городу*, включенной в этот же словарь. Насмешливая топальность поговорки и пословицы лишь подчеркивает необычность «ношения» бороды на плече и «принесения» ее на посмешище городу. Ясно, что здесь речь идет отнюдь не о простом обладании бородой, отражаемом сочетанием *носить бороду*.

Материалы словарей и картотек позволяют предположить, что интересующие нас сочетания появились в русском языке не ранее начала XVIII века. Действительно, мы не находим их в «Материалах для Словаря древнерусского языка» И. П. Срезневского, нет их под словом *борода* и в «Словаре русского языка XI—XVII вв.», а первое употребление подобного типа зафиксировано лишь картотеккой «Словаря русского языка XVIII века»: «...несправедливо верить бездельнику., который носит для своего укрытия ложную бороду, кою тотчас я с него и сорвал» (Попов. Немой). Любопытно, что в тексте речь идет не о настоящей, а о ложной бороде.

В XIX веке интересующие нас сочетания с глаголом *носить* употребляются чаще: «[Долохов] не носил усов, как и все пехотные офицеры, и рот его, самая поразительная черта его лица, был весь виден» (Толстой. Война и мир); «Второй субъект был молодой человек довольно красивой наружности... Он носил усы, что давало ему вид отставного военного, и держал себя даже излишне приветливо» (Салтыков-Щедрин. Губернские очерки). Пока-

зательно, что и в этих контекстах борода и усы рассматриваются как нечто вторичное, относящееся к моде.

Возникает вопрос, какой же глагол употреблялся в сочетании с существительными *усы* и *борода* прежде. На этот вопрос дают ответ картотека «Словаря русского языка XVIII века» и материалы народной речи: «имеют великия бороды» [Крашенинников. Описание Земли Камчатки (1755)]; «Был он великий делец... и хаживал еще в бороде» [Записки А. Т. Болотова (1738—1795)]; «Когда вошла в горницу, то увидела человека совершенных уже лет, имевшего долгие вьющиеся усы и орлиный нос» [Чулков. Пригожая повариха... (1770)]; «Старик..., привыкнув еще тогда ходить в усах, не хотел и по смерть расстаться с оними» (Записки А. Т. Болотова); «Я воображал его, как он в бороде и в непричесанном парике сидел в ложе...» [Карамзин. Письма русского путешественника (1797—1801)]. Такое же употребление слов *усы* и *борода* фиксирует и Словарь Даля. Отразилось оно и в пословицах и поговорках: *Ты с бородой, да и мы сами с усами; Не трясى головой, не быть с бородой.*

Как видим, в прошлом веке сочетания *быть (ходить) с бородой, с усами или в усах, в бороде* не просто конкурировали с оборотами *носить усы, бороду*, а имели семантическую специфику: первые обозначали естественный, «свой» волосяной покров, вторые — либо ложный, фальшивый, либо представляющий дань моде, как правило, иноземной. Не случайно именно оборот первого типа используется в тексте законов эпохи Петра I, направленных против ношения бороды и усов на русский манер: «А буде кто бород и усов брить не похотят, а похотят ходить с бородами и усами, и с тех имать... по 100 рублей с человека» [Полное собрание законов Российской империи (1705)].

Это противопоставление ярко отражено и в некоторых контекстах: «— Обрейте бороду,— сказала она (Марфенька Райскому),— вы будете еще лучше. Кто это выдумал такую нелепую моду — бороды носить? У мужиков переняли! Ужели в Петербурге все с бородами ходят?» (Гончаров. Обрыв). Здесь мы видим оба сочетания: *носить бороду и ходить с бородой*, причем первое опять-таки связано с модой.

В прошлом веке это семантическое отличие ощущалось еще и как противопоставление «своего» и «чужого». Не случайно у А. С. Пушкина в усах *ходит* русский исправник, а бороду *носят* турецкие паши: «Исправник, высокий и толстый мужчина лет пятидесяти с красным лицом и в усах, увидя приближающегося Дубровского, крикнул и произнес охриплым голосом...» (Дубровский); «Я всегда воображал себе турков людьми необыкновенными;

но мое доброе о них мнение усилилось с тех пор, как я на них посмотрелся. Они большею частью красивы, носят бороду не столь длинную, как у капуцинов, но снизу четырехугольную и холят ее, как мы холим лошадей» (Записки бригадира Моро де Бразе, касающиеся до турецкого похода 1711 года).

Вторая цитата из Пушкина весьма показательна не только потому, что речь идет о «модной» для турецких шапей бороде. Эти «Записки...» — перевод поэтом мемуаров Моро де Бразе — иноземного наемника, француза, приехавшего в Россию искать фортуны во времена Петра I. Перевод — с французского, возможно, и объясняет употребление оборота *носить бороду* вместо *ходить в бороде*.

При появлении сочетаний *носить усы, бороду* и дальнейшем их употреблении, видимо, постоянно ощущались два момента: «накладность» бороды и усов и их принадлежность моде. Ср.: «Он (князь) носил парик, усы, бакенбарды и даже эспаньолку, — все, до последнего волоска, накладное и великолепного черного цвета; белился и румянился ежедневно» (Достоевский. Дядюшкин сон). Это подтверждают и материалы картотеки «Словаря русского языка XVIII века», где глагол *носить* регулярно сочетается с другими существительными, обозначающими накладные волосы: «Головы и усы бреют и носят волосы накладные великие и zelo изрядные» (П. А. Толстой. Путевые записи 1697—1699 гг. — о жителях Венеции); «Вместо главных волос носят паруки, будто немцы погань» (Русские интерлюдии XVIII в.). Показательно, что и ношение накладных волос — как и ношение бород и усов (а не «хождение» в них) — постоянно ощущается как нечто иноземное, нерусское. Это ощущение иноземности сохраняется и в некоторых контекстах XIX века: «Бороду... он брил и волосы носил по-немецки» (Тургенев. Одино дворец Овсяников).

Все сказанное наводит на мысль, что сочетания глагола *носить* с существительными, обозначающими волосистой покров, являются заимствованиями из другого языка. Мы уже видели, что в «Записках бригадира Моро де Бразе» у Пушкина употребление такого оборота могло быть калькой с французского, где известны сочетания *porter la barbe, la moustache* «носить бороду, усы». Известны такие сочетания и в других европейских языках — например, в английском и немецком: англ. *to wear one's hair long (in a braid, curled)* «носить длинные волосы (косы, локоны)»; нем. *Bart, Schnurrbart tragen, fremden Haar tragen* «носить бороду, усы, носить чужие волосы».

Из какого же языка могли быть калькированы эти сочетания в русский?

Ответ на этот вопрос помогает дать хронология. Поскольку сочетания *носить парик, долгие, накладные волосы* и под. употребляются уже с начала XVIII века, в эпоху петровских реформ, то вероятнее всего предположить немецкое влияние, которое тогда было наиболее интенсивным. В немецком языке известен широкий ряд аналогичных словосочетаний: *Bart tragen* «носить бороду»; *Schnurrbart tragen* «носить усы»; *Backenbart tragen* «носить бакенбарды»; *Parücke (Perücke) tragen* «носить парик»; *falschen Haaren tragen* «носить фальшивые волосы»; *fremden Haar tragen* «носить чужие волосы» и т. д. По свидетельству толкового словаря Якоба и Вильгельма Гриммов, эти сочетания издавна бытуют в немецком языке (они фиксируются начиная с XVI века, *носить парик* — с XVII века). На заимствование из немецкого указывает, в частности, и Немецко-латино-русский лексикон Вейсмана (1731 г.), в котором находим: *Parücke* «кудри, волосы накладные»; *der eine trägt Parücke* «парик носящий». Косвенным свидетельством в пользу заимствования этих сочетаний из немецкого является и слово *парикмахер* (нем. *Perückenmacher*, устаревшее, буквально «делатель париков»).

Все сказанное позволяет, на наш взгляд, с достаточной уверенностью утверждать, что сочетания *носить усы, носить бороду* являются заимствованиями из немецкого языка. Относительно поздняя фиксация (XVIII век), отсутствие их в древнерусском языке и русских пародных говорах — аргументы в пользу заимствования.

Вместе с тем быстрое освоение их русским языком объясняется тем, что как в разговорной речи, так и в книжной традиции глагол *носить* издревле оторвался от конкретно физической семантики и мог употребляться в сочетаниях, близких к *носить бороду, усы* и под. Таковы *носить голову высоко, носить голову на плечах* (ср. *головы не сносить*), *заносить руку, уносить ноги* и т. д. В древнерусском языке глагол *нести* сочетается со словами *плоть, нагота, уста, целомудрие* (материалы картотеки «Словаря древнерусского языка XI—XIV веков»). В источниках XIV и рубежа XVII—XVIII веков встречаются сочетания *долгы власи носити* и *носить волосы долги*: «И инии паки блгверца быти мнять еже долги власи носити» (Папдекты Никова Черногорца, список XIV века, картотека ДРС); «А веры никакой нет, только одне шаманы, а у них шаманов различье с иными иноземцы: носят волосы долги» (Две «скаски» Вл. Атласова об открытии Камчатки — 1770 г., картотека словаря XVIII века).

Именно такие расширительные употребления глагола *носить* и подготовили освоение русским литературным языком заимство-

важных из немецкого сочетаний *носить усы, бороду*. С течением времени они вытеснили широко бытовавшие прежде *быть (ходить) в усах, в бороде*. И лишь несколько необычная сочетаемость глагола *носить* с существительными *усы* и *борода* еще указывает нам на их иноязычный характер.

Ленинград

Рисунок Ю. Гуквой

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Каково происхождение слова *торт*?»

Ш. Хабаров, Новосибирск

Существительное *торт* заимствовано из итальянского языка, возможно, через немецкое посредство, в начале XVIII века. Итальянское *torta*, немецкое *Torte* — «торт», восходят к латинскому *torta*, что значит «круглый хлеб», являющемуся причастием от *torquere* — «крутить» (см.: Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шапская. Краткий этимологический словарь русского языка).

«Меленколия, которая болезнь называется хипохондрия»

Е. С. ОТИН,

доктор филологических наук

Когда после московского пожара 29 мая 1737 года в губернской канцелярии начала работать следственная комиссия, которая вела расследование причин пожара и устанавливала, какое участие в его тушении принимали служащие различных учреждений, один из них — прокурор Камынин в оправдание своего отсутствия на пожаре заявил (что и было подтверждено лечившим его лекарем, вызванным на допрос), что «в то пожарное самое время» у него «была болезнь в левом боку, жар в голове и меленколия, которая болезнь называется хипохондрия» (Памятники московской деловой письменности XVIII века. М., 1981).

У современного читателя такой мотив отказа от активных действий может вызвать лишь улыбку, ибо меланхолию мы воспринимаем теперь как временное состояние уныния, беспричинной хандры (если, конечно, это не затяжная душевная болезнь). А между тем наши предки многие свои внутренние болезни именовали *меланхолией*, или *ипохондрией*. Нередко оба эти слова воспринимались как синонимы и даже употреблялись рядом.

Согласно некоторым документам по медицине, относящимся к XVII веку, объективные и субъективные симптомы *меланхолии*, или *ипохондрии*, очень далеки от тех, которые мы связываем с данным заболеванием сейчас. Так, в диагнозах, установленных в 1679 году «дохтуром» Блюментростом, отмечается, что болезнь эта у его пациентов «подступает под серцо, и одышка великая, и дыхание занимает, и в голове обморок». И еще: «приходит пар от селезенки и приступает к серцу и к голове, и от того у него намети долгое время нет и не узнает людей» (Материалы для истории медицины в России. Вып. I, СПб., 1881).

К заболеванию меланхолией, по мнению врачей XVI—XVII веков, приводили очень разные внешние по отношению к человеку и внутренние причины. Первыми могли быть, например, не замерзающие зимой «воды багистые», то есть болотные.

Считалось, что от них летом возникает холера и что они «множат меланхолию» (Назиратель. М., 1973). Возбудителями *меланхолии* (*мелянколии*) могла быть капуста (там же) и даже говядина — «коровье мясо» (Флоринский В. М. Русские простонародные травники и лечебники. Собрание медицинских рукописей XVI—XVII столетия. Казань, 1879). Внутренними причинами этой болезни медицинская наука того времени считала, например, «умножение флегмы», «густую кровь» или ее «густые вологости» (Назиратель; Флоринский В. М. Указ. соч.).

В это время *меланхолия* (*ипохондриа*) воспринималась как тяжелая болезнь с нечетко устанавливаемыми причинами и внешними проявлениями. Постоянным признаком ее было лишь удрученное состояние больного. Неудивительно, что слово *меланхолия* врачами XVI—XVIII веков употреблялось как своего рода универсальное название для многих разнохарактерных внутренних болезней. Допускалось также, что эта болезнь может иметь летальный исход. Так, по мнению известного дипломата Петровского времени В. Куракина, «скончался *меленколиею*» его сын Александр (Архив князя Ф. А. Куракина. Кн. I, 1890).

Оба синонима этой внутренней болезни — *меланхолия* и *ипохондриа* восходят к греческим словам *melancholia* «черная желчь» и *ipochondria* «часть живота ниже грудной кости или хряща» (*hondros* — «хрящ»). Сравните интернациональный словоэлемент *гипо-* из греч. *huro* «внизу, под», встречающийся в терминах *гиподинамия*, *гипотермия*, *гипотония* и др. Согласно учению Гипократа, данное заболевание было вызвано чрезмерным разлитием выра-

батываемой селезенкой желчи, или *черной желчи*, в подреберной части живота, которая именовалась (*г*)*ипохондрией*. В русский язык оба слова попали через западноевропейские языки (в первую очередь — через немецкий), куда, в свою очередь, проникали из латыни — языка средневековой науки, несколько изменившего их первоначальный звуковой облик. Позднее в акающей разговорной русской речи из вторичной глагольной формы *похондрить*, вероятно, образовалось слово *хандра*.

Так как считалось, что в порождении данной болезни участвовала селезенка, в некоторых западноевропейских языках для обозначения заболевания использовалось греческое слово *сплен* «селезенка», которое затем (через английское *spleen* «хандра») проникает в русский язык. Интересно, что «Словарь церковнославянского и русского языка» (СПб., 1847) объясняет *сплин* в первую очередь как «болезнь селезеночную», а потом уже как «ипохондрию, хандру».

В конце XVIII—начале XIX века бытовал анатомический термин *ипохондры*, обозначавший «верхние боковые части живота с левой и с правой стороны, почитаемые главным жилищем ипохондрии» (Яновский. Н. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. Ч. I, 1803). Кроме того, встречались и собственно русские эквиваленты данного термина: *вздохи*, *вздухи*, *вздох*, *подвздох* и *подреберные боки* («Анатомико-физиологический словарь...» Нестора Максимовича-Амбодика. 1783). Таким образом, в русском языке XVI—XVIII веков (как, впрочем, и в ряде других европейских) оказалось два совпадающих по смыслу медицинских термина, имевших разное этимологическое значение: первый из них (*меланхолия*) вначале указывал на активное участие в заболевании одного из «соков» организма — «черной желчи», другой же (*ипохондрия*) — на местонахождение («жилище») самой болезни. Вхождению этих слов в русский язык способствовали лекари-иностранцы — «немчины», англичане, голландцы и другие, которые приглашались в Россию для обслуживания главным образом царского двора.

В памятниках XVI—XVII веков наблюдаются следующие варианты названия болезни: *мелавхолия*, *меланколия*, *меланколиева*, *меланколиева кручина*, *меланколиева болезнь*, *гипохондрия*, *ипохондrium*, *ипохондрика*, *хипохондрика*. Значение слов *меланхолия* и (*г*)*ипохондрия* в XVII веке полностью совпадало. Сравните: «*хипохондрика*, именуемая и *меланхолия*» (Матерьялы для истории медицины...), «*гипохондрия* и *меланхолия*» как название одной и той же болезни встречаем в «Жизни князя Бориса Куракина» (Архив князя Ф. А. Куракина) и т. д. Вместе с тем с данными

терминами греко-латинского происхождения в русском языке XVII века в синонимической связи был и целый ряд собственно русских наименований этой внутренней болезни, например: *кручина* («меланхолия сиречь кручина»), *черная кручина*, *великое уныние*, *уныние*, *тоска* и др.

Следующим этапом в смысловой и словообразовательной истории интересующих нас слов был XVIII век. В это время *меланхолия* начинает употребляться для обозначения временного состояния души (уныния, неудовлетворенности и тоски), вызванного какой-то внешней причиной, а не болезнью организма, его внутренних органов. Один из ранних случаев подобного употребления этого слова мы находим в «Жизни князя Бориса Куракина», где сообщается, что князь «был в великой *меланхолии*» из-за того, что «не имел аж 50 червонных», чтобы доехать из Вены в Гамбург, но затем раздобыл их и оттого «незапно... счастье получил» (Архив князя Ф. А. Куракина). Здесь *меланхолия* означает уже только «огорчение». В «Российском целлариусе, или Этимологическом российском лексиконе...», изданном Ф. Гелтергофом (М., 1771), рядом с немецким словом *die Melancholie* стоит его русское соответствие — *грусть*. Известный лексикограф второй половины XVIII века Кириак Кондратович в своем «Польском общем словаре... на российский язык переведенном» (СПб., 1775) толкует интересующее нас слово как «меланхолия» и «задумчивость». И если Б. Куракин, сподвижник Петра I, принимал от меланхолии, или ипохондрии, «кислые капли» и ездил лечиться от нее на «горячие воды» Карлсбада (Архив князя Ф. А. Куракина), то князь М. М. Щербатов в своем письме к сыну в 1789 году уже писал, что лучшим лекарством от *ипохондрии* считает «nero и чернила», что «дурить» ей, ипохондрии, не позволяет «работа и беспрестанное упражнение мыслей» (Памятники московской деловой письменности XVIII века).

Его современник Н. М. Карамзин лучшим средством избавления от ипохондрии провозглашает путешествия: «Путешествуй, *ипохондрик*, чтобы исцелиться от своей ипохондрии!» (Письма русского путешественника).

В интересующих нас словах происходит, с одной стороны, параллельное развитие их смыслового значения — как медицинского термина (название болезни) и как синонима слова *печаль*, а с другой — дифференциация значений. Очень показательны в этом отношении объяснения, которые даются данным терминам в «Новом словотолкователе, расположенном по алфавиту» П. Яновского. *Ипохондрия* толкуется здесь как «степень меланхолии». «Болезнь сия, — продолжает он, — есть (...) у мужчин, что у женщин исте-

рика», то есть медики того времени считали *ипохондрию* болезнью «мужчинам свойственной».

К концу XIX— началу XX века произошло уже более четкое смысловое размежевание этих медицинских терминов. В течение XIX века становится все меньше сторонников старой теории о том, что *ипохондриа* (*меланхолия*) вызывается только болезнью внутренних органов.

Со временем в европейской и русской медицине устанавливается взгляд на *меланхолию* как на «болезненную тоску», «подавленное состояние духа», а на *ипохондрию* — как на «чрезмерный страх за свое здоровье», болезненную мнительность, чреватую переходом в настоящую душевную болезнь. Ипохондриа и меланхолия от хирургов и терапевтов постепенно переходят в ведение психиатров.

Огромную роль в истории слова *меланхолия* вне терминологической сферы его употребления сыграла поэтика сентиментализма с его культом грусти, сердечной скорби, мечтательной задумчивости. И не только сентиментализма. Прозаики и поэты первой четверти XIX века, особенно Жуковский, Карамзин и карамзинисты, к которым был близок и молодой Пушкин, очень ценили это душевное состояние. «Во времена Пушкина,— пишет академик Д. С. Лихачев,— ценилась „меланхолия“. Сейчас мы плохо представляем, что подразумевалось под этим словом. Мы думаем теперь, что меланхолия порождается пессимизмом, равняется пессимизму. А между тем она была порождением эстетического преобразования всего того печального, трагического и горестного, что неизбежно в жизни. Меланхолия была „поэтическим утешением“, и это очень важно почувствовать, чтобы понимать поэзию Пушкина, особенно посвященную природе» (Лихачев Д. С. Земля родная. М., 1983).

Выдающийся представитель русского сентиментализма Н. М. Карамзин в 1800 году пишет свое известное стихотворение «Меланхолия», которое, по словам Д. Д. Благого, является едва ли не самым «художественно-выразительным» произведением поэта (Благой Д. Д. История русской литературы XVIII века. М., 1951). *Меланхолия* характеризуется в нем как «страсть нежных, кротких душ, судьбою угнетенных, несчастных счастье и сладость огорченных». В «Письмах русского путешественника» Карамзина и в порожденной ими серии подражательных «сентиментальных путешествий», в русской сентиментальной повести конца XVIII— начала XIX веков, в поэзии В. А. Жуковского и его последователей, культивировавших в своем творчестве «унылую элегию» (Дельвиг, Баратынский, Плетнев, молодой Пушкин), а также в произведени-

ях их многочисленных эпитетов часто встречается образ мечтательного «меланхолика», упоминается о «томной меланхолии» и «меланхолическом уединении». В 1796 году в Москве выходит книга П. В. Победоносцева с очень характерным названием — «Плоды меланхолии, питательные для чувствительного сердца».

Итак, в языке художественной литературы конца XVIII—первой трети XIX века завершается наметившийся ранее процесс изменения значения слова *меланхолия*, выход его за пределы медицинской терминологии. Оно перестает быть названием внутренней болезни и становится очень популярным словом, обозначающим душевное состояние человека. Характерно, что писатели этого времени для выражения тех же переживаний весьма редко используют его синоним — *ипохондрия*, что, видимо, связано с большей звуковой выразительностью первого слова (в нем имеется два плавных звука *л*), к чему, естественно, восприимчивы художники слова, особенно поэты.

В разговорной речи слово *меланхолия* подвергается различным звуковым искажениям и переосмыслениям. Народной этимологии, выразившейся в формальном сближении прилагательного *меланхоличный* с наречием *мало* и глаголом *холить*, обязано своим возникновением диалектно-разговорное слово *малохольный* или *малахольный* (Словарь русских народных говоров). Этому сопутствовал смысловой сдвиг: «печальный, грустный, удрученный» — «ненормальный, умственно неполноценный, глупый, больной, дефективный». Не исключено, конечно, что прилагательное *малохольный* возникло на базе когда-то существовавшей народно-разговорной формы *малохолия* (из *меланхолия*). В русских народных говорах существует выражение *Афоня малахольный*. Так называют в народе человека неуклюжего, неудачника и горемыку.

Таковы основные вехи истории рассмотренных нами слов. Отмеченные выше особенности функционирования слова *меланхолия* в художественной речи привели к тому, что в современном русском языке в своем нетерминологическом употреблении оба слова — *меланхолия* и *ипохондрия* — выявляют некоторые различия. Первое из них обозначает меньшую степень депрессии, чем второе. Слово *меланхолия* широко известно, *ипохондрия*, как правило, встречается в книжном и научном языке, в профессиональной речи врачей-психиатров.

Донецк

Рисунок Ю. Панипартовой

Выходит замуж, жениться на...

М. А. ШЕЛЯКИН,
доктор филологических наук

Указанные фразеологически связанные сочетания интересны своим лексическим составом и разными падежными формами с точки зрения отражения в них стародавних представлений о вступлении в брачные отношения и пребывании в браке. Прежде всего обращает на себя внимание то, что, в отличие от ряда других языков, в которых лексически не обозначается разница брачных отношений в зависимости от пола лица, русский язык различает тех, кто вступает в брак, и тех, кто находится в браке: *она выходит (или ее выдают) замуж и пребывает замужем, а он женится (или его женят), берет в жены и является женатым*. Это объясняется исторически разными представлениями о положении супругов в результате заключения брака: женщина, вступившая в брак, оказывается в зависимом положении от мужа (*замуж, замужем*), мужчина же, вступая в брак, буквально «наделяется женою» (*женится*).

Современное слово *замуж*, ставшее уже наречием, восходит к предлогу *за* + винительный падеж в функции указания на лицо, которому отдается что-либо в обладание, подчинение (видимо, из первичного пространственного значения «направить что-либо за предмет»). Приведем примеры из древнерусского языка: «Аже в боярех любо в дружине, то *за князя* задница (наследство) не идет», «Отпустил я... вотчинную свою крестьянскую девуку... на вывод за Васильева крестьянина Суворова в деревню Хавурова». Таким образом, существительное *муж* (супруг) в слове *замуж* представляет собой старую форму вин. пад. (когда еще не было грамматического противопоставления одушевленных/неодушевленных существительных муж. рода), и *замуж* буквально означает «становиться в состоянии зависимости, подчиненности от мужа» (супруга). О том, что слово *замуж* имело именно наречное

значение социального состояния, свидетельствует встречающееся в старых русских песнях употребление этого слова с предлогом *в* (ср. *быть в состоянии, быть в гневе* и т. д.): «Мило мое дитяtko, Мы хотим тебя взамуж отдать, Мы хотим тебя взамуж отдать За удала добра молодца». В соответствии с направленным отношением «становиться в состоянии зависимости от мужа» употребляется и сочетание *быть замужем* с бывшим твор. пад. в функции указания на пребывание женщины в этом состоянии, положении (ср. пространственные отношения: *выйти за дверь — стоять за дверью, а также долг за мной*).

В каком же значении употребляются глаголы *вы(от)давать/выходить* в рассматриваемых сочетаниях? На первый взгляд может показаться, что они имели конкретное «дательное» (дать кому-то что-то) или пространственное значение и отражают какие-то конкретные ситуации в качестве знакомых элементов свадебного обряда (ср. выражение *отдать руку*, обозначавшее один из элементов венчания). На самом деле это не так, ибо конкретные значения не могли сочетаться с отвлеченным значением слова *замуж*. Кроме того, в описаниях старых свадебных обрядов мы не нашли знаковых ситуаций, связанных именно с конкретной «передачей» невесты (ср. отсутствие дат. пад. при *выдавать замуж*) и ее пространственным «выходом» откуда-либо (ср. отсутствие пространственных предлогов со значением «откуда» при *выходить замуж*). Следовательно, глаголы *вы(от)давать/выходить замуж* имеют в данных сочетаниях другие значения, соответствующие отвлеченному значению *замуж*. Таким значением для *вы(от)давать* было «предоставлять в чье-либо распоряжение, владение, в чьи-либо руки» (ср. *отдать в его распоряжение*), при котором вторичное употребление предлога *за* (*выдавать замуж за кого-либо*) указывает на конкретного обладателя. Это значение глагола подтверждается свадебными песнями: «Отдает он милу дочерь Во чужие во люди И во крепкие руки», «Маменька, маменька, Государыня, боярыня моя! Отдаешь меня, маменька, Во чужу люди, незнамые, Во незнамы, незнакомые!».

Откуда же *выходят замуж за кого-либо*? Само сочетание об этом ничего не говорит, и уточняющих языковых указаний на этот счет ни памятники, ни фольклорные песни не содержат. Однако отсутствие таких указаний свидетельствует о том, что глагол здесь имеет отвлеченное значение «выхода из девичьего (социального) состояния жизни и перехода в состояние зависимости от мужа», ср. сочетания *выйти в люди, выйти в отставку, выйти на пенсию* и пр. Что понимали под прежним девичьим состоянием, положением, можно судить по свадебным песням:

«Одевши, Марья-душа за стол села, За стол села девица, заплакала: „Как-то девице с теремом расстаться, С батюшкой, с матушкой расстаться? Приедет Памфил с своим поездом!“»; «Отставала Аннушка Прочь от батюшки, от матушки, Прочь от братиц, от сестриц, От велика рода-племени». Девичье положение в свадебных песнях часто ассоциируется со свободной, вольной жизнью, противопоставленной зависимой жизни в замужестве. В одной из песен будущий муж (сокол) так «унижает» плачущую Дунюшку: «Ты не плачь-ко, не плачь, Дунюшка, Ты не плачь-ко, не плачь, Антоновна, У меня жить будет лучше, Жить вольнее да гульнее. Куды пойдешь, ты спросися, Откуль придешь, ты скажися»; «Это черт у тя, не нега! Мне у батюшки жить лучше, Мне у батюшки жить лучше, Жить вольнее да гульнее, Куды пойдю, не спрошуся, Откуль приду, не скажуся». В другой песне — свадебном причитании говорится: «Я жила-то, красна девица, У вас, мои родители; Я жила да красовалася, Мое сердце радовалося, Как пчела в меду купалася! Я не знала, красна девица, Как ни раннего вставаньца, Как ни позднего лежаньца, Ни грубого побужденьца...»

Обратимся к анализу сочетаний, обозначающих акт вступления в брак и пребывание в нем мужчины. Глагол *женить* несомненно образован от существительного *жена* и буквально обозначает «наделить/наделять мужчину женой и тем самым способствовать переходу его в семейное положение супруга», ср. аналогичные по словообразовательному типу глаголы *соль* — *солить* (буквально «наделять солью и тем самым делать что-либо соленым»), *смола* — *смолить* и др., ср. также образование *женатый* от *жена* при помощи суффикса *-ат-ый* в значении «быть наделенным тем (иметь то), что названо в производящей основе» (ср. *роза* — *рогатый*, *горб* — *горбатый*, *усы* — *усатый* и др., древнерусское слово *мужатая* — «замужняя женщина» от *муж*).

В соответствии со значением *женить* «наделит женой» существительное со значением конкретного лица «наделения» должно стоять в форме твор. пад. в функции указания на объект, направленный на связь с другим объектом, или иначе — в функции «посредством чего-либо наделит», ср. *засеять поле овсом*, *наградить орденом*, *оклеить стену обоями* и под. Такое управление у глагола *женить* и было в старославянском и древнерусском языках: «Аще ли тако же погыбнете и оженетеся женами сверспами», «Тое же зимы оженися князь Ярославич Андрей Даниловноу Романовича» (Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка). В дальнейшем глагол *женить* стал употребляться только с предлогом *на* + местный пад. (*женить/ся/ на ком-либо*),

так как твор. пад. одушевленных существительных здесь, видимо, мог восприниматься в значении лица, которое женит. Предложный падеж в данном сочетании скорее всего был употреблен в уже исчезнувшем из языка значении лица как объекта, служащего сферой (буквально — местом) деятельности, проявления действия. Ср. «Михаило створив прелесть (обман) на Даниле» (Там же), ср. также фразеологизмы *сорвать зло, гнев, сердце на ком-либо* — буквально «сорвать (с себя) зло, гнев, сердце в сфере, в условиях данного лица». Таким образом, сочетание *женить(ся) на ком-либо* означало первоначально «наделить(ся) женой в сфере данного лица» и отражало известный факт перехода жены в дом мужа (а не наоборот), в зависимое от него положение. Однако в связи с потерей буквального, словообразовательного значения у глагола *женить*, чему способствовало и новое падежное управление, глагол *жениться* стал употребляться и по отношению к двум супругам, но только в возвратной форме: ср. «— Когда женимся,— продолжал он,— то пойдем вместе в деревню, дорогая моя, будем там работать!» (Чехов. Невеста). Такое употребление свойственно в современном языке и краткому прилагательному *женаты*: про мужа и жену говорят *они уже три года женаты*.

В словообразовательном отношении интересно существительное *жених*. Оно образовано не от существительного *жена*, а от двувидового глагола *женить*, а именно от основы несовершенного вида, отсюда значение слова *жених* — «лицо, еще не ставшее, но находящееся в процессе становления быть супругом».

Тарту

От мала до велика

Н. Д. НАСИЛОВА

Многие широкоупотребительные устойчивые обороты русского языка ведут свое начало с давних пор и имеют длительную историю.

В некоторых случаях, когда свободное сочетание слов вследствие частого употребления стабилизируется, можно наблюдать как бы рождение устойчивого оборота.

Так случилось с устойчивым выражением *от мала до велика*,

зарегистрированным современными словарями русского языка в значении «все без различия возраста, и взрослые и дети». Этот древнейший оборот подвергся значительной семантической эволюции, связанной с утратой определенных значений, которые были свойственны компонентам этого словосочетания в древнерусском языке.

Слова *малый* — *мал* и *великий* — *велик* противопоставлялись друг другу во многих отношениях. Наряду с другими они являлись также носителями социального содержания и входили в состав терминов, обозначающих социальные разряды в древней Руси. Господствующие классы, то есть богатая и родовитая знать, князья, бояре и приближенные к ним, характеризовались терминами (люди) *богатые*, *высокие*, *большие*, *великие*, *ближние* и др. В категорию эксплуатируемых классов, то есть людей простых, бедных, подчиненных, входили люди *малые*, *мелкие*, *меньшие* и другие (См. Кочин Г. В. Материалы для терминологического словаря древней Руси. М.—Л., 1937). И. И. Срезневский в словарной статье «Малый» (Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1895, т. 2) выделяет в качестве одного из значений этого слова — «простой», «незнатный». Слова *малый*, *меньший*, *великий*, *большой* в древнерусском языке часто употреблялись в социальном смысле. Особенно употребительны были антонимы *малый* (*мал*) — *великий* (*велик*) в словосочетании *от мала до велика*, отмеченном И. И. Срезневским.

От мала до велика раскрывает свою семантику в социальном плане, чаще всего являясь уточняющим определением слов *все*, *все люди*, *весь народ*, *воины*, *дружина*, *мужи*, *дворяне*: «Уведавшие же смерть князю Ростовци и Суждальци и Переяславци, и вся дружина от мала и до велика съехашася к Володимерю и реша...» (Летопись по Ипатьевскому списку. Изд. Археографич. комиссии. СПб, 1871).

От мала до велика не было полностью изолировано от других словосочетаний с этими антонимами в этом же значении. Встречались *мал* и *велик*, *ни мала ни велика*, *малу и велику*, *малые с великими*, *малые и великие*. Однако среди всех случаев употребления в ранних памятниках антонимов *малый* — *великий* словосочетание *от мала до велика* оказалось наиболее живучим и превратилось с течением времени в почти обязательную в соответствующих случаях характеристику.

Конкретные значения слов в этом словосочетании раньше воспринимались очень живо, поэтому возможны были замена одного из компонентов синонимом, перестановка слов и внесение уточняющих слов или союза и: «От велика дажь и до убога»

(Новгородская летопись старшего и младшего изводов. АН СССР, 1950).

В словосочетании *от мала до велика* антонимы *мал* и *велик* выступают на правах имени существительного. Перед нами редкий случай сохранения в языке архаической грамматической формы, так называемого субстантивированного имени прилагательного нечленной формы. Эта форма сохранилась до наших дней в таких устойчивых выражениях, как *стар* и *мал*, в поговорке *мал мала меньше*, в пословице *не по хорошу мил, а по милу хорош*.

Прослеживая далее семантическое развитие этого словосочетания, убеждаемся, что слова, входящие в него, продолжают оставаться носителями социального содержания довольно долгое время. Вот пример, относящийся к XVI веку: «Не твоя б государственная милость и яз бы што за человек? Ты, государь, аки бог и мала и велика чинишь», то есть создаешь (Первое письмо думного дворянина В. Грязного Ильина царю Ивану IV Васильевичу из Крымского плеча).

Уяснению социального смысла слов *малый* — *мал* и *великий* — *велик* помогают соседствующие с ними слова: «Не толик малем худород всяко от дел студ, елико велицем и благороднем от словес срам», то есть не таков стыд малым и всяким худородным за дела, как великим и благородным за слова (О князе Вас. Шуйском-Скопине).

В этом же значении назвапные антонимы выступают и позднее, в конце XVIII века: «Великие и малые люди равно бывают подвержены внутреннему угрызению совести, коль скоро делаются преступниками» (Крылов И. А. Почта духов).

В современном языке старинная семантика слов *малый* — *мал* и *великий* — *велик* почти утратилась и восстанавливается в редких случаях.

Опорой смысловых изменений, которые произошли в обороте *от мала до велика*, явилось, по-видимому, слово *малый* — *мал*, имеющее также значение «ребенок, недоросший, молодой». Слова *малый* — *мал* в этом случае вступали в различные сочетания со своим антонимом *старый* — *стар*: «А противу послуха ответчик будет стар, или мал, или безвечен, или поп, или чернец, или черница, или жонка, ино противу послуха наймит наняти волно, а послуху наймиту нет», то есть против свидетеля ответчик может быть стар или мал, или покалеченный, или поп, или монах, или монашка, или женщина, так им против свидетеля можно нанять наемника (заместителя), а свидетель нанять наемника не может (Судебники XV—XVI веков, М.—Л., 1952). Еще пример:

А и будет день ко вечеру,
От старого до малого
Начали уж ребята бороться.

(Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Василий Буслаев. М., 1938).

Тот факт, что слово *малый* — *мал* в смысле «малолетний» часто употреблялось в сочетании с антонимом *старый* — *стар*, способствовало «переключению» оборота в «возрастной» план. Вот интересный случай подмены компонента *мал* словом *млад*, указывающим на возраст человека: «От млада же и велика обогатися от пленения» (Петров П. Н. Неизвестная драма Петровской эпохи «Иудифь», I четверть XVIII века).

«Словарь Академии Российской» 1789 года уже не отмечает социального значения в слове *малый* (*мал*), хотя оно еще и сохраняется в языке.

С течением времени многие значения слов устаревают, социальные термины исчезают в новых исторических условиях, выражение же продолжает жить. Языку как бы жаль расстаться с ним. Но содержание выражения основывается уже не на старых, отошедших в прошлое значениях, а применяется к другим, приемлемым для позднейшего сознания. Вполне же отчетливые случаи употребления *от мала до велика* в значении «возраст» относятся к середине XIX века: «В приятном семействе все члены от мала до велика наделены какими-нибудь талантами. Первый и существеннейший принадлежит самим хозяину и хозяйке дома... Затем старшая дочь играет на фортепьяно, вторая приятно поет романсы, третья танцует характерные танцы, четвертая пишет, как Севинье, пятая просто умна и т. д. Даже маленькие члены семейства и то имеют каждый свою специальность» (Салтыков-Щедрин. Губернские очерки).

Лексикализации словосочетания *от мала до велика*, то есть превращению его в устойчивый оборот, способствовало забвение прямых значений слов — компонентов. Сначала устарели слова *малый* — *мал* в социальном значении. Позднее, это уже относится к современному языку, стало устаревать применение слов *малый* — *мал* в значении «возраст», сохранив его лишь в устойчивых сочетаниях, поговорках: *малый ребенок*, *малые дети*, *стар и мал*, *стар что мал*.

Итак, в современном обороте *от мала до велика* социальная семантика слов давно утратилась. «Возрастное» значение слова *мал* также ослабло. Что касается слова *великий* (*велик*), то оно вообще не выступало в значении «старый» а только в качестве антонима слова *малый* (*мал*).

Значительные изменения произошли с оборотом *от мала до велика* в течение его долгой жизни. Будучи в прошлом излюбленной принадлежностью повествовательной литературы, в меньшей степени — деловой, оборот постепенно расширяет сферу своего применения. В XVI и XVII веках находим его в эпистолярной и публицистической литературе и в окружении разговорной лексики, например: «Вот смотрите-су добрыя люди: коли з зубами и з бородой человек родится? На всех на вас шлюся от мала и до велика, бывало ли то от века» (Аввакум. Книга бесед).

Раньше это было насыщенное конкретным содержанием выражение, а теперь оно приближается к словам с обобщенной семантикой. Это полностью окаменевший оборот наречного типа, в структуре которого ничего уже изменить нельзя. Его характеризует тенденция к все большему развитию обобщенного значения: «абсолютно все». Вот пример из Приложения к одной из редакций «Ревизора» Н. В. Гоголя: «Первый комический актер: Дружно покажем всему свету, что в русской земле всё, что ни есть от мала до велика, стремится служить тому же, кому должно служить, что ни есть на всей земле, несется туда же (взглянувши наверх), кверху, к верховной вечной красоте» (Гоголь. Собр. соч. в 6 томах, т. 4, с. 394).

Официально-деловые стили современного языка избегают этого оборота, но в художественной литературе он нередко встречается в авторской речи, например: «Словечки подбирал обидные, прав же у него был неуживчивый, скандальный, и что особенно бросалось в глаза и обижало людей от мала до велика — это правоучительный тон, который с годами окреп в Паше Зотове, превратился в непреодолимую потребность, как если бы Паша нашел свое призвание и уверовал в миссионерскую роль среди заблудших овец» (Г. Семенов. Земные пути). Мы находим *от мала до велика* также и в речах персонажей: «Он стал оправлять сбрую на лошадях, продолжая веселеньким голосом, — замок, конечно, сорван, а кто виноват? Кроме пастуха да каких-нибудь старичков, старух, которые на печке смерти ждут — весь мир виноват, от мала до велика. Всю деревню с детьми, с бабами, ведь не загопите в тюрьму, господин!» (М. Горький. Жизнь Климса Самгина).

Оборот *от мала до велика* находился в активном фонде русского языка в течение многих столетий. Он вошел и в современный язык в качестве одного из образных средств. В тех случаях, когда возникает необходимость охарактеризовать какой-нибудь человеческий коллектив с точки зрения его полноты, к услугам говорящего — лаконичное, но емкое по смыслу выражение,

О РУССКИХ ФАМИЛИЯХ (ответы читателям)

Абрамцев. Спрашивает семья Абрамцевых.— Отчество от *Абрамец* (уменьш. от *Абрам*). В основе библейское имя *Авраам*.

Амплеев. Спрашивает А. С. Амплеев.— Отчество от канонического имени *Амплий* из латинского *amplus* — «значительный, важный».

Атиков. Спрашивает А. С. Атикова из Донбасса и сообщает, что никогда не встречала никого с этой фамилией.

Действительно, фамилия очень редкая. Пока найдена только предположительная основа: в северо-западных русских говорах был записан глагол *атить* — «молиться», из него могло возникнуть прозвище *Атик*, иронически характеризующее показное усердие богомола.

Балашов. Спрашивает М. П. Балашова, г. Черкесск.— От очень частого в прошлом татарского имени *Балаш*, общетюркское *бала* — «ребенок». Из того же имени — название города Балашов.

Бахолдин. Спрашивает М. Г. Бахолдин, г. Коломна.— Фамилия связана с диалектным словом *бахолда*, в Тамбовской и Тульской губерниях оно означало — «неопрятный, ленивый, вялый», в Приуралье — «хвостун, лгун», в черноземной полосе — «болтун».

Бершов. *Бери* — «судак», поволжское диалектное назва-

ние. Фамилия, очевидно, связана с прозвищем предка.

Вербицкий. Спрашивают школьники из г. Нурек Таджикской ССР.— Фамилия обозначала прибывшего из селения Вербица, каких много, например, на Украине. Название села — из наименования дерева — *верба*.

Винокуров. На вопрос Н. Ф. Винокурова, г. Тбилиси.— Фамилия связана с профессией предка: *винокур* — изготовитель вин; общеславянское слово *курить* означало «отапливать, зажигать, дымить» и получало производное значение — «варить вино».

Витютнев. Спрашивает М. Г. Бахолдин, г. Коломна.— Отчество *Витютнев* от прозвища *витютень* (*ветютень*) — «разный, рохля».

Галанкин. Наричательное *галанка* широко распространено в русских говорах с самыми разными значениями: «хохот», «бездельник, кутила», «брюква, репа», «печка», «молочный горшок», «разновидность шубы»; одни из них связаны с Голландией, откуда заимствованы некоторые предметы, другие — результат «акающего» произношения прилагательного *голый*. Чтобы определить, которое из этих значений стало основой прозвища, надо знать, где оно возникло (см.: «Словарь русских народных говоров», вып. 4, Ленинград, 1969).

Золотавин. На вопрос

С. В. Золотавина, г. Калининград.— Одна из ранних русских фамилий — отмечена еще в 1660 году. Основа ее — слово *золотава*, оно давно исчезло, но сохранилось производное от него — *золотавка* — «шаль с золотистым оттенком».

Кадышев. Фамилия связана с профессией предка: *кадыш* — бочарь, изготовитель кадок.

Кокоулин. Основа фамилии *кокоуля* — русское название земледельческого инструмента для вспашки земли, разновидность сохи.

Кравцов. Спрашивают школьники с. Зарубино, Кемеровской обл.— Отчество от именования отца по его профессии: *кравец* — «портной» (украинск.).

Кулагин. Основа — *кулага*, у русских в прошлом кушанье из толкна, заваренного кипяченой водой, или напиток из солода, похожий на пиво; фамилия — прозвище любителя этого напитка или торговца им.

Ларюшин. Спрашивает В. Суворина.— Отчество от уменьшительного Ларюша из церковного имени Иларион (древнегреч. «веселый»), в русском повседневном употреблении *Ларион*.

Лаушкин. Спрашивает К. Д. Лаушкин. По семейному преданию, предки приехали в Орловскую губернию из горной местности Лауше, на чешско-германской границе, и стали «однодворцами», помещиками без крепостных.— Действительно, есть гора и город Лауше на юге ГДР у чешской границы, возможно, что семейное предание Лаушкиных не вымысел, к которому в прошлом часто прибегали в родовитых семьях, чтобы придать своему роду особую значительность в глазах общества.

Лыткин. Фамилия связана с

диалектным глаголом *лытать* — «уклоняться от работы, слояться без дела».

Лютов. Спрашивает К. В. Лютова, Смоленская область.— Основа фамилии — прилагательное *лютый*.

Манихин. С. А. Манихин из Тулы спрашивает, «связана ли фамилия с женским именем Маня, то есть Мария?» — Основа фамилии — прозвище Маниха из диалектного слова *маниха* — «обманщик».

Мелехов. На письмо О. П. Мелеховой из Свердловска.— Отчество от Мелех из церковного имени *Мелетий*. Форма Мелетий появилась по аналогии с латинскими именами Лаврентий, Терентий и другими.

Минеев. Спрашивает Н. А. Худанина, г. Пермь.— Отчество от церковного мужского имени *Миней* (из древнегреч. *мен* — «месяц»).

Момотов. Спрашивает В. А. Момотов, г. Волгоград.— Отчество от искаженной формы Момот из церковного имени *Мамонт*. На русской почве оно изменилось в Мамонт (отсюда Мамонтов), затем — в Мамот и Момот.

Наволоцкий. На вопрос А. Д. Новолоцкой, г. Кострома.— Первоначально — именование по местности, откуда прибыл именуемый: *Наволоки* — название нескольких населенных пунктов в среднерусской полосе, ближайший к Костроме — город Наволоки (на Волге в Ивановской обл.).

Нагаев (также *Нагайцев*, *Ногаев*). Спрашивает В. Васильев.— Ногайцы — народность тюркской языковой группы, живущая на Северном Кавказе. В русских акающих говорах употреблялась форма *нагаи*.

Неприн. Семья Неприных из Череповца просит сообщить про-

исхождение фамилии и указать правильное место ударения.— Фамилия образована от усеченной формы *непря* из *непряха* — плохая пряжа или «неумелый, ленивый». Ударение при употреблении фамилии могло измениться. А слово *непря*, став собственным именем, прорывает связи с тем, от которого образовано, и теряет первоначальное значение, становится нейтральным.

Панкратов. От церковного мужского имени *Панкратий* (повседневно — *Панкрат*) из древнегреческого *панкратес* — «весь сильный».

Проскурия. спрашивают школьники из г. Нурек, Таджикской ССР.— В основе фамилии — слово *проскура*, чаще известное в формах *просфора*, *просвира*; заимствовано из греческого и означает небольшой, круглый белый хлебец, употребляемый в обрядах православного богослужения.

Радицев. Источник фамилии — устаревший глагол *радить* (*радеть*), то есть заботиться, стараться. Но не исключена связь с корнем *род* с последующим влиянием «аканья» в говорах.

Савосин. На вопрос москвички Н. В. Савосиной.— Фамилия — отчество от уменьшительной формы *Савося* из капонического мужского имени *Севастиан* (древнегреческое первоначальное значение — «почитаемый, знаменитый»).

Скопницев. Отчество от наименования *скопинец*: прибывший из города Скопина (в Рязанской области).

Суворин. спрашивает В. Суворина.— Отчество от прозвища *Сувор* из старинного северного и сибирского слова *суворый* — «суровый».

Терехин. спрашивает А. Те-

рехин.— Отчество от *Тереха* из церковного имени *Терентий*.

Трутнев. спрашивают Трутневы, г. Свердловск.— Основа фамилии — *трутень*, по Словарю В. И. Даля, — «лентяй, дармоед».

Тунин. спрашивает В. Тунина.— Если фамилия возникла на северо-востоке, то возможная основа ее — *туна*: так удмурты называли знахаря, предсказателя, языческого жреца.

Тчанников. спрашивает С. А. Решетов, г. Волгоград.— Старое русское слово *тчан* означало очень большую бочку; позже оно упростилось в *чан*; соответственно *тчанник* — рабочий, изготовляющий чаны.

Тюренок. спрашивает А. А. Железкина.— В Словаре В. И. Даля приведен глагол *тюрить* со значениями «врать», «путать»; от этого глагола могло быть образовано прозвище *тюренок*, отчество от которого и стало фамилией.

Фефелов. спрашивают школьники из г. Нурек.— Отчество от церковного имени *Феофил* (древнегреческ. — «любящий богов»).

Фонвизин. спрашивает постоянная читательница нашего журнала Е. И. Анохина.— Фамилия немецкого происхождения — *фон Визен*, то есть «из Визена».

Худанин. спрашивает А. А. Худанина, г. Пермь.— Отчество от прозвища Худаня, которое означало бедного или худощавого человека.

Чукни. М. Н. Чукин (г. Южно-Сахалинск) просит объяснить происхождение фамилии и сообщает, что «еще ни разу не встречал однофамильцев, кроме родственников».— Только в Москве ее носят 22 семьи, встречается она и в других городах. А вот значение фамилии, действительно, неясно. Пока можно

только предположить возможную основу *чука* из диалектных слов *чукавый* — «сметливый, догадливый» (новгородское), *чукаво* — «в обрез, в обтяжку» (курское), *чужан* — «щёголь» (орловское), эти слова и значения привел в своем Словаре В. И. Даль.

Чурин. Чуров. Чуренин. Чурой в древние времена назывался раб, в более поздние времена — слуга-оруженосец.

Именами Чур, Чура восточные славяне называли детей, вероятно, в честь Чура — славянского языческого божества домашнего очага. Форма имени Чурса — из корня *чур-* и старинного суфф. *-са* (См.: Федосюк Ю. А. Русские фамилии. М., 1981 г.).

Эвергетов. Просит объяснить происхождение этой фамилии Н. В. Лобова из Омска. — Этимология фамилии загадочна. Связать ее с фараоном Египта III века н. э. Эвергетом можно только в том случае, если ее дал выпускнику духовной семинарии архиерей. Других источников найти не удалось.

Эсперов. Спрашивает Г. Д. Эсперов. — Одна из семей с фамилией *Надеждины* перевела ее на латынь: *espera* — «надежда».

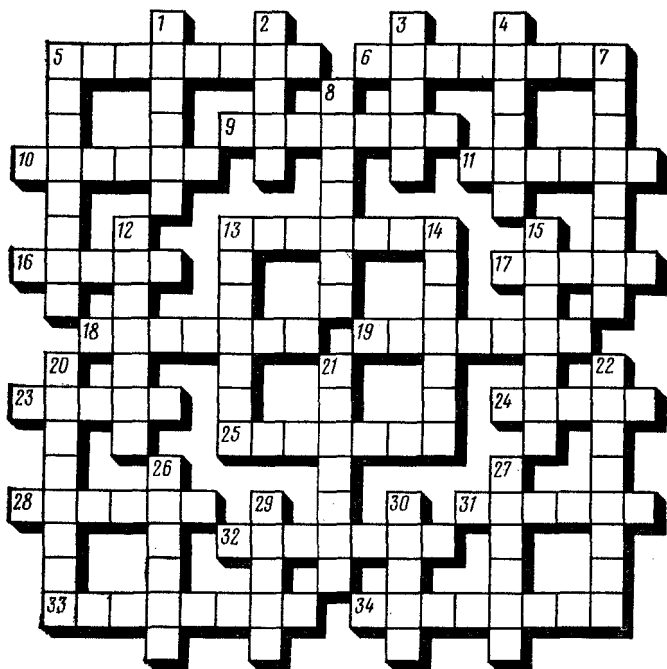
Юрнев. Спрашивает С. Миронова, г. Вышний Волочек. — Отчество от прозвища *Юрень* из

глагола *юрить* — «суетиться, метаться».

Уважаемый читатель!

Среди многочисленных писем, поступающих в редакцию, часто встречаются такие, авторы которых просят объяснить фамилии иноязычного происхождения. Журнал «Русская речь» освещает проблемы русского языка, его истории.

При этом далеко не все русские фамилии поддаются объяснению. В основе многих из них лежат слова, одни из которых давно и бесследно исчезли из языка, другие, возможно, и сохранились в диалектах, но пока не записаны и неизвестны специалистам; есть и такие, которые с течением времени изменили свою форму настолько, что трудно предположить, каким это слово было раньше и что могло значить. Ответы на такие вопросы — пусть маленькие, но открыты. И мы снова приглашаем всех любителей русского слова к совместному поиску, к решению новых трудных загадок, которые пока еще скрыты в таких фамилиях, как *Булахов*, *Ерлыченков*, *Пилыченков* (вологдская), *Серпокрылов*, *Солсинов*, *Страбыкин*, *Тарзанов* (сибирская, существовала задолго до появления известного фильма о Тарзане), *Шалдыбин*.

КРОССВОРД

«Н. В. Гоголь. РЕВИЗОР»

По горизонтали: 5. Кусок плотной ткани с нанесенным на нее липким лекарственным составом; к этому средству хочет прибегнуть Бобчинский после неудачного падения. 6. Род занятий Хлестакова в Петербурге. 9. Работница, готовящая пищу, упоминаемая захмелевшим Хлестаковым. 10. Фамилия унтер-офицера, которую носила унтер-офицерская вдова. 11. Что посоветовал городничий ест заседателю, от которого постоянно исходил водочный запах? 13. Армейский чин игрока, за четверть часа «обобравшего» Хлестакова в Пензе. 16. Печеное изделие из тонкого раскатанного теста с начинкой, оно продавалось в городе в специальных будках. 17. Мера длины, распространенная среди купцов, торговавших сукном. 18. Место для сна, с которого «топешно схватывается» Осип перед самым приходом в номер гостиницы Хлестакова, 19. Искажение черт лица,

которое делал один из учителей, за что смотритель учебных заведений получал от городничего выговор. 23. Бытовой предмет, с которым Хлестаков сравнивает жаркое, поданное ему в трактире. 24. Что, по мнению городничего, было на улицах города? («На улицах..., нечистота!») 25. Ключница городничего. 28. Солдат-новобранец, каковым стал по вине городничего муж Пошлепкиной. 31. Место в доме купца Абдулина, которое грозился «переруть» городничий, если купец не пришлет самого лучшего вина. 32. Старый солдат, участвовавший в походах (обычно, награжденный медалями), с ним Осип общался в лавочках Петербурга. 33. Обычное название в России первой половины XIX века волы подумцев, революционеров. Его использует Артемий Филиппович Земляника для характеристики Луки Лукича Хлопова. 34. Как отреклась Хлестакову мешанка Пошлепкина?

По вертикали: 1. Одно из мест в городе, от осмотра которого отказался Хлестаков. 2. Плод растения стоивший, по словам Хлестакова, семьсот рублей. 3. Слуга городничего. 4. Административное здание в Петербурге, куда, якобы, «всякий день» ездил Хлестаков. 5. Что не было выдано арестантам (об этом говорит городничий, напуганный приездом Хлестакова)? 7. Почетное лицо в городе, дочитывавшее письмо Хлестакова. 8. Пренебрежительное название гарнизонных солдат, употребленное городничим в разговоре с частным приставом Уховертовым. 12. Емкость, в которой находилась французская водка (за ней была послана к Почечуеву ключница) 13. Возвышение, с которого сбежал учитель истории, рассказывавший об Александре Македонском. 14. Письменное извещение, уведомление, как его называет Бобчинский («Чиновник-та, о котором изволили полу-

чить...— реvisor»). 15. Должность Степана Ильича Уховертова. 20. Как городничий называет учебное заведение, где «воспитывались» учителя? 21. Что «подчищал» квартальный Пуговицын с десятскими? 22. Что, по словам Бобчинского, образовалось у него на носу после заключения с дверью? 26. Стечение жизненных обстоятельств, которым, по мнению Хлопова, объясняется неожиданное «счастье» городничего. 27. Какое презрительное просторечное слово использовал Лука Лукич по отношению к Бобчинскому и Добчинскому после прочтения письма Хлестакова? 29. «А собой каков он: брюнет или блондин?» — спрашивала Анна Андреевна о Хлестакове. В самом деле, каков? 30. Предмет, которым должны были воспользоваться десятские для работы на улице, ведущей к трактиру.

Составил В. Н. Шендрик

Пирафен

«В третьем номере журнала «Русская речь» за 1985 год помещена статья В. М. Лейчика «В мире названий: Рубин, Лада, Мишка косолапый», в которой приводятся интересные наблюдения над образованием названий марок машин, приборов, сортов растений и пород животных. В статье говорится, в частности, о том, что название лекарственного средства «пирафен» состоит из частей слов «амидопирин» и «фепацитин». А, может быть, первая часть названия «пирафен» взята из слова «пирамидон»?»

В. Дмитриева, Москва

Образование названий комбинированных лекарственных препаратов из частей (отрезков) названий составляющих их веществ — способ, очень распространенный в разных языках мира. Могут использоваться даже последние части слов, если они позволяют опознать эти исходные названия. Характерный пример был приведен в статье:

«теодибаверин» — теобромин + дибазол + папаверин.

Расшифровка подобных названий представляет большой теоретический и практический интерес. Первоначально использовавшееся название «пирамидон» было создано в начале XX века из греческого корня *pyros* — огонь, жар или даже *pyretos* — лихорадка, огневица и корня латинского слова *amide* — амида (сокращение слова «аммиак») — кислоты, в которых гидроксил замещен аминогруппой. Этот лекарственный препарат применялся как жаропонижающее средство и средство от головной боли. В начале 60-х годов было создано из тех же отрезков слов новое название «амидопирин». И если даже в названии «пирафен» вначале фигурировала первая часть слова «пирамидон», то теперь любой специалист видит в нем часть слова «амидопирин», что и зафиксировано в описании препарата «пирафен».

Не менее интересна история второй части этого названия. «Фенацетин» состоит из корней греческого слова *phainō* и латинского *acetum*. Элемент «Фен» является отрезком названия химических веществ «фенолы» (производные бензола), которое, в свою очередь, состоит из корня греческого глагола *phainō* — «освещаю» и латинского существительного *oleum* — «масло», что связано со способом получения светильного газа из каменноугольной смолы (масла). Элемент «ацет» связан с латинским *acetum* — «уксус», поскольку

ку в фенацетин входит ацет-аминобензол. Фенацетин также используется как средство от головной боли и как жаропонижающее средство (антипирины).

Читатели, интересующиеся тем, как создаются названия лекарственных средств и препаратов, могут получить много ценных сведений в учебнике проф. М. Н. Чернявского «Латинский язык и основы фармацевтической терминологии» (М., Медицина, 1984).

В. М. Лейчик,
кандидат филологических наук

Еще раз о слове АНШЛАГ

Отвечая на вопрос читателя о значении слова *аншлаг*, «Русская речь» (1984, № 5) отметила у него два значения: 1. Объявление в театре, кино и т. п., что все билеты проданы; 2. Крупный заголовок в газете, шапка. Именно такое употребление слова *аншлаг* словари и справочники считают нормативным (см.: 4-томный «Словарь русского языка» АН СССР, М., 1981; Скворцов Л. И. «Правильно ли мы говорим по-русски? Справочное пособие по произношению, ударению и словоупотреблению», М., 1980 и др.). Например: «С тех пор, как он появился, на кассе цирка каждый день вывешивался *аншлаг*:

„Билеты все проданы“ (Беляев. Остров погибших кораблей); «Когда в Малом идет „Лес“, можно быть уверенным — над кассой — *аншлаг*, а у входа толпятся искатели лишнего билета» (Вечерняя Москва, 1984, 8 дек.); «„Аржантейский курьер“ от двадцать шестого февраля открывался жирным *аншлагом*: Бакбукские убийцы приговорены к смерти» (Лагин. Патент АВ).

Но в речевой практике, особенно в газетных и журнальных статьях, существительное *аншлаг* расширяет границы своего употребления. *Аншлагом* над театральной кассой называют не только объявление о

том, что все билеты проданы, по и любое другое объявление, например: «Спектакль кончается рано. Такой *аншлаг* можно вывешивать на каждый вечер» (Театр, 1983, № 3).

Аншлаг можно встретить и в текстах, по содержанию не связанных с театральной темой. В этих случаях оно заменяет слова *афиша*, *плакат*, *транспарант*, *реклама*, *объявление*, чаще более уместные в данном речевом контексте, например: «Физкультура и спорт.— Огромные *аншлаг*и с этими словами встречают вас у входа в Манеж» (Радиопередача «Юность», 1984, 25 авг.), «При въезде в мой чудесный город вас встретит красочный *аншлаг*: „Томск — город науки“» (Советская Россия, 1983, 17 ноября); «У ворот монастыря скоро появились регулировщики движения, какой-то неизвестный художник уже выводил на фанере большой *аншлаг*: „Могила А. С. Пушкина — здесь. Отомстим за нашего Пушкина“» (Советская Россия, 1984, 12 июня).

Такое употребление слова *аншлаг* является сравнительно новым для русского языка, и словари и справочники не единодушны в его оценке: одни считают такое употребление неправильным (Скворцов Л. И. Правильно ли мы говорим по-русски?), другие признают соответствующим норме (Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь

трудностей русского языка. М., 1984).

В профессиональной речи актеров, режиссеров, театральных критиков *аншлаг* употребляется в значении «полный сбор, переполненный зал», что обычно синонимично большому успеху спектакля. По-видимому, данное значение развилось на базе выражения «полный сбор с аншлагом», где *аншлаг* выступает в своем основном значении — «объявление о том, что все билеты проданы», например: «С 9 декабря по сие время — сплошные полные сборы с *аншлагами*» (Станиславский К. С. Собр. соч. в восьми томах. Письма, т. 7). Затем подобные выражения сокращаются, и в речевой практике закрепляется фразеологическое выражение *полный аншлаг*, обычно в сочетании с глаголом *пройти* (*проходить*), то есть *полный сбор, успех*, например: «С *полным аншлагом* проходят в столице гастроль Ленинградского академического Большого драматического театра имени Горького» (Неделя, 1969, № 24); «Девять авторских вечеров *при полных аншлагах* прошли в Ленинграде» (Крестьянка, 1984, № 3); «...люди валом валили в театр, был *полный аншлаги*» (Советская Россия, 1984, 11 ноября).

Сокращение, или «семантическое стяжение», по выражению Д. Н. Шмелева, пошло еще дальше, и уже одно слово *ан-*

шлаг, без определения *полный*, стало способно выразить значение «полный сбор, переполненный зал»: «А у нас ведь как повелось? Приезжает актер, в зале — *аншлаг*» (Советская Россия, 1983, 23 ноября); «...по-прежнему „Горе от ума“ идет при *аншлагах* в зрительном зале» (Советская Россия, 1983, 30 ноября); «Практически любой спектакль, объявленный в популярном столичном театре, обречен не то чтобы на успех, нет, но на совершенный, как любят говорить администраторы, «*аншлаг*», иными словами, *полный зал* в течение нескольких лет ему обеспечен» (Лит. газета, 1984, 11 янв.).

Такое употребление слова *аншлаг* в профессиональной речи театроведов, театральных критиков становится преобладающим.

Существительное *аншлаг* в значении «полный сбор, переполненный зал», «успех» дало жизнь прилагательному *аншлаговый*, не отмеченному пока

словарями современного русского языка: «Он-то понимал, что *аншлаговый* штиль 70-х не сулил ему желанных бурь и сенсаций» (Театральная жизнь, 1984, № 16). Появились словосочетания *аншлаговая пьеса*, *аншлаговый спектакль* и даже *аншлаговая посещаемость*: «Люблю учиться у коллег, хожу в другие театры не на громкие премьеры, не на модные *аншлаговые* пьесы» (Комсомольская правда, 1983, 25 декабря); «...недогруженные залы компенсируют дефицит *аншлаговых* спектаклей...» (Анисимов. Театры Москвы); «В Литве же — наоборот, посещаемость всех театров республики, включая периферийные, близка к *аншлаговой*» (Театр, 1983, № 10).

Таким образом, изменения в значении слова *аншлаг* отразились и в его функционировании в речи и в новых словообразовательных возможностях.

И. А. Елисева,
кандидат филологических наук

Как-то — однажды

Употребление слова *как-то* «на месте» наречия *однажды* просит объяснить П. Л. Соколова из Москвы.

Наречие образа действия *как*, присоединив к себе частицу *-то*, в русской речи нередко используется во временном значении, то есть как синоним к словам *однажды*, *раз*, *некогда* и др. Например: «Сидим мы *как-то* с одним мужиком, ведем разговор о хозяйстве, он и говорит: „А почему это коня не разрешают купить?..“» (Васильев. Допуск на инициативу); «*Как-то* [ср. *однажды*] академик Н. В. Цицин заметил, что с точки зрения биохимической пыльца содержит разнообразные вещества, многие из которых нам еще неизвестны» (Известия, 1985, 4 апр.).

Подобное употребление может быть объяснено двояко.

Во-первых, можно попытаться установить общее значение *как* в его разнообразных употреблениях — как союза, частицы, наречия степени и т. п., то есть сопоставляя между собой примеры: *В возрасте, а как танцует! Как хорошо здесь! Он как закричит, рукой*

как хлопнет; Вот уже год, как не получаю от нее писем; Как только закончите, сразу же отправляемся ко мне и т. п.

Во-вторых, можно попробовать определить конкретный характер этого *как*, исходя из «качественности» его значения, а также из свойства наречия вообще обозначать признак действия или качества.

И тот и другой путь, в сущности, приводит к одному результату: *как*, подобно другим наречиям, обладая свойством выражать качественную характеристику действия, при изменении условий употребления оказывается способным обозначать временной предел наступления или прекращения действия.

Подобным образом, например, «раздвоена» семантика родственного по исходной составной части наречию *как-то* другого наречия — *как-нибудь*. Сравните: «Мы все учились понемногу Чему-нибудь и как-нибудь...» (Пушкин. Евгений Онегин); «Заходите на чаек *как-нибудь* [т. е. когда-нибудь]. Милости прошу, не забудьте» (Стеблов. Возвращение к ненаписанному).

На основе наблюдений над подобными примерами читателю будет также нетрудно понять, что частица *-то* не привносит «извне», а только способствует выражению наречием *как* — изначально многозначным словом — временного значения.

Многозначность *как* отчетливо ощущается в некоторых народных песенных зачинах, где с этим словом можно связывать не только обозначение временной характеристики события (отнесенности его к прошлому), но и выражение различных эмоционально-оценочных (соответственно — интонационных) оттенков, например:

Как сестрица-то братца унимала, Сестрица родного унимала...; Как Николушка-то по полю ездит, Суслончики пересчитывает...; Как ни с гор, ни с дол сильная погодушка подувала...; Как у нас нонче плохие времена...; Как пошла наша Параня с горы на гору гулять... и т. д.

Будучи синонимичными друг другу, наречия *как-то* и *однажды* в целом ряде случаев свободно употребляются одно на месте другого, не изменяя существенным образом ни содержания, ни стилистической окраски сообщаемого. Например: «И вот *как-то* [ср. *однажды*] за чаем, на который она приглашала нас каждую среду, среди оживленного и беспредметного разговора, кто-то почему-то вспомнил старика В.,

известного собирателя фарафора...» (Бунин. Огнь пожирающий); «*Однажды* [как-то] в конце недели Федор Иванович попросил меня выделить ему на субботу двух парней и заказать до перерыва башенный кран» (Сериков. Договор по совести).

По своей окраске и семантике *как-то* в отличие от *однажды* более живо, более динамично, поэтому в предложении тяготеет к непосредственному соседству с глаголом; используется для характеристики конкретной, развертывающейся цепи действий. Говорящий при этом нередко включается в эту цепь как одно из действующих лиц. Ср.: «*Возвращаюсь я тут как-то* из-за кордона... соскочил в Туле ноги промять. Глянул — навстречу кто бы ты думал? Ни в жизнь не догадаешься — Светка Заикина» (Литературная Россия, 1985, 29 марта); «*Как-то* оказался я соседом по больничной койке Василию Ивановичу Орлову, известному в наших краях председателю колхоза...» (Васильев. Допуск на инициативу).

По сравнению с *как-то* наречие *однажды*, имея в своем составе «суммирующе-обобщающий» суффикс *-жды* (ср. *дважды*, устар. *многожды*), более статично и абстрактно по значению; оно имеет особое, не свойственное *как-то* употребление — в предложениях обобщенного характера. Связь же между ним

и глаголом-сказуемым предложения нередко опосредуется другим наречием или предложно-падежным сочетанием с обстоятельственным значением. Сравните:

«Счастлив тренер, который видел *однажды* [замена словом *как-то* невозможна] команду своей мечты, подготовил ее...» (Платонов. Мы — команда); «*Однажды, в студеную зимнюю пору* Я из лесу вышел; был сильный мороз» (Некрасов. Крестьянские дети).

В силу тех же особенностей — большей абстрактности и статичности значения — *однажды* преобладает в составе

заголовков художественных и публицистических произведений. Сравните некоторые заголовки: «*Однажды по дороге*» (Тимченко); «*Однажды весной*» (Белов); «*Однажды рядом*» (Куратов); «*Однажды, в сорок втором...*» (Уварова) и т. д.

Отмеченная конкретность наречия *как-то* вполне объяснима. Она обусловлена вытекающей из сказанного производностью временного значения *как-то* от его качественно-характеризующего значения.

Н. А. Луценко,
кандидат филологических наук
Донецк

«У нас в Рязани...»

«В Рязани грибы с глазами: их едят, а они глядят», — гласит пословица. Нет такого явления жизни, которое не отразилось бы в русской пословице. Яркие, образные, меткие выражения сосредоточили в себе и сохранили многовековую мудрость народа. Сколько же таких пословиц, поговорок, прибауток живет в народе до сих пор! Приклеилось когда-то к рязанцам обидное прозвище «кособрюхие», а почему, например, не закрепилось другое прозвище, скажем, «рязапцы — плотвики», как «владимирцы — камещики»? А ведь плотники

рязанские своим мастерством по всей России славились. В чем же дело?

В прошлом крестьянство, гонимое безземельем, нищетой, голодом шло на дальние заработки, так называемые отхожие промыслы. В книге «Рязанская губерния», изданной еще при крепостном праве в 1860 году, говорится, что «из губернии ежегодно отправляется множество народу на заработки в разные, более или менее отдаленные места». И далее сообщается, что «в основном это плотники, лучшими из которых считаются крестьяне Мещеры»,

Позже о рязанских отходниках писал В. И. Ленин в своей книге «Развитие капитализма в России»: «Из Рязанской губ., по официальным данным 1875—1876 гг., выходило в год не менее 20-ти тыс. одних плотников» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 533). Как видим, основным занятием рязанских отходников было плотничество. А первый, самый важный инструмент плотника — хороший топор. И носился он мастерами заткнутым сбоку за пояс или кушак. А сверху падевался зипун или полушубок. После этого, естественно, фигура человека казалась «кособрюхой».

— Откуда, мужички? — спрашивали идущих в поисках работы плотников местные крестьяне где-нибудь в Нижегородской или Тверской губерниях.

— Мы рязанцы, — отвечали плотники.

— У, кособрюхие!

Ушли в прошлое отхожие промыслы, и забыли даже сами

рязанцы, почему их так прозвали. А в ту трудную пору очень тосковали рязанцы-плотники по родным местам. Сядут, бывало, отдохнуть, а молчать не умеют — любили пошутить. А любая шутка-прибаутка началась словами: «А у нас в Рязани...». Выходило, что нет на земле места лучше, чем Рязань. Каждому человеку свои родные края милее и краше кажутся, поэтому мастеровые люди из других мест, обычно, отвечали рязанцам с веселой иронией, мол, знаем, у вас в Рязани и грибы с глазами... Так и родилась знакомая нам пословица.

Но не забыли в народе и о мастерстве рязанских плотников, слава о них до сих пор живет в других пословицах: «Мещерские плотники на всю Россию работники» и «Где мещерский плотник побродил, там хоромы стоят».

В. Б. Серебряков
Рязань

Обустроить — обустроить

Е. А. Кетова из г. Свердловска спрашивает, нужен ли в русском языке глагол *обустроить* и правомерно ли его употребление во фразе «обустраиваться на новой квартире».

Действительно, слово *обуст-*

раиваться как производное от глагольной пары *обустроить — обустраивать* сейчас стало довольно широко использоваться в устной и письменной речи [об употребительности этих слов в письменной речи наш журнал уже писал (1971, № 1, с. 149)].

Впервые же в качестве словарной единицы русского языка глагол *обустраивать* зафиксирован словарем-справочником «Новые слова и значения» (1971), где он толкуется как *производить строительные работы, связанные с оборудованием*, или, иначе, *оснащать (оборудованием)*.

Обратите внимание на следующие обстоятельства. Во-первых, новое слово появилось в специализированном языке (в терминологии), и здесь оно неравнозначно глаголу *устраивать*, который имеет в русском языке синонимы *создавать, организовывать*. Во-вторых, *обустраивать* отличается от *устраивать* еще и тем, что включает в свое значение понятие объекта, с помощью которого осуществляется называемое этим глаголом действие. В указанном словаре-справочнике такой объект именуется «оборудование». В-третьих, глагол *оснащать*, который мог бы как будто заменить глагол *обустраивать*, на самом деле не годится для такой замены, потому что смысл его очень конкретный. В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова значение глагола *оснастить* (несов. вид *оснащать*) описывается так: 1. Оборудовать снарядами. 2. *перен.* Снабдить всеми необходимыми техническими средствами.

Новые слова начинают употребляться в языке, как правило, в силу ряда объективных

причин, которые часто не лежат на поверхности. Задача лингвистов состоит в том, чтобы выявить эти причины и определить их соответствие объективным законам, которые характеризуют язык как средство общения. В данном конкретном случае употребление глагола *обустраивать* (со всеми его регулярными производными: *обустроить, обустраиваться, обустройство*) не противоречит этим объективным законам.

Дело в том, что словообразовательная модель, по которой образуются глаголы с приставкой *об-* от наименований конкретных объектов, для того чтобы передавать значение (в общем виде) «*снабжать* (совершенный вид *снабдить*) данным объектом какой-либо другой конкретный объект», — модель регулярная. В Словаре В. И. Даля очень много таких глаголов: *обнабить* (лодку) — *насадить* (на лодку) *набои*; *обрешетить* — *покрыть решеткой*; *обсоюзить* (сапоги) — *положить союзы*; *обсургучить* (иглу) — *приделать сургучную головку*; *обуклучить* (лодку) — *вырезать в ней уключины* и многие другие. Есть глаголы такой структуры и в Словаре С. И. Ожегова: *обводнить* — *обеспечить водой*; *облесить* — *засадить лесом*; *обсахарить* — *покрыть слоем сахара*; *обсеменить* — *засеять семенами*; *обслюнить* — *запачкать, смочить слюной*.

В глаголе *обустраивать*

(*обустроить*) в качестве наименования объекта, с помощью которого действие осуществляется, выступает слово *устройство*. Одно из его значений в Словаре С. И. Ожегова — 4. Вообще — техническое сооружение, механизм, машина, прибор (книж.). Следовательно, значение глагола *обустроить* в общем виде может быть описано так: снабжать необходимыми устройствами. В строительстве это будет

строительное оборудование, в гостиной — мебель, сантехника, телевизоры и т. п.

Обустраиваться — глагол специальный, и употреблять его в обиходной речи вряд ли уместно, потому что для «домашнего пользования» вполне достаточно емкого по смыслу глагола *устраиваться* (на новой квартире).

Л. П. Катлинская,
кандидат филологических наук

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Встретилось мне в книге слово *скрипторий*. Что оно значит?»

А. Ю. Гуляева, Жданов

Скрипторий заимствовано из среднелатинского *scriptorium*, что в свою очередь восходит к латинскому *scriptor* — переписчик, писец. *Скрипторий* в западноевропейских средневековых монастырях — мастерская, в которой переписывались книги.

Ответы на кроссворд «Н. В. Гоголь.
Ревизор»

По горизонтали: 5. Пластырь.
6. Чиновник. 9. Кухарка. 10. Иван-
нов. 11. Чеснок. 13. Капитан.
16. Пирог. 17. Аршин. 18. Постель.
19. Гримаса. 23. Топор. 24. Кабак.
25. Авдотья. 28. Рекрут. 31. Погреб.
32. Кавалер. 33. Якобинец. 34. Сле-
сарша.

По вертикали: 1. Острог.
2. Арбуз. 3. Мишка. 4. Дворец.
5. Провизия. 7. Коробкин. 8. Гар-
низа. 12. Бочонок. 13. Кафедра.
14. Нютиция. 15. Пристав. 20. Кол-
легия. 21. Тротуар. 22. Нашлепка.
26. Судьба. 27. Колпак. 29. Шатен.
30. Метла.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Н. С. ВАЛГИНА, И. Ф. ВОЛКОВ, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, А. И. ГОРШ-
КОВ, П. Н. ДЕНИСОВ, И. Г. ДОБРОДОМОВ, Л. П. ЖУКОВСКАЯ,
В. В. ИВАНОВ (главный редактор), Л. М. ЛЕОНОВ, И. Ф. ПРОТ-
ЧЕНКО (зам. главного редактора), Н. А. РЕВЕНСКАЯ (ответ-
ственный секретарь), Л. И. СКВОРЦОВ (зам. главного редактора),
Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ, Н. И. ТОМСТОЙ

Заведующая редакцией
Т. С. Колмакова

Художественный редактор
Е. Н. Сапожникова

Корректоры
В. В. Беляев, М. Б. Рыбина

Сдано в набор 18.12.85

Подписано к печати 13.02.86

Т-05831. Формат бумаги 84×108/32.

Печать высокая. Усл. печ. л. 8, 4.

Усл. кр.-отт. 509,7 тыс. Уч.-изд.

л. 9,6. Бум. л. 2,5. Тираж 59200.

Заказ 2095.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
Адрес редакции: 121019, Москва, Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: 202-65-25.
2-я типография издательства «Наука».
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.